23-1-14

«РОДИНА»

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ СЕНСАЦИЙ

6 номеров — 600 рублей *(без стоимости доставки)*

Каждый номер — это 112 страниц увлекательного чтения с иллюстрациями о нашем прошлом:

Фото Виктора Грищука

ТАЙНЫ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

Из хранилищ КГБ, ЦК КПСС, Политбюро и др., а также из «особых папок» Сталина, Кагановича, Хрущева

Вы узнаете из приложения к «Родине» — журнала

«ИСТОЧНИК»

(документы русской истории).

Все документы в «Источнике» публикуются впервые.
Индекс «Источника» в Каталоге «Роспечати» — **73187**

Индекс: 73325

Цена по подписке 40 руб. В розницу — договорная.

РОДИНА

11 — 1993

ISSN 0235-7089

Фрагмент картины
Г. Г. Чернецова
«Парад в Кремле в 1839 году».

Маршрут экспедиции.

1910 год. Казачата на крыльце албазинской школы. Почти все они погибнут в репрессии 30-х годов. Здесь — обведены рамкой — будущие отец и мать писателя Бориса Черных, руководителя Амурской экспедиции-93.

Черняевский казак Георгий Кузяков.

Старики Прасолины из Талбузино.

Невнятный быт и потрясенный уклад — свидетели прошлого и бегущего дня. Лука Николаевич Раздобреев, последний кожевенник на русском берегу.

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

№ 11 — 1993

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина». Компьютерная верстка **Т. А. Киселевой.**

СОДЕРЖАНИЕ

САМОЗВАНСТВО

ЮРИЙ БОЛДЫРЕВ

МЫ ВСЕ ЗАРАЖЕНЫ ЭТИМ ВИРУСОМ

Когда я предложил эту тему Клубу (а у меня самого она возникла довольно внезапно), я меньше всего думал об ее историческом наполнении, поскольку, действительно, прежнее самозванство на Руси разъяснено и описано. Меня ужалила эта тема именно в связи с XX веком: я вдруг увидел, что XX век просто наполнен самозванством. И в то же время для меня до сих пор остается неразрешенным вопрос: а можно ли то, что происходило и происходит в нашем веке, назвать этим старым термином — ведь самозванец чаще всего присваивает имя покойного или (куда реже) здравствующего монарха. А с монархами в мире практически покончено. Во всяком случае с властными, абсолютными монархами. Смешно было бы говорить о явлении самозванства в связи с английской монархией, которая царствует, но не правит. Да и вообще старый классический тип самозванства в XX веке просто невозможен при нынещних средствах сообщения и нынешних средствах информации. Разоблачение наступит довольно скоро, едва ли не моментально.

Так вот, то явление, которое меня заинтересовало, которое странным образом совпало с началом века и резко начало проявляться именно в начале века, — самозванство ли? Хотя люди, которые определяли собой это явление, конечно, могут быть названы самозванцами. К примеру, Бальмонт, который заявлял о своих больших претензиях на огромное литературное значение. Возможно ли оно в девятнадцатом веке? В общем, представляется невозможным: высмеяли бы и обшутили, как было с Булгариным и Бенедиктовым. Над Бальмонтом тоже смеются и издеваются. Но это уже не мешает ему надолго сделаться кумиром многих и многих в столице и провинции. За ним появляется Северянин, появляются футуристы.

На другом фланге — не на культурном, а на том, где сосредоточивается общественное, — появляется Георгий Гапон, появляется иеромонах Илиодор. И даже во власти — такие люди, как, например, министры внутренних дел Хвостов и Протопопов, явно малоспособные к исполнению своих должностей, но также явно уверенные в своем праве их занимать.

Что же объединяет всех этих людей? Их объединяет претензия на более высокий социальный, профессиональный, властный рейтинг, чем тот, которому они соответствуют по своему положению.

В принципе и это не новость. Явления такого порядка существовали и будут существовать всегда в человеческой истории, в человеческом общежитии. Но в двадцатом веке эти претензии стали приобретать массовый характер, перестали быть единичными казусами. И если посмотреть на русский двадцатый век на всем его протяжении, то мы увидим огромное количество людей с такими претензиями, эти свои претензии осуществляющих и тем действительно вводящих в «смуту» и государство, и общество.

Надо сказать, что и русский народ, и русское образованное общество оказались неготовыми к сопротивлению этому массовому наплыву самозванцев. Оказалось, что нет механизмов сопротивления. Оказалось, что те критерии подлинности и фальши, которые существовали в девятнадцатом веке и худо-бедно работали, в двадцатом веке не срабатывают; что нужны какие-то иные средства защиты, но их, этих средств, нет.

Я не буду, как говорится, проходиться по всем примерам, по всем личностям самозванцев в двадцатом веке, но наиболее яркие нельзя не назвать. Прежде всего, как, может быть, ни грубо это прозвучит, но это все-таки Владимир Ленин. Журналист и политик с хорошим образованием, но никоим образом не государственный деятель, берет власть в огромном государстве и осуществляет эту власть, не имея даже толком продуманной государственной программы, которую он собирается воплощать; имея, по сути дела, за душой только некоторые социальные лозунги, поневоле превращающиеся в бунтарские.

Следует, конечно же, назвать, может быть, самого большого русского самозванца XX века Иосифа Сталина, 40 лет со дня смерти которого исполняется сегодня. Палач народа выступает в роли отца народа. Совершенно перевернутый образ!

Нужно иметь в виду и то, что́ октябрь 1917 года привнес в нашу жизнь. А именно: дела и мысли большого числа людей, большого числа специалистов начали приписываться какому-то одному человеку. Кто, скажем, сотворил победу советской власти в гражданской войне? Мы, историки, мы, просто читающие люди, знаем прекрасно, какое огромное количество генералов, полковников генштаба, бывших царских офицеров и составляли планы военных операций, и командовали армиями и фронтами, но победителем, по крайней мере первое время после гражданской войны, все время называется Троцкий — журналист, а не военный. Позднее эта заслуга отдается Ленину и Сталину.

Какое огромное количество экономистов, ученых-естественников, инженеров, организаторов производства участвуют в создании и воссоздании тяжелой промышленности страны! Но все они заслоняются фигурой фельдшера и политкомиссара Серго Орджоникидзе.

Спустимся чуть ниже, возьмем пресловутых «красных директоров», которые в большинстве своем были

некомпетентны ни в специальности, ни в организации производства и за которых работали презираемые и унижаемые ими «спецы». Или сплошь полуграмотные или даже безграмотные партруководители среднего и низшего звена, решавшие судьбы губерний и уездов.

Самозванство проникло и в культуру, и в науку. Самый яркий пример самозванства в науке это, конечно, Трофим Лысенко. Но каждый, знающий историю той науки, в которой он работает, знает и фигуры самозванцев в своей науке. Скажем, в философии — Митин, Юдин, командовавшие философской наукой долгие годы. И т. д., и т. п. Эту цепь можно длить бесконечно. Вот что, собственно, меня заинтересовало в этом явлении, и я, право, снова и снова останавливаюсь перед вопросом: можно ли это обозначить термином «самозванство», что это за явление, какое дать ему имя?

Самозванство — дитя смуты. Но если смута XVII века — это десятилетие, то смута XX века — это практически весь век. Ведь это не кончилось и после Сталина, это продолжалось, потому что система, порождавшая самозванцев, продолжала существовать. Вспомним Георгия Маркова, Анатолия Иванова, Петра Проскурина, Юрия Бондарева, с которых внезапно слетел весь этот лоск, весь этот блеф.

В XX веке нашлось место не только массовому личному самозванству, но и самозванству огромной организации, объявившей себя «умом, честью и совестью эпохи» без малейших на то оснований, более того, всей своей деятельностью опровергавшей это гордое самотитулование.

Из этой пропасти фальши и подмены, так же как и из пропасти экономической, выбираться, естественно, придется долго и трудно. И здесь велика роль подлинных ценностей, истинных ценностей. Но кому и как их устанавливать? Что касается культуры, казалось бы, их устанавливать интеллигенции. Но вся беда в том, что интеллигенция никак до сих пор не может осознать, что сама она заражена этим самым вирусом в очень сильной степени, может быть, даже куда в большей, чем народ. И пока она сама не начнет самоочищаться, до тех пор она, к сожалению, этой задачи выполнить не сможет.

ВАЛЕРИЙ ОЖОГИН

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ!

Я воспринимаю этот призыв Болдырева как поиск интеллигенцией нового ругательства для властей предержащих, не преуспевающих и не профессиональных в своем деле. Когда Юрий Леонардович называет самозванцами всех писателей, с которыми он не согласен, я никак не могу понять: если раньше для того, чтобы низвергнуть своих противников, нужно было употребить слово «враг народа», то, кажется, сейчас для неугодных самое подходящее слово — «самозванец», хотя семантика подсказывает, что «самозванец» — это человек, который сам себя позвал для того (хорошего) или иного (плохого) дела — и не более!

Григорий Отрепьев не мог назвать себя мессией — потому что это уже было. И не мог себя назвать президентом — потому что этого еще не было. Вот он и назвал себя царевичем — не по «самозванству», а потому, что иначе не был бы понят толпой — народом, включая предков Юрия Леонардовича. Отрепьев был успешен профессионально (как политик) и достаточно умен, но, однако, не был удачлив. А если бы у него все соединилось, мы бы, нынешние, не называли его ругательным словом, а назвали бы совсем другим словом — с положительным оттенком.

ЮРИЙ БОРОДАЙ

ИСПОВЕДЬ ПРОСТОВАТОГО ЧУДАКА

Я постараюсь избежать искушения перевести дело в метафизический план, потому что мне кажется, что как раз метафизическая постановка вопроса может запутать наше обсуждение. Несколько слов о метафизике. Для меня она в этом вопросе проста. В метафизическом плане все люди, каждый из нас — своего рода самозванцы. И ничего плохого в этом нет. Бог с ним, с архаичным Кантом, ведь в конце концов и вполне современный психоанализ показал, что каждый человек вовсе не является тем, кем он сам себя представляет: он не то, что он сам о себе думает, а тем более говорит. Во всяком случае, не совсем то. Достаточно с каждым из нас провести сеанс психоанализа, и в этом можно убедиться. И даже убедить самого пациента. Тем не менее каждый человек себя в какой-то форме объективирует — в форме лишь относительно адекватной. Можно ли обсуждать проблему самозванства в этом плане, интересна она? Думаю, что малоинтересна. Это тема специальных психологических изысканий, никак не связанных с обманным нарочитым самозванством — самозванством политическим. Живой интерес, который присутствует в каждом из нас сегодня, заключается в другом. В том, что сегодня творится. А сегодня творятся политические деяния, беспрецедентные в нашей стране. Они беспрецедентны даже по сравнению с тем великим переворотом, который совершили большевики, захватившие власть во имя Свободы, социального Равенства и Братства.

Я беру в данном случае только один аспект самозванства. Не самозванство в метафизическом его значении. А самозванство в смысле прямого, нарочитого обмана. Можно запутать все и доказать, что Пугачев, если бы он добился власти и стал хорошим царем, уже не был бы самозванцем. Но, простите, Пугачев выдавал себя за Петра III, заведомо не будучи им. Есть простая вещь: человек заведомо выдает себя не за того, кем он не только не является, а кем он и сам себя не представляет. Это и есть самозванец, независимо от того, хороший он или плохой. С этой точки зрения интересны большевики. Они заведомо «плохие». Но были ли они самозванцами? Да, была среди них масса самозванцев — борцов за права и свободы.

Но для меня, например, ясно, что большевики были гораздо меньшими самозванцами, чем сегодняшние демократы. Большинство из большевиков искренне ненавидели самодержавие, сложившиеся устои Российского государства. Многие из них искренне ненавидели Россию и стремились ее разрушить. И они прямо об этом говорили, именно это и делали. Они это провозглашали как ясные лозунги. В большинстве они открыто выступали как тотальные насильники. А вот ситуация, которая сложилась сегодня, более занимательна. Ведь в чем суть ее? В обвальном самозванстве!

Позволю себе экскурс в собственную психологию. В свое время я столкнулся с проблемой самозванства сам. Я этот строй ненавидел всегда — вырос в определенной среде. Но пытался докопаться до истины, изучал источники. И, наверное, об этой власти, о ее природе мог бы сказать много больше других. Правда, за это нужно было платить тюрьмой. И вот вдруг обвал. Не тюрьму, а власть и деньги оказалось возможным получить на волне обличительства.

Тем, кто проворнее перекрасился, стал пылким обличителем, открывалась прямая дорога к власти. Сразу же в моде стало разоблачительство. Еще до этой волны разоблачений у меня были планы что-то сделать. Но как только свершился переворот, меня стало тошнить, и я для себя отрезал: нет, я не буду писать ни о Сталине, ни о ленинцах, ни еще о чем-то подобном. Не буду по одной простой причине: я увидел, кто выступает в качестве «обличителей». Это Рыбаков, это Попов, Волкогонов. Я не буду продолжать, они все вам известны. Ведь Рыбаков — пылкий певец ЧК. Он же первый ее обличитель. И массовым явлением стало — явление самозванства настоящего! Я никогда не поверю, что вдруг произошел переворот в их мировоззрении. Нет!

Теперь поставим вопрос: самозванство вот в этом смысле, в смысле заведомого политического обмана, — это что, чисто русское явление? С моей точки зрения, как массовая политическая практика это явление скорее не русское, а по преимуществу западное.

Говоря о западной практике, надо признать, что в политике самозванства нет. Правильно! Потому что политика — это такая игра, где можно ставить на любую карту. Это правило западной политической игры! Но в дореволюционной России не было огромного корпуса профессиональных политиков, делающих свой политический бизнес посредством ставок на разные карты в зависимости от конъюнктуры. Поэтому на Руси и было столь острым отношение к самозванцам в сфере политики. Самозванство в России — это эксцесс, а не правило общего поведения. Но именно эксцессы обычно и становятся предметом общественных страстей. А сейчас снова, как в феврале семнадцатого, Россия политике начинает учиться у Запада, Россия перенимает у Запада методы политической демагогии.

Сейчас мы накололись на том, что безоглядно приняли западные механизмы отбора правящего слоя. Это прежде всего механизм демократии: принцип «один человек — один голос». Кто мог прийти к власти в России на волне демократических реформ? Разумеется, самая циничная «сволочь», то есть самозванцы. На Западе чаще всего приходят к власти политические деляги, респектабельная «сволочь». Это беспринципные профессионалы, наработавшие систему навыков политической борьбы — прежде всего, демагогии. А навык — великая вещь! Одно дело — уметь делать дело, организовать производство, лечить, творить. Другое — хорошо молоть языком. Кто приходит к власти на Западе? К власти приходят те люди, у которых высокий рейтинг. А кто делает рейтинг? Средства массовой информации! А таких бесстыдных средств массовой информации, какие есть у нас сейчас, никогда в мире еще не было! Да, они и на Западе такие, но попристойнее, там наработана система сдержек. А навыки, ведущие к политическому успеху, те же. У нас добавилась другая беда — волна обличительства. Что такое «обличительство»? Это ведь тоже своеобразный навык. Есть особенный человеческий тип «обличителя», он всем вам известен. На бытовом уровне этот тип нагляден: в коммунальной квартире обязательно заводится какая-нибудь сволочь, которая лезет во все углы, диктует тебе, как ходить в уборную, как выключать свет, проверяет, что ты варишь в кастрюле, чем ты занимаешься на работе и т. д. В России прослеживается, и не на обывательском уровне, линия профессиональных обличителей, начиная с Радищева, через Добролюбова, Чернышевского к Ленину. Ну это в политическом плане...

Посмотрите, кто сейчас вот на этой волне демократии и обличительства пришел к власти? Ведь им действительно неважно, на какую карту ставить: неважно, как себя называть. Политика — это сфера заведомого обмана! Это какой стереотип? Традиционно русский? Нет, это стереотип не традиционно русский. Я не могу сказать, что и европейский. Вообще-то говоря, это стереотип современного Запада. Но там, на Западе, все-таки есть свои ограничения, и эта система работает. Демократия не вводилась там обвально. Например, в Англии была введена двухпалатная система, которая призвана была сдерживать прямую демократию. Кроме демократически избранной Палаты представителей, там была и есть Палата лордов, которая в общем-то не избиралась, а вес имела большой. А на нас сразу обвалом обрушилась эта демократия. Вот где проблема самозванства! Весь наш сегодняшний корпус журналистов, адвокатов — это не просто вчерашние «партократы», это идеологи КПСС, которые с пафосом разоблачали «гнилую, порочную западную демократию» и т. д. Все они сегодня в первых рядах «обличителей» ужасов тоталитаризма.

Почему так происходит? Ведь мы десятилетиями верили в демократию, не обманную, а реальную. И вроде бы добились ее. Почему же получился такой результат? Почему получилось так, что с введением безбрежной демократии, о которой столько мечтали, к власти пришла еще худшая категория, чем при «реальном социализме», — вылез наверх психологический тип коммунального обличителя, пришел к власти вместе со вчерашним идеологом и уголовником-делягой.

Конечно, есть большое искушение так решить вопрос: пришли самозванцы. Кого они вытеснили, чье место они заняли? Они заняли место подлинных демократов. Кто же подлинные? А это те самые диссиденты, которых в тюрьму сажали, судили и т. д. Действительно, тех диссидентов 50—60-х годов в нынешних структурах власти вы не найдете. Поэтому и есть искушение противопоставить: вот самозванцы, а вот опять оттертые от власти подлинные. Но мне кажется, что этот подход к делу грешит большой фальшью. Почему? Потому что школу тех «подлинных» я проходил на собственном опыте. Могу поделиться. Мой собственный опыт говорит мне, что проблема самозванства в смысле политического обмана возникла не сегодня и не пять, не десять лет тому назад. Так получилось, что меня судьба спасла, и я умудрился не сесть. Удача, да? Нет, не только удача. Был я очень близок к этому. Был период, когда в моем диване хранился архив всей нашей «диссиденции». Приходили ко мне какие-то люди, подбирали какие-то бумажки. Но на определенном этапе я вышел из игры, ибо пришел к выводу, что надо их всех послать по адресу, общеизвестному в России. Ситуация, кстати говоря, типовая очень для многих тогда. Она описана в литературе, можно взять, например, «Зияющие высоты» Зиновьева. Там рассказаны некоторые истории. Легко просматриваются фигуры Литвинова, Якира, задействованы такие персонажи, как Мазила или Брат, поскольку секрета сейчас нет, что это Эрнст Неизвестный и Юрий Карякин. Зиновьев наградил меня именем Хмыря. Это такой простоватый чудак, который все-таки умудряется как-то сообразить, что вокруг не все чисто, и соответственно поступает.

Проблема самозванства для меня возникла не по отношению к Бурбулису, Ельцину, Попову или Волкогонову. Я вам рассказываю очень старую историю. Ведь что-то меня еще тогда толкнуло к тому, чтобы послать по определенному адресу известных поборников прав. А что подтолкнуло? Просто я разглядел, что хотя эта публика все разговоры вела об истинной демократии, о народовластии и т. д., но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это прямые или по меньшей мере духовные наследники тех же самых большевиков — большевиков 20-х годов и хотят они только возврата утраченной власти. А большевизм 20-х годов (это тогда я уже начинал соображать) гораздо страшнее, несравненно страшнее того разлагающегося коммунистического бардачка 60—70-х годов, в котором я жил и которым я возмущался. Но внешне они уже тогда выступали как самые ретивые демократы, так же как и их отцы до октября семнадцатого. Я хочу оговориться: разумеется, это не надо понимать таким образом, что среди наших диссидентов того времени не было людей по-настоящему жертвенных, если угодно, «подлинных», как вы их здесь обозначаете. Нет, разумеется, были и такие. Но в целом я на основании своего опыта тем не менее могу сформулировать: в каком-то смысле сегодняшнее обвальное самозванство вызревало в недрах диссидентства 50—60—70-х годов. И для меня в этой теме интересно было бы выяснить, в чем все-таки глубинная причина нынешней парадоксальной ситуации — почему сегодня оно стало массовым явлением в нашей стране, более массовым, чем в 1917 году? Самозванство опять-таки в том смысле, как я его понимаю: в смысле заведомого, прямого, политического обмана, а не в метафизическом смысле.

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ: КТО КОГО

Самозванство — это чисто русский термин. Расхожее представление: «самозванец» — это лжецарь, хотя вся история человечества — это история «званства» и самозванства. Кто такие французские якобинцы? Почитайте де Местра, литературу периода Реставрации во Франции. Кто в ней «самозванцы»? Это люди, которые пришли с улицы, из маленьких городков и деревень, и которые никогда не входили в то, что мы называем номенклатурой (истеблишментом). Феодальное общество было резко структурировано. Четкое деление на три сословия. «Народ» (третье сословие) не мог даже носить одежду первого сословия (дворян) — все эти парики, камзолы, короткие штаны, туфли на каблуках. И вот революция: ворвались во властное пространство «санкюлоты» (бесштанники) и все начали ломать. Ну чем не самозванцы?

Людмила Сараскина считает, что наши новые «бесштанники» хотят танцевать и петь в политике, но пока ни голоса, ни навыка не имеют. Поют не арию, а частушку — ведь их никогда не учили в политических консерваториях.

Согласен. Наблюдая работу Верховного Совета и двух последних съездов изнутри, я пришел к твердому убеждению: водораздел идет не по фракциям, партиям или группировкам, а по вертикали — Москва и не Москва. Это как в XVIII—XIX веках — узенький, тоненький слой «просвещенных бюрократов» и океан бородатых мужиков и провинциальных гоголевских Собакевичей, Коробочек и Маниловых внизу. Фактически — две России в одной России, «петербургское» и «московское» царства, по выражению Георгия Федотова.

Бешеная ненависть к учившимся в Москве, к живущим в Москве и вообще к людям, живущим в городе, в котором есть метро. Теперь метро есть во многих городах, но главным образом это Москва. Понимаете, так исторически сложилось. И вот это основной водораздел. Он везде проявляется. Он проявился вообще во всей истории России. Все самозванцы, как известно, не из Москвы и не из Петербурга. Они все с периферии. В сущности, социальная структура была такова, что она не давала возможности естественного политического продвижения. Правильно сказал один умный современник Чернышевского: если бы Чернышевский жил во Франции, то он стал бы министром. А в России его всего лишили и сослали на каторгу.

Декларировав на словах социальное равенство, строительство «бесклассового общества», большевики со времен Сталина на деле вернулись на «круги своя» — воссоздали неравенство, партийно-государственную иерархию с очень жесткими рамками-ограничителями. Не член КПСС не мог стать даже директором бани, не говоря уже о дипломатии. Правящая элита формировалась в ВПШ, АОН при ЦК КПСС. Где? Преимущественно в Москве. Появлялся мало-мальски толковый руководитель (скажем, М. С. Горбачев на Ставропольщине) — его сразу забирали в Москву.

А рухнул СССР — и всем этим «москвичам» дали по шее и пачками повыгоняли из властных структур. Кто пришел? В основном «кухаркины дети», свято верящие в ленинскую заповедь, что они могут запросто управлять государством. Вот они и управляют, как умеют, сохранив прежние инструменты управления — «вертушки», персональные машины и дачи, поездки за границу. Ну чем не самозванцы? Только прежние пообтесались, чего-то нахватались, а этим еще лет 70 надо учиться. Интеллигенция же, как и прежде, сидит на обочине — стонет и плачет.

Проблема трагического раскола в России — это «центр» и «периферия». Раньше раскол шел по вертикали, теперь — по горизонтали. Идет медленный процесс развала не только СССР (это очевидно), но и России. Распространенное мнение: по национальному признаку. Это гигантское заблуждение! Кузбасс давно «отделился» от России, не платит налогов в «центр». Сейчас отделяется Красноярск, отделяется Дальний Восток. «Спасайся кто может!» — вот лозунг нашей былой великой Отчизны. Думают, что если отгородятся таможнями от Москвы, сами будут продавать уголь, нефть, алмазы за границу, то заживут как короли. Кузбасс попробовал — ничего не вышло: уголь его на мировых рынках никому не нужен. Теперь крутят в обратную, грозят забастовками: рынок больше не нужен, даешь госдотацию, госплан и стабильный «паек». Это разве не экономическое «самозванство»?

Кто наши новые политические лидеры, кто «правит бал» у микрофона слева и справа? Провинциальная доцентура у национал-патриотов, бывшие научные работники — у демократов.

В правительстве тоже — «ученые головы», с английским и степенями. А экономика разваливается, ибо модель Запада не стыкуется с реалиями России и СНГ. Поразительно, как далека всегда была российская интеллигенция от реальной жизни, подлинной «науки» управления.

Большевики в свое время зациклились на отмене частной собственности: вот все национализируем, и наступит коммунистический рай. «Гайдаровцы» в 1992 г. наоборот: вот введем декретом частную собственность, отпустим цены, и наступит капиталистический рай.

А в итоге и те, и другие провалились, ибо нет одноразового решения наших проблем, одноразовыми бывают только шприцы, да и те мы используем многоразово.

О каком одноразовом введении цивилизованного рынка может идти речь, если в стране нет дорог, компьютерной банковской сети, налоговой службы, при пяти процентах телефонизации сельской местности!

Ясно, собственность захватят те, «кто смел», а «кто смел, тот и съел». А остальным — зубы на полку! Заранее сеять семена социального раскола, ждать «красного петуха» — это цивилизованная политика новой правящей элиты? Нет, так могут вести себя только временщики: хапнул, и в кусты. «Левые» молятся на Запад, «правые» зовут в допетровскую Русь — к казачеству, дворянству, кадетским корпусам.

Смешно это и грустно. Ну какое сегодня дворянство и казачество? Снова — раскол общества на сословия, сословные суды, тюрьмы, порки нагайками?

А попытки превратить православие в государственную религию, зачем это? Мало нам было коммунистической «религии», даешь теперь «самодержавие, православие, народность»?!

Резюмируя, скажу откровенно: ни в президентских, ни в парламентских структурах просто не знают, что делать. Плывут по течению. Хотя ясно и другое: управлять новыми собственниками они не сумеют. Старый царско-большевистский метод «сверху» через армию чиновников им удобней. Рано или поздно эти новые «управители» уйдут. Уверен, в случае новых выборов ни бывшие партократы, ни нынешние демократы уже не победят. Придет «третья волна» из серьезных бизнес-структур, и тогда они «дадут по шапке» и тем, и другим.

А пока что — нет сейчас власти ни у одной из «ветвей». То есть формально она есть, но влияния на рядовых граждан уже не оказывает. Указы и выступления по ТВ — это еще не власть. А на чем же все держится? На инерции прежней жизни да на самовыживании: все, кто может, крутятся, числятся на пятисеми работах, копаются на огородных участках, иные еще и приворовывают по основному месту получения зарплаты. Так тысячу лет жил русский мужик: царьголод был всегда ему страшнее царя-государя.

Ю. БОРОДАЙ

Это совершенно неверно. Сибирь взяли землепроходцы, и никто им не приказывал. Огромный континент!

В. СИРОТКИН

Я совершенно о другом говорю. Я говорю о самовыражении в самом примитивном смысле. И Сибирь осваивали те, кто бежал от гнета государства, от крепостного права. Они себя спасали, это потом держава взяла их себе на службу. Совершенно все равно сегодня для провинции: демократы, партократы, черт в ступе. Они сами по себе живут. Поезжайте в любой маленький город России. Я года два назад был в Вологодской губернии, в городке Усть-Кубенское, 80 км от областного центра. Они же смотрят телевизор московский, как трансляцию жизни на Марсе. Все эти конкурсы красоты и пр. Ведь местные жители живут своим миром — огородом, кроликами, охотой, рыбалкой, грибами. Это совершенно другое восприятие. Ну где во Франции собирают грибы? Ну кто там глушит динамитом рыбу? Есть ли там колодезь-журавль, грязь, по пояс весной и осенью, уборная во дворе и дровяное отопление?

А мы талдычим — Россия обречена быть великой державой...

Ю. БОРОДАЙ
Это — упрощение. И власть есть, и дороги...

В. СИРОТКИН
Я пытаюсь объяснить действительное отличие власти и инфраструктуры глубинной России. Нет сейчас никакой реальной власти! И от того, кто у власти: демократы или, наоборот, партократы, — ничего не меняется. Все равно основная масса населения (я говорю о России, потому что в Средней Азии или в Закавказье — по-другому) — это совершенно другой уровень измерения.

Ю. БОРОДАЙ
Был огромный имперский организм, который просуществовал тысячу лет. Не было власти?

В. СИРОТКИН
Да нет, не в этом дело! Может быть, мы с вами поразному понимаем слово «власть». Я это понимаю так: на Западе власть и граждане — это взаимодействие, а у нас в лучшем случае граждане безразличны к власти (выборам, партиям, программам), в худшем — воруют у государства (колхоза, завода, конторы).

Ю. БОРОДАЙ
То же самое и о лжи. Ведь Годунов — он же солгал, и после этого вся Россия поднялась...

В. СИРОТКИН
Да нет, поднялась она совершенно по-другому — разруха началась. Она поднимется и сейчас. Вот уже нет бензина для самолетов, поезда еле-еле ходят — все пошло на конус. А вот когда это все замкнется, когда не будет отопления, когда люди будут замерзать, когда вообще никакого хлеба ни по 45, ни по 50 рублей не будет, — вот когда народ зашевелится. А пока можно иметь три мешка картошки и как-то себя поддержать, пока можно наловить рыбы или собрать грибы — да гори они там, в Москве, синим огнем. А европейцы этого понять никак не могут, потому что у них другой уровень цивилизации, у них другие технологические условия. Если у них что-то там отключат, так они начинают так орать, протестовать, как нам и не снилось.

Ю. БОРОДАЙ
Ответьте мне на вопрос: что заставляло моих многочисленных родичей, которые ненавидели комиссаров и советскую власть, гореть в танках?

В. СИРОТКИН
Потому что тогда это был внешний враг, и вот на этом держалась российская государственность — она строилась для защиты извне, а не для помощи внутри. Да, всегда родину защищали — и в «смутное время», и в 1812 году, и в 1941 году. Государство защитили, а что себе получили? Почему побежденные немцы, японцы и итальянцы живут лучше победителей-россиян? Потому что в США, Англии и Франции победители поделились плодами победы с «низами», а в СССР плоды (как и при царях) достались одним «верхам». А «низы» остались жить на «островах» своего «архипелага», именуемого СССР, борясь за выживание и с природой, и с властями.

Ю. БОРОДАЙ
Но пространство-то это осваивали россияне!

В. ТОЛСТЫХ *(председательствующий)*
Друзья, по-моему, вы отошли от темы самозванства и обсуждаете какие-то совершенно другие проблемы...

От редакции: *Нам же кажется, что друзья обсуждают самые насущные проблемы, а самозванство — лишь спусковой механизм на Руси.*

САМОЗВАНСТВО

Настал час добровольцев, но, естественно, и самозванцев...
С. АВЕРИНЦЕВ.

Далее у Аверинцева так: «...грань между ними неотчетлива, подвижна».

Подвижность граней, отделяющих самозванство от смежных понятий, подчас даже и благородных, ощутили все участники клуба «Свободное слово», собравшиеся 5 марта 1993 года (точнехонько в сороковую годовщину смерти Сталина, что не без трепета отмечали иные из выступавших) для обсуждения предложенной Юрием Болдыревым темы, которую президент клуба Валентин Толстых доформулировал следующим образом: «Самозванство и самозванцы на Руси: прошлое и настоящее».

Разбираясь с настоящим при помощи прошлого, ораторы жаловались, что границы понятий плывут. Самозванство — это же самоосуществление. В известном смысле мы все — самозванцы. Любой доброволец — самозванец. Любая инициатива — самозванство. Как заметила Людмила Сараскина: «Если я мечтаю петь или танцевать, но не умею, я что же, самозванец?»

По ходу дела было отвечено: пляши. Но не заставляй других! Самозванство — категория властная, связанная с властью, претендующая на власть. Иначе говорить не о чем.

Но и тут, во властных сферах, все очень хитро сплетено. В истоке всякая власть — более или менее самозваная. Положим, новгородцы варягов ЗОВУТ, но зов новгородцев — не указ для полян или древлян. Когда князь Игорь является к древлянам: «Похожу еще!» (то есть пограблю), то для последних он — самозванец, и они с ощущением полного на то права привязывают его за ноги к двум березам. Положим, некоторое количество греков, собравшись на горе Пникс, составляют некий прообраз парламента, но это вовсе не основание другим грекам принимать посланцев с Пникса как законодателей. Надо непрерывно ПОДТВЕРЖДАТЬ легитимность власти, неизбежно самозваной по истокам. Да так, собственно, и происходит. Романовых на царство «выбрали», но собрание «выборщиков» было производным от Смуты, всеобщей войны и насилия. Большевики, взявшие власть переворотом, конечно же, самозванцы, и вся их власть по происхождению — самозванская, но «всеобщие выборы», периодически подтверждавшие их власть (после разгона Учредилки), — какая-никакая легитимация, и сколько бы ни говорили, что это легитимация липовая и что народ, в сущности, не выражал своего мнения, — мы так и не проведем четкой грани между самозванством и узурпацией. Ибо четкой грани нет. Как точно заметила Татьяна Алексеева, самозванство — «атрибут деспотии, лишенной средств массовой информации». То есть: если узурпатор не имеет возможности «обосновать программу» и «заявить о себе», то он берет власть самозванно, а там уж — «заявляет». Родимая специфика: «нет легальных путей даже для узурпаторства». Метод тыка. Суд по результату. Победителей не судят. Удайся Лжедмитрию переворот — никто его ЛЖЕдмитрием бы не назвал...

Но тут обнаруживается еще одна подлая грань: самозванство — это всегда ПОДМЕНА. Это непременно — когда выдают себя за другого. Григорий — за Дмитрия. Емельян — за Петра. (Евгений Никифоров подхватил здесь: да ведь и Иисус выдавал себя за Христа)... Выдавал — да. Но и СТАЛ им. Так ведь и Гришка МОГ стать Дмитрием.

Проблема упирается (вернее, утекает бездонно) в традиционное, особенно для России, двойничество, стремление жить не «этой», а какой-то другой, «настоящей» жизнью, желание выпрыгнуть из проклятой действительности — в Опоньское царство, в коммунизм... Смена имени — действие магическое, это не обман, а как бы приман, приманивание сокрытой правды, приманивание к правде.

Для сфер власти это почти закономерность. Не потому Отрепьев перекрещивается в Рюриковича, а Пугачев в Романова, что хотят «выдать одно за другое», а потому, что это единственно возможный способ подключиться к власти. Подключившиеся успешно тоже чаще всего меняют имя. Исчезает Бернадотт, появляется Карл XIV. Исчезает Шикльгрубер, появляется Гитлер. Исчезает Джугашвили, появляется Сталин.

Неудачник — «самозванец». Пусть неудачник плачет. «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе».

Вот и подходим мы к сути. Теоретически проблема неразрешима. Но практически при слове «самозванец» возникает ощущение типа, имеющего для нас, русских, значение почти фатальное. Можно сколько угодно демонстрировать формальную неуловимость понятия, утекающего то в «самобытность», то в «самостийность», то в «самочинность», а то и в «самодурство», можно транспонировать это явление «на весь мир», записав в самозванцы Жанну д'Арк. И все-таки есть некоторое магнетическое ядро, приковывающее нас к этому зыбкому «по краям» явлению. Есть описанное Пушкиным чуждое, коварное, обезображенное бородавками лицо; есть его тень: «Тушинский ВОР»; есть ощущение вечно нависающего над нами, прикрытого обманом насилия.

Для нашего журнала избраны четыре оратора этого заседания клуба, не просто очертившие проклятую для России проблему, но попытавшиеся протащить сквозь соответствующее игольное ушко многогорбого верблюда современной реальности.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

ЗЕМЛЯ

На протяжении всего средневековья и вплоть до XX века языческие по своему происхождению верования и обряды восточных славян сосуществовали с христианством. Формы их взаимодействия были чрезвычайно многообразными. С одной стороны, языческое начало отождествлялось христианскими проповедниками с бесовством и подвергалось гонениям; старые культовые места уничтожались, идолов рубили или сжигали, волхвов и колдунов казнили и т. д. С другой — элементы языческого культа принимали христианизированные формы и сохранялись под их оболочкой. Например, святость того или иного источника или дерева объясняли явлением здесь иконы, целительные свойства дерева — тем, что под ним похоронен святой, и т. д.

Особой сложностью отличалось взаимодействие язычества и христианства в области символических образов.

Средневековые символы, влекомые на Русь в общем потоке христианской культуры, отличались чрезвычайной емкостью, богатством и глубиной. В отличие от эмблемы или аллегории с их однозначностью и определенностью, символ принципиально многозначен, и корни его, затерянные в темной глубине человеческой истории и предыстории, в тайниках психики, не могут быть познаны до конца.

Символ не есть нечто постороннее по отношению к жизни, нечто такое, что относится лишь к сфере литературы и искусства. Он вовлечен в сам процесс жизнедеятельности, концентрирует в себе опыт общения человека с другими людьми и вещами. Многозначность символа делает его как бы голой формой, которую каждый может заполнить по своему усмотрению. И наоборот, внутренняя активность символа такова, что направляет переживания и интеллектуальную деятельность человека в определенном направлении, подсказывая восприятие самой вещи.

Символ концентрирует в себе наиболее значимые идеи, чувства и эмоции человека — и одновременно предстает как нечто сверхчеловеческое, как бы спускается с небес или поднимается из бездны. И нет ничего странного в том, что в «подсознании» русской культуры укоренились символические образы, происхождение которых теряется в такой глубине веков, когда еще не было и самого русского народа, или такие, истоки которых обнаруживаются в древних памятниках иных народов, например в Ветхом и Новом Завете.

Судя по древнейшим источникам о восточных славянах (сочинения византийских историков, арабских путешественников, ранние памятники славянской письменности), важнейшую часть древнерусского язычества составляло почитание природных стихий и объектов: воды (рек, озер, источников и колодцев), земли и огня, ветра и грозы, деревьев и камней.

Культовые действия совершались, как правило, или у воды, или в лесу, или у костра; жертвенное животное погружали в воду или предавали огню; возносили моления идолу, вырезанному из дерева или вытесанному из камня, и т. д. За образами некоторых древнерусских языческих богов явственно вырисовываются природные явления. Например, верховный бог древневосточнославянской религии Перун был богом грозы (молнии) и одновременно покровителем княжеской дружины. Огонь в Древней Руси называли Сварожичем, т. е. сыном Сварога, символизировавшего собой, по-видимому, солнце или небо.

И природные объекты осмыслялись нашими предками в тесной связи с их небесными прообразами. Воде в реках, источниках, озерах, колодцах соответствует небесная влага в виде дождя, снега, града. Огню земному — небесный огонь в виде солнца и молнии. Камням — метеориты, «громовые камни», ниспадающие с неба вместе с молниями. Земля понималась в космическом масштабе — как мать всего живого, а подчас и как супруга неба или бога-громовержца.

С образа Земли мы и начинаем рассказ о символах народной культуры.

Мифопоэтический образ Матери-земли, известный у многих народов, играет в русской культуре исключительно важную роль. Он сочетает предельную конкретность и наглядность и столь же предельное обобщение. Землю можно взять в руки, размять, растереть между ладонями, почувствовать ее запах. И одновременно земля, как и вода, — всеобщий источник жизни; кровно связана она с понятием рода, родины, страны, государства. Именно «власть земли» давала человеку ощущение причастности ко всему живому и единосущности с ним.

Отношения человека и земли, подобно отношениям сына и матери, мужчины и жены или любовницы, носили сложный эмоциональный характер: от неизбывной привязанности до трагического страха перед возможностью разрыва и грядущего наказания. Замечательно почувствовал это Н. В. Гоголь, который как-то заметил в разговоре с П. В. Анненковым: «...думают, как из русских мужиков сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землею?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидев землю свою: некоторые ложатся на землю и целуют как любовницу. Это что-нибудь да значит!.. Об этом-то и надо поразмыслить».

С представлениями о земле связаны самые интимные струны русского национального характера. Пожалуй, нигде мы не увидим такого единства русской ментальности — вне зависимости от социальных и классовых различий, от исторических и географических условий проживания. Трудно указать и другой случай более тесного взаимодействия и взаимного проникновения фольклора и книжности, язычества и христианства, этнографической архаики и современности.

В фольклоре и в народной речи широко употреблялось выражение «Мать сыра земля». Оно подразумевает землю, которая полита дождем, оплодотворена им как женщина и готова родить, давать урожай. Многое говорит за то, что мифологическое значение этого выражения понятно было и самим носителям фольклорной традиции. Например, в Орловской губернии, выходя засевать поле, крестьянин снимал шапку и молился на восток: «Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напой мать-сыру землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мне большим колосом».

Мужское начало, напротив, лишено смыслового единства, оно несет не столько образ или идею, сколько определенную функцию — функцию оплодотворения. В разных случаях роль отца играют и небо, и бог-громовержец, и каменная стрела-молния, и дождь, оплодотворяющий землю. Более того, в роли супруга земли может выступать и простой землепашец (вспомним обычай снимать штаны при начале посева), и царь, без которого земля-государство остается вдовой. Такое умаление мужского начала при акцентировании начала женского имеет глубоко архаический характер и вряд ли могло сформироваться в патриархальном обществе с главенствующей ролью мужчины в семейном и общественном быту.

Представления о небе и земле как супружеской паре долго сохранялись в заговорно-заклинательной поэзии. Заговорные формулы типа «земля — мать, небо — отец» или «небо — ключ, земля — замок» подразумевают, что небо запирает землю как замок на ключ, причем ключ и замок — известные эротические символы.

Порой кажется странным, что «земля» может одновременно быть и матерью, и женой, и девицей, однако фольклорно-мифологическое мышление не видит здесь особого противоречия. Несмотря на все многообразие представлений о земле-женщине, в них сохраняется и определенный смысловой центр — идея материнства и материальный субстрат — сама земля под ногами и ее обозримая глазом поверхность.

Как показал в своем исследовании В. Л. Комарович, ближайшее отношение к культу Матери-земли имели древнерусские волхвы. На протяжении XI века они неоднократно поднимали восстания. Согласно «Повести временных лет», в 1024 году, когда «во всей той стране» был «мятеж велик и голод», волхвы «избиваху старую чадь... глаголюще, яко си держать гобино урожай». То же повторилось в 1071 году, причем волхвы говорили, что знают, «кто обилье держит» и, придя в погост, «туже нарицаста лучьшие жены, глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры

своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавша за плечима, вынимаста любо жито, либо рыбу или веверицею, и убиваашета многы жены». Убийства коснулись одних женщин, потому что именно они, по мнению волхвов, могли отнять у земли способность к плодоношению.

Поклонение земле подчас принимало на Руси грубо натуралистические формы, но в зачаточном виде здесь были заложены элементы пантеизма, не чуждый и христианству взгляд на природу как творение божье. Поэтому призыв христианских проповедников залюбоваться природой, в том числе и землей, застыть в восхищении от лицезрения ее красоты и целесообразности, в сущности, должен был найти путь к сердцу и разуму язычников. Если в основе древнерусских представлений о Матери-земле, по-видимому, лежала символика умирающего и воскресающего бога-зерна, то с течением времени они приобрели под влиянием христианства нравственно-этическую окраску.

Черная и сырая земля представлялась нашим предкам воплощением сакральной чистоты. Перед едой или молитвой крестьяне мыли руки, а если это происходило в поле и воды поблизости не было, то вытирали руки о землю, приписывая ей такие же очистительные свойства, как и воде.

Народ называл землю «святой», а подчас даже отождествлял ее с Богородицей. Однако превыше всего ценил он ее близость человеку и готовность добровольно страдать вместе с ним.

Под влиянием христианства натуралистическая религия земли превращается в религию совести, красоты и нравственной правды.

Человек виновен перед землей уже тем, что топчет, попирает ее ногами, но еще более — тем, что рвет сохой ее грудь, царапает в кровь бороною. Здесь, по-видимому, проявляется наиболее архаический, еще доземледельческий пласт народных поверий о земле, в свете которого сама ее обработка представляется варварским насилием.

И в фольклоре, и в древнерусской книжности постоянно подчеркивается страдание земли и одновременно сострадание ее к человеку. Земля то и дело содрогается, скорбит, плачет, обращается с мольбами к Богу и Богородице. Скопления враждебных войск гнетут ее своей невыносимой тяжестью. Земля всесильна, но не спешит воспользоваться своим могуществом, ибо связана с людьми отношениями взаимной жалости и теплого сочувствия. В годины народных бедствий или перед кровопролитными битвами она, как

мать или вдова, рыдает о погибших и о тех, кому еще суждено погибнуть. В других сюжетах земля, наоборот, молит Бога наказывать людей, переполнивших чашу ее терпения своими грехами, а Бог в ответ просит ее потерпеть еще немного в надежде на то, что люди опомнятся и покаются перед ним.

В памятниках народной традиции земля никогда не рисуется в антропоморфном виде и тем не менее ее образ глубоко психологизирован. Живой и изменчивый лик земли лучше всего проявляется в этом переходе от умиления и сострадания к праведному гневу.

Принимая на себя грехи своих сыновей, земля берет на себя и ответственность за их поступки. Людские грехи как бы становятся и ее грехами. Поэтому, казалось бы, в полную противоположность с тем, что говорилось раньше о сакральной чистоте земли, в одном из вариантов духовного стиха «Плач земли» Иисус Христос говорит ей:

О, мати, ты мати сыра земля,
Всех ты тварей хуже
осужденная.
Делами человеческими
оскверненная.

В отличие от других природных стихий, землю, как и человека, тоже ожидает Страшный суд, когда она выгорит на 70 локтей в глубину. Пламя Страшного суда вернет земле изначальную девственную чистоту. Вот как сказано об этом в духовном стихе:

От той-то от святой-то крови
Загорится матушка сыра земля:
Со восхода загорится до запада,
С полуден загорится да до ночи.
И выгорят горы со раздольями,
И выгорят лесы темные.
И сошлет Господи потопие
На три дни, на три месяца,
И вымоет матушку сыру землю,
Аки харатью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.

Одной из самых надежных и страшных наши предки считали клятву землей: они целовали ее или даже ели. При межевых спорах человек клал на голову кусок земли или дерна и шел с ним по меже. Проложенная таким образом граница считалось неприкосновенной, но горе тому, кто решался на обман; согласно поверью, земля начинала давить его со страшной тяжестью и принуждала сознаться в подлоге. Клятва с дерном на голове упоминается еще в славянской вставке в переводе слов Григория Богослова (XI век) и явно восходит к дохристианской древности.

Несколько известий об этом обряде встречается в актах XVII века. Например, межевая запись 1667 года сообщает, что некто Пронка Завьялов, «положа дерн на голову и взяв образ Пречистая Богородицы, при сторонних людях розшел землю и сенные покосы и всякие угодья».

Церковь рано начала восставать против присяги с дерном, требуя заменить его иконой. Документальные свидетельства об этом начинаются с XVI века. Уложение 1648 года также предписывает «образовое хождение». Но древний обряд оказался очень живучим, и церкви удалось добиться только компромисса между языческой и христианской присягой: при обходе полей крестьяне брали в руки образ, однако на голову по-прежнему клали дерн.

К глубокой древности восходит и обряд покаяния земле. Бытовавший еще в Новгороде XIV века у еретиков-стригольников, он сохранился почти до наших дней. Старообрядцы-беспоповцы некоторых толков еще в XIX веке каялись в своих грехах, припадая к земле, и просили у нее прощения. А усть-цилемские старообрядцы на приглашение православных священников исповедоваться отвечали: «Мы исповедуемся Богу и Матери сырой земле» или «Я приложу ухо к сырой земле, Бог услышит меня и простит». Архаический ритуал находит поддержку в пантеистическом восприятии природы, близком и нашему времени. Вспомним хотя бы слова А. Блока: «Приложим ухо к земле родной и близкой: бьется ли еще сердце матери?» (статья «Безвременье»).

Прощения у земли просили и в некоторых других ситуациях. Чтобы излечиться от болезни, приставшей где-нибудь в дороге, или от ушиба, отправлялись на перекресток или на то место, где приключилось несчастье, и говорили: «Прости, матушка сырая земля, раба Божия такого-то!»

Во Владимирской губернии, писал наблюдатель-этнограф в 1914 году, «чувствуя приближение смерти, некоторые старики по глухим деревням изредка еще и поныне соблюдают обычай прощанья с землей. Для этого они, если имеют достаточно силы, то сами ходят в поле, а немощные просят родных сводить их на поле «с землей и с вольным светом проститься». Один из очевидцев такого прощанья с землей рассказал мне, что больного старика повели на поле под руки; здесь старик на своем жеребье стал на колени и с крестным знамением положил четыре земных поклона на все на четыре стороны,

а затем, поднявшись с земли, сказал родным: «ну, теперь несите меня в перед», т. е. в избу на лавку, и он здесь вскоре умер. Прощаясь с землей, говорят: «Мать сыра земля, прости меня и прими!» — а прощаясь с вольным светом: «Прости, вольный свет-батюшка!».

Праведное лоно земли не принимает колдунов, самоубийц и тех, кто был проклят своими родителями. Нечистые покойники обречены и после смерти скитаться по земле или лежать нетленными в своих могилах. Известны рассказы о том, что земля выбрасывает наружу кости колдуна или гроб с его телом. Так и после смерти различается участь праведных родителей, умерших своей смертью, и нечистых мертвецов, не изживших свой век. Первые возвращаются в землю и сами становятся ею, сливаются с природными стихиями, от их благорасположения к живым зависят в дальнейшем и плодородие земли, и обилие осадков. Вторые лишены успокоения, по ночам они выходят из могил и вредят живым, превращаются в нечистую силу.

В былинах и духовных стихах встречается эпизод, когда земля отказывается принимать в себя змеиную кровь, пролитую богатырем или святым угодником, и делает это только по его просьбе.

В свете мифопоэтических представлений тот факт, что земля принимает в себя либо дождевую влагу, либо тела умерших, либо человеческие грехи, предстает как результат ее свободного выбора. Вообще физические свойства земли осмысляются так, словно они зависят от ее собственного желания. Она сама решает, быть ли ей твердой как железо или мягкой как пух.

Точно так же и вес земли не столько физическая, сколько нравственно-символическая характеристика. Земля давит клятвопреступника или разрывает изнутри его тело. В былине весь ее вес концентрируется в одной суме, которую не в силах поднять даже могучий Святогор. «Да будет земля ему пухом», — желаем мы до сих пор умершему.

В полном соответствии с библейской символикой похороны осмыслялись в России как возвращение в материнское лоно земли. Дабы не осквернить собой землю, рус-

ские люди в случае смертельной опасности надевали чистое белье. Боярыня Морозова сказала, ожидая смерти: «Се бо хощет мя Господь пояти от жизни сея и неподобно ми есть, еже телу сему в нечистое одежди возлещи в недрех матери своея земли».

О приближении смерти судили по тому, что от больного слышен специфический запах — «землей пахнет», а на теле и на лице «земля выступает», т. е. появляются темные пятна.

Земля с могилы дает забвение, помогает побороть страх, тоску и болезнь, но может использоваться и во вредоносной магии. Чтобы не слишком тосковать по покойнику, клали за пазуху землю с его могилы или терли ею около сердца. Доныне соблюдается обычай — бросать в могилу горстку земли. Англичанин Петрей, посетивший Московию в 1610-х годах, отмечал, что, опустив гроб в могилу, присутствующие плачут и причитают: "Ты не хотел дольше оставаться с нами, так возьми себе этой земли и прощай!»

Земля воплощает не только мать человека, но и весь род как единство живых и уже отошедших в мир иной. Теснейшим образом связана с культом земли идея рода, который предстает в его свете как череда смертей и рождений, причем души дедов вновь воплощаются во внуках. Поминальные обряды с их посещением могилок и уходом за ними, трапезы на могилах и дома, сопровождающиеся приглашением покойных, — все это призвано поддержать единство рода и преемственность разных поколений.

Лежащие в земле предки как бы сливались с ней, становились ее частью. От их благоволения к живым зависело плодородие земли и обилие осадков, к ним обращались за помощью в самых разнообразных случаях.

Осмысление родины тоже в первую очередь связано с образом земли. Уезжая на чужбину, русские люди брали с собой горстку родимой земли, носили ее на груди в ладанке или мешочке, а после их смерти ее клали с ними в могилу. Вернувшись из изгнания, многие из них вставали на колени и целовали землю. Эти обычаи имеют параллели в культуре многих народов; специфическими их делает привязка к конкретному участку земли — дому, селу или городу, местности вокруг них, т. е. к тому, что в совокупности именуется малой родиной. Это ощущение своего кровного единства с землей, в которой похоронены предки, и с живущими на ней «земляками» становится важнейшим фактором самосознания личности и консолидации социума.

По народным представлениям, земля является всеобщей матерью — и всего человечества в целом, и каждого человека в отдельности. В заговоре из Нижегородской губернии: «Гой еси сырая, Земля матерая! Матерь нам еси родная, Всех еси нас породила...». Более того, в некоторых духовных стихах земля именуется не только матерью, но одновременно и отцом человека: «Земля — мать сырая! Всем, земля, ты нам отец и мать».

Наши предки в буквальном смысле видели в земле женщину и мать, и это тождество было для них не поэтической метафорой, а вполне конкретной реальностью. В покаянной дисциплине XVI—XVII веков «лежать ниц на земле» оценивалось как тяжкий грех, подобный кровосмешению или оскорблению матери.

В Вятской губернии считали, что в Духов день (понедельник после Троицы) земля — именинница и потому нужно дать ей отдых; в этот день не разрешалось пахать, боронить, рыть землю и даже втыкать в нее колья. В других местах «именины земли» праздновали на следующий день после вешнего Николы 10 мая.

С землей обращались с особым почтением и осторожностью. Когда в начале 1920-х годов во время засухи в Переславль-Залесском уезде некоторые из крестьян стали колотушками разбивать на пашне комья и глыбы, то женщины, упрекая их, говорили, что они «бьют самы мать пресвяту Богородицу».

Сближение мифопоэтических образов Матери-земли и Богородицы привело к формированию двоеверного культа Богородицы-Земли. Таким образом, Мать-земля, Богородица и родная мать человека представлялись на Руси носителями единого материнского начала и как бы образовали своеобразную иерархию.

В наиболее полном виде эти идеи о трех матерях каждого человека воплотились в народных воззрениях на матерную брань. Например, в поучении «Слово скверное, слово матерное», списанном в начале XX века в Белозерском крае, говорилось:

«Иной, восстав от сна, не умывается и, не сотворив на себе крестного знамения, начинает лаяться матерно, не подумает о том, что первая мать наша Пресвятая Богородица, которая родила Спаса всего мира, молит денно и нощно о грехах наших; вторая мать наша земля, ибо от земли созданы и в землю паки пойдем; третья мать наша, которая во утробе нас носила и по рождестве вашем нечистоту обмыла... Аще который день человек матерно ругается, в то самое время небеса ужаснутся, земля потрясается и мать Божия на престоле вострепещется...».

Весь круг народно-христианских идей о Матери сырой земле был в XIX веке глубоко прочувствован Ф. М. Достоевским. Вспомним хотя бы, как каялся и целовал землю Раскольников, как приникал к ней, набираясь сил, Алеша Карамазов или как выразилась Хромоножка Марья Тимофеевна из романа «Бесы»: «...Богородица — великая мать сыра земля есть...». Уже в XX веке эту формулу подхватил поэт Н. Клюев: «Пролетела над Русью жар-птица, Ярый гнев зажигая в груди... Богородица наша Земляница, — Вольный хлеб мужику уроди!» Целование земли у Достоевского, в полном соответствии с народной традицией, — и конкретный обрядовый акт, и великое таинство приобщения к матери-природе.

О русском православии как религии божественного материнства, религии Богородицы или Матери-земли и в связи с этим о преобладании пассивного, женского начала над активным, мужским в характере русского народа писали многие отечественные мыслители XX века: Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, В. В. Розанов, Г. П. Федотов.

Важнейшая роль мифопоэтического образа Матери-земли и в древнерусской книжности, и в фольклоре, и в новой русской литературе — одно из свидетельств единства и непрерывности нашей культуры на всем протяжении ее развития.

ВИКТОРИЯ ГОРШКОВА

ЗРИМЫЙ ОБРАЗ НЕЗРИМОГО

Иконопочитание было учреждено VII Вселенским собором в 7987 году[1]. Иконам нужно было поклоняться «душею мысленне, а телом чувственне», но почитались они не сами по себе, а потому, что в них присутствовала и энергия Божества. Живописные образы являли неизменную реальность умозрительного мира, поэтому и повторялись они вновь и вновь. Знаменитые слова Евангелия от Иоанна «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин., 1,1) определяют и «начало» иконы — ее сюжет, источником которого являлись Библия, жития святых, апокрифы[2]: средневековая религиозная литература давала иконописцам богатейший материал. Искусство иллюстрирования текстов было столь высоким, что даже сочинения богословско-символического содержания находили свой изобразительный эквивалент. Литература Древней Руси «отражалась в изобразительном искусстве... проверяла и комментировала себя в живописи»[3].

Дионисий. Распятие. 1500 год. Из собрания Государственной Третьяковской галереи.

Однако иконописец не мог произвольно трактовать литературный сюжет. В основе художественной культуры средневековья лежало лишь воспроизведение, цитирование, каноническое повторение первообраза. Созданный коллективной мудростью Отцов Церкви, канон предписывал, как надо изображать святых. Чтобы иконописец не добавил ничего «от самомышления», создавались пособия для художников, которые воспроизводили рисунок наиболее употребимых композиций. На Руси их называли прорисями. Такими пособиями — пергаментными свитками — пользовались греческие мастера XI века, которые украсили мозаикой Успенскую церковь Киево-Печерского монастыря[4].

До XVI века зависимость художников от прорисей не была строго обязательной. Образец являл основу иконографии, а ее детали и художественное воплощение были делом индивидуального творчества иконописца. Не случайно Епифаний Премудрый, сподвижник Сергия Радонежского, писатель и художник, не без насмешки писал о мастерах, которые «недоумения наполнишася, присно приникающе, очима мечуще семо и овамо... нудяхуся на образ часть взирающе»[5]. А высшей похвалой профессионализму Феофана Грека были слова Епифания: «никогда ж на образцы видяще его когда взираюша»[6].

Но когда в 1551 году Стоглавый собор провозгласил обязательное использование древних образцов для написания икон, многие иконописцы занялись механическим копированием. В XVII столетии появились систематизированные иконописные подлинники. Сохраненные старообрядцами, они были изданы в начале XX века. Что же они собой представляли? Вот, например, Строгановский иконописный подлинник в издании С. Большакова 1903 года составлен по принципу календаря: на каждый день года указано, память каких святых празднуется. Приводится и краткое описание святого. Скажем, Иоанн Златоуст описывается так: «видением тела мал бяше зело возрастом[7], велику главу имея над плечами висяща, тонок зело опасно, широк ноздрями, лицем блед з белию, глубоки чашки имея[8]... уши имея велице, браду же малу и зело ретку... сак[9] на нем в крузех, кресты златом, рукою благословляет, а в другой Евангилие»[10]. Большую часть подлинника занимают, конечно, прориси фигур святых и праздничных композиций. На одной странице представлены, как правило, графические изображения святых одного дня. Для удобства переведения композиции подлинника на иконную доску рисунки и надписи к ним даются в зеркальном отражении. Такой рисунок помещался на подготовленную поверхность иконы лицевой стороной и воспроизводился на доске.

Образцами служили и иконы, освященные временем и традицией. Копии чудотворных икон, по церковному преданию, перенимали чудодейственные качества их образцов.

Устойчивость иконных композиций облегчала созда-

Спас Вседержитель. Последняя четверть XVII века. Из собрания Иркутского художественного музея.

Чудо Георгия о змие. XVI век. Из собрания Псковского историко-художественного музея-заповедника.

ние образа. Исследователь И. Е. Данилова выделила две основные иконографические «формулы»: явления и диалога[11]. В первой центральная фигура выступает в качестве объекта молитвы как предстоящим иконе, так и персонажам, изображенным на ней. Эта иконографическая схема воплощена в образах Спаса Вседержителя и Богоматери, святых и некоторых праздников (Преображение, Крещение, Троица, Сошествие во ад). Своеобразным видом этой схемы является композиция «Воздвижения креста». Здесь объектом поклонения предстает не образ святого, а крест — орудие распятия Христа. Воздвигаемый над молящимися, он символизирует истинность Божественного страдания. Мотив «явления» ясно читается в иконах избранных святых. Однако все персонажи здесь, как правило, равноценны.

Формула диалога предполагает взаимодействие персонажей без посредства центрального звена. Обычно эта схема используется в сюжетах передачи благой вести, благодати (Благовещение, Жены-мироносицы).

Иконографический канон, организуя изображение, лишал его случайности и переводил в ранг вечности. Очень точным представляется сравнение иконографии изображения с обрядовой формулой, ядро которой неизменно[12]. Композиции икон отличаются максимальной статичностью. Как правило, главный персонаж больше по масштабу и традиционно представлен фронтально — «прямолично». Второстепенные фигуры меньше главной, они группируются вокруг нее и могут быть изображены в $^{3}/_{4}$ или даже в профиль. Композиционным центром изображения выступала голова или нимб главной фигуры. Радиус нимба равнялся $^{1}/_{10}$ или $^{1}/_{9}$ стоящих фигур и $^{1}/_{8}$ у сидящих[13].

Композиции древнерусских икон ясные, немногословные. Но при этом весьма информативные. Мастера свободно владели различными композиционными приемами: изображение вписывалось в круг или треугольник, строилось по принципу то строгой симметрии, то подвижного равновесия или ярусного расположения. Поясная фигура включалась в треугольник. Эта же геометрическая фигура определяла основу изображения Сошествия во ад. Симметрия свойственна в большинстве случаев иконам избранных святых. Дионисиевское «Распятие» из Павло-Обнорского монастыря построено по принципу подвижного равновесия. Знаменитый в Новгороде образ «Битва суздальцев с новгородцами» — пример ярусной композиции: так удобнее строить живописный рассказ.

Наиболее важными являются в иконе две «координаты» — вертикальная и горизонтальная. Эти оси определяют место персонажа в Божественном мире. Низ изображения ассоциировался с адом или землей. Верх — с небесами, раем. Высота и ширина композиции были точно скоординированы с ее малой глубиной. Икона — не окно в чувственный мир, как картина, а образ идеального, явленного для молитвенного общения сверхчувственного мира. Главным смысловым акцентом иконописного образа является лик — средоточие духовной жизни явленного в иконе святого, а в лике — глаза. Но не менее важен и жест. «Средневековая цивилизация — это цивилизация жеста. Все важные контракты и церемонии в средневековом обществе сопровождались жестами, проявлялись в жестах»[14]. Не случайно в понятие «лика» у иконописцев входили и руки. Рука святого — эквивалент слова. Жест иконного образа — это либо передача, либо принятие божественного откровения. Жест значил столь много, что иногда фигура Бога-Отца или Христа заменялась изображением благословляющей десницы, которая истолковывалась как образ «гласа Божьего».

Иконографически канон облегчал постижение иконы. Средневековый художник пользовался традиционными зрительными формулами, которые способствовали не просто «узнаванию» сюжета, но и пониманию его символического смысла. Иммануил Кант писал, что произведение искусства создается с непременной целью, для осуществления которой «требуются определенные правила». Их он сравнил с «манежным», то есть объезженным конем, а отказ от правил — с конем «бешеным»[15]. Конечно, цели можно достичь только при помощи выученной лошади. Если это сравнение применить к древнерусскому искусству, то оно, благодаря канону, всегда достигало цели, являя средневековому человеку «зримый образ незримого».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поснов М. Э. История христианской церкви (До разделения церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 461.
2. Апокрифы (греч. «потаенные») — повествования о персонажах библейской истории, сюжетно отличающиеся от канонически закрепленных преданий.
3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 25.
4. Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М., 1973. С. 19.
5. Цит. по: Вздорнов Г. И. Феофан Грек. Творческое наследие. М., 1983. С. 43.
6. Там же.
7. То есть невысок ростом.
8. Впалые щеки.
9. Саккос — одеяние архиерея.
10. Подлинник иконописный. М., 1903. С. 39.
11. Данилова И. Е. От средних веков к Возрождению. (Сложение художественной системы картины кватроченто). М., 1975. С. 15—16.
12. Там же. С. 15.
13. Лазарев В. Н. Русская иконопись. От истоков до начала XVI в. М., 1983. С. 29.
14. Данилова И. Е. Указ. соч. С. 106.
15. Кант И. Критика способности суждения. Кн. 2, 47. — Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 5. М., 1966. С. 326.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов М. В.* Сокровища русского искусства XI—XVI вв. М., 1971.
2. *Гусев Н. В.* Некоторые приемы построения композиции в древнерусской живописи XI—XVII вв // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 126—139.
3. *Корнилович К. В.* Окно в минувшее. Л., 1968.
4. Культура Византии. 2-я половина VII—XII в. М., 1989. С. 401—469.

Битва суздальцев с новгородцами. Конец XV—начало XVI века. Из собрания Государственного Русского музея.

Устюжское Благовещение. Середина XII века. Из собрания Государственной Третьяковской галереи.

ВЛАДИМИР ЕРШОВ

РУСЬ ПРИБАЛТИЙСКАЯ

Ныне, когда «самые независимые в мире государства» Латвия и Эстония приобретают печальную известность изобретением драконовских законов, всерьез грозящих воплотить в жизнь антирусский лозунг «Чемодан, вокзал, Россия!», все чаще раздаются голоса, что у прибалтийских народов ничего общего с империей азиатов и варваров никогда не было. Вторжение России в эти места увязывается, как правило, с завоеванием Лифляндии и Эстляндии в период Северной войны (1700—1721). Между тем восточное славянство и православие неизменно присутствуют здесь на протяжении всей письменной истории Восточной Прибалтики — русские люди, по крайней мере с XII века, не только появляются в этих краях в качестве внешней военной силы, но и постоянно живут там...

ВАССАЛЫ ПОЛОЦКОГО КНЯЗЯ

С незапамятных времен восточные славяне самым активным образом контактировали с племенами, населявшими земли нынешней Латвии: земгалами и куршами, латгалами и селами, ливами и вендами. Название русских в латышском языке — krievi (krivi в латгальском диалекте) хранит воспоминания о тесных связях местных жителей с могущественными племенами кривичей. В X—XII веках Восточная Прибалтика — сфера прочного политического влияния Древнерусского государства, и прежде всего Полоцкого княжества. Среди прочих племен, плативших ему дань, упоминаются курши, земгалы, ливы, латгалы и селы[1].

Оживленная торговля Руси с Западной Европой по Западной Двине привела к появлению двух укрепленных пунктов — городков Кукенойс (лат. Кокнесе) и Герсике (лат. Ерсика), которые подчинялись полоцким князьям. Последние контролировали торговые пути на всем протяжении Западной Двины: ливы в Икскюле (Икшкиле), почти у самого устья реки, платили дань Полоцку[2]. Такие разные источники, как немецкая «Рифмованная хроника», русская Начальная летопись, буллы римских пап Климента III (1188) и Гонория III, относили Икскюль и в целом Ливонское и Селонское епископства к землям, что находятся на Руси. В 70-е годы XII века в устье Западной Двины появляются таинственные немецкие купцы из Любека, якобы отнесенные в Рижский залив штормом. Вначале немцы и вправду торговали, установив на ливонских землях свои конторы и амбары. Потом стали привозить с собой священников: в 1186 году некий монах Мейнард вместе с любекскими купцами появился в Полоцке и получил от князя Владимира разрешение на проповедь христианства среди ливов и учреждение Икскюльского епископства[3]. В Икскюле была построена церковь, а затем и каменный замок. Вскоре немцы потребовали от ливов выплаты десятины, те сопротивлялись, что послужило поводом для появления в устье Двины воинов-крестоносцев. Крестовый поход 1198 года положил начало политике германского натиска в Восточной Прибалтике. Местное население было насильственно обращено в христианскую веру, а на захваченных землях сформировались военно-религиозные ордена-государства.

Полочане вели себя совсем по-другому: силком в церковь никого не волокли, хотя и строили православные храмы в Герсике и Кукенойсе[4]. В итоге католичество вытеснило не успевшее укорениться православие силой оружия. Полоцкий князь довольствовался взиманием дани и подчиненностью местных племен верховной судебной власти. Под 1080 годом в летописи повествуется о том, что в войске знаменитого полоцкого князя Всеслава Чародея, одного из героев «Слова о полку Игореве», находились вспомогательные отряды ливов. Под 1106 годом Лаврентьевская летопись сообщает о победе земгалов над полочанами[5]. Скорее всего, с этого времени перестает существовать политическая власть полоцких князей над земгалами и куршами. В то же время земли по правому берегу Западной Двины в XII веке оставались под прочным полоцким контролем.

Поразительна реакция полочан на строительство Риги в 1201 году и учреждение Ордена меченосцев годом спустя. Летом 1203 года полоцкий князь Владимир неожиданно вступил в пределы Ливонии и осадил Икскюльский замок. Силы были откровенно неравны, и немцы решили откупиться. Князь деньги взял и снял осаду, что наводит на мысль о том, что он приходил за данью, а не воевать с опасными пришельцами[6]. Тем же летом князь Герцике в союзе с литовцами (на этот раз без участия полочан) подступил к стенам Риги, но захватил лишь пасшийся скот.

ОТВАЖНЫЙ КНЯЗЬ ВЯЧКО

Хроника Генриха Латвийского повествует о том, что во времена рижского епископа Альберта князем Кукенойса был Вячко (лат. Весцеке), сын Бориса Давыдовича Полоцкого от первого брака. Хронист считал его не первым здешним древнерусским князем[7]. В 1205 году крестоносцы двинулись вверх по Двине в отместку за набег ливов на немецкие владения. Когда немцы сожгли ливские городки Леневарден (ныне Лиелварде) и Ашераден (Айзкраукле), Вячко на ладье направился в стан Альберта. Князь и епископ подали друг другу руки и заключили «вечный мир». Ливы же смирились и предоставили немцам заложников.

Осенью того же года ливские старейшины отправили посольство в Полоцк. Послы пожаловались на разорения и попытались внушить князю мысль о полном изгнании немцев из Ливонии. Владимир Полоцкий поверил им и приказал готовить дружину к походу на Ригу весной 1206 года — с тем расчетом, что Альберт с частью воинов все еще будет за морем (куда он ежегодно отправлялся с целью вербовки новых крестоносцев).

Вслед за ливами в Полоцке появился аббат Динамюндского монастыря Теодорих. Альберт поручил ему выведать, не собирается ли полоцкий князь заступаться за своих данников-ливов, разоренных католиками. Посольство должно было добиться того, чтобы полоцкий князь передал свое право сбора дани с ливов рижскому епископу. Увидев посланцев Альберта, ливы обвинили немцев в вероломстве и беззакониях; но это почему-то не помешало переговорам. Более того, подкупив кого-то из приближенных князя, немцы узнали о подготовке похода на Ригу. Теодорих немедля отправил какого-то оборванца, который должен был добраться до Риги и передать эту информацию Альберту. Полоцкий князь каким-то образом узнал о письме и потребовал объяснений. Аббат Теодорих и не думал лгать и изворачиваться, как это ему советовали другие немцы. Владимир же поступил довольно странно: немцев... отпустил и снарядил с ними полоцкое посольство, призванное на месте внимательно выслушать обе стороны и принять после этого окончательное решение, обязательное и для ливов, и для немцев.

30 мая 1206 года в условленном месте на берегу реки Вогене (Огре) собрались только ливы. Епископ Альберт не явился и поручил дьякону Стефану довести до сведения полоцких послов, что те должны прибыть к нему сами, как это принято у суверенных государей[8]. На том же собрании 30 мая старейшина ливов Гольма (о. Мартиньсала на Двине) Ако поднял ливов на общую войну с немцами. В решающем сражении Ако был убит, а его отрубленная голова была послана рижскому епископу.

Как только Альберт уплыл за новым крестовым воинством, ливы снарядили гонцов в Полоцк. Однако подступы к Риге прочно закрыты Гольмским и Икскюльским замками. Осенью 1206 года войско князя Владимира безуспешно пыталось штурмовать эти укрепленные пункты. Полоцкий князь вскоре снял осаду, хотя по всем признакам малочисленные гарнизоны должны были быстро капитулировать.

После того как земли селов и ливов вынуждены были покориться немцам, положение князя Вячко стало угрожающим. Пока сюзерен в лице князя Владимира бездействовал, правитель Кукенойса был вынужден уступить половину своего удела и замка епископу Альберту в обмен на помощь в борьбе с воинственными южными соседями — литовцами[9]. Однако уже в 1207 году воины епископского вассала Даниила из Леневардена внезапно атаковали и разграбили Кукенойс, схватили Вячко и разогнали жителей по окрестным лесам. Альберт остался недоволен действиями своих людей и приказал отпустить Вячко и вернуть награбленное добро. В апреле 1208 года Вячко вернулся с подарками епископа и двадцатью немцами, которым было приказано укрепить кукенойсский замок от литовских набегов. Улучив момент, Вячко и его люди бросились на безоружных немцев, работавших во рву, и умертвили семнадцать человек. Трое спаслись и добрались до Риги.

Эта акция дорого обошлась жителям Кукенойса. Понимая, что его собственная дружина не выдержит натиска немцев, а полоцкое войско быстро не соберется, Вячко решил спасаться бегством в Полоцк. Кукенойсские жители оставили город и подожгли замок. Беглецов активно преследовали немцы, мстя за пролитую кровь епископских людей.

В 1209 году Альберт со своим войском появился в Кукенойсе, приказал очистить город и построить там каменный замок[10].

СОЖЖЕНИЕ ГЕРСИКЕ

Славянский город Герсике находился на правом берегу Западной Двины недалеко от современного города Ливаны. В начале XIII века там княжил Всеволод (Wissewalde по Генриху Латвийскому), возможно, родной брат Вячко. Его владения были богаче и обширнее, чем у Кукенойса, чему в немалой степени способствовала женитьба на дочери знатного литовца Даугерута. По мере того, как немцы возводили все новые замки вверх по реке, литовцы вынуждены были искать себе иные пути на правый берег. В конце концов они устроили постоянную переправу в Герсике.

Литовские набеги значительно подрывали немецкое владычество в этом регионе. В октябре 1209 года Альберт двинул свое войско на владения Всеволода. Удивительно, что со стороны полоцкого князя никакой реакции не последовало: по-видимому, Владимир полагал, что немцы не иначе как помогают ему, усмиряя не в меру строптивого удельного князя. Смяв сопротивление герсикских воинов, немцы ворвались в ворота города, разграбили его, захватили в плен множество людей, в том числе жену и родню князя, а под конец зажгли город. «И собрали они много добычи, снося со всех углов города одежду и серебро, и пурпур, и сгоняя скот во множестве, и взяли из церквей колокола и иконы, и деньги, и много добра»[11].

Обратим внимание на этот рассказ хрониста. Оказывается, в Герсике существовали православные церкви (фундамент одной из них обнаружили археологи). В древнем Кукенойсе также стояла церковь с бронзовыми колоколами[12]. В латышском языке зафиксированы прямые заимствования из древнерусского языка — «baznica»(церковь; ср. с летописной «варяжской божницей»), «zvans»(колокол; ср. «псковские звонницы»). Профессор Л. Адамович, латыш-лютеранин, еще в межвоенный период считал «окончательно доказанным [...], что уже до 1200 года латыши ознакомились с жизнью христианской церкви через русских»[13]. На многих городищах Латвии археологами найдены православные крестики.

После возвращения в Ригу епископ велел спасшемуся Всеволоду явиться в Ригу, если тот, конечно, желает вернуть жену и пленных. Князь, некогда бывший ревностным противником «латинства», согласился стать епископским вассалом, передав свой удел церкви св. Марии и получив его обратно из рук Альберта

вместе с тремя знаменами. В 1212 году в Герсике состоялось личное свидание Альберта и полоцкого князя при участии старейшин ливов и латгалов; в результате земли ливов были переданы под юрисдикцию епископа в обмен на помощь в отражении литовских набегов. Впрочем, Всеволод оказался ненадежным союзником Риги, продолжал помогать литовцам и удостоился еще двух грабительских походов. Летом 1214 и весной 1215 года люди Альберта вновь атаковали Герсике. Оба раза немцы захватили богатую добычу, но последняя стычка кончилась грабежом грабителей: приглашенные Всеволодом литовцы перебили епископское воинство, за вычетом счастливцев, успевших погрузиться в ладьи. После этого князь Всеволод в летописях более не упоминался (логично предположить, что он был убит), а городок Герсике перестал существовать[14].

С середины 10-х годов XIII века подвинские древнерусские княжества прекращают свое существование. Сопротивление немецкой агрессии в Прибалтике некоторое время оказывал исключительно Полоцк (Новгород и Псков сталкиваются с немцами позднее, когда ливонский вопрос уже был решен в пользу Риги). В 1216 году «плоцекский король Вольдемар» в союзе с эстами усиленно готовился к походу на Ригу, но внезапно умер. С кончиной князя политическая активность Полоцка в регионе заметно упала, однако усилились торговые связи Риги со Смоленском, Витебском и Полоцком.

ДОГОВОР И ВЕРОЛОМСТВО

Немецкая политика в Прибалтике сочетала в себе трудно совместимые начала: стремясь искоренить православную веру, орденские правители одновременно укрепляли торговые связи с древнерусскими землями. В 1210 году рижане заключили первый торговый договор с Полоцком: «Послом был Арнольд, брат воинства Христова, со своими товарищами ко князю Полоцкому с тем, чтобы этот последний заключил мир и открыл рижским купцам свободный путь в свою землю... Вместе с ними [полоцкий князь] отправил Лудольфа из Смоленска, мужа благоразумного и очень богатого. Когда все они пришли в Ригу и передали волю князя, то рижанам понравились предложенные условия»[15]. Заключенный в 1229 году торговый договор Риги со Смоленском также носил равноправный характер. Немцы имели в Смоленске свои дворы и церковь «Немецкой Богородицы», т. е. св.Марии; 28-й пункт договора гласил: «Таже правда буди Русину в Риге и на Готском березу»[16]. Древнерусские купцы прочно обосновались в Риге, что подтверждает Рижская Долговая книга, которая велась с 1286 по 1352 год. Там насчитывается до восьмидесяти славянских имен (немцев около 1150, литовцев, латышей, ливов вместе не более 70). Из них семь человек отмечены рижскими домовладельцами — это Афрем, Семен, Тимофей, Петр, Дмитрий, Аким Скорняк и Демас (Демьян) Банщик. С 80-х годов XIII века в источниках встречаются упоминания о родственных связях рижских православных граждан, что говорит о длительном проживании здесь тех или иных лиц. Согласно «Рижским статутам», действовавшим с 1279 года, иноземец, проживший в Риге более года, не мог торговать, не вступив в бюргерство. Для того чтобы стать рижским гражданином, необходимо было заплатить всего полторы готландских марки. «Нередки случаи, когда русские ведут свои дела в товариществе с латышами, ливами и немцами, с последними всего реже»[17]. Православные торговые колонии существовали и в других ливонских городах, в частности в Дерпте (древнерусский Юрьев, основанный еще в 1030 году Ярославом Мудрым, ныне Тарту) и Ревеле (древнерусская Колывань, теперь Таллин). «Русские ливонцы» извлекали немало экономических выгод из своего положения. Они были самыми удобными посредниками между ливонскими немцами и древнерусскими землями (имеются сведения даже о торговле с Суздалем), пользуясь при этом всеми правами местных граждан.

Однако жизнь православного населения Ливонии отнюдь не была идиллической. На Рождество 1472 года в Дерпте произошел настоящий русский погром. Община церкви св. Николая 6 января совершила обряд водосвящения и крестный ход на реку Амовжу. По возвращении на них напала фанатичная толпа католиков, ведомая лично бургомистром Юрием Трясоголовом. Городские власти и католическая церковь жестоко расправились с православными. 8 января по приказу епископа Андрея в Амовже были утоплены священник Исидор и еще 72 человека, в том числе женщины и дети: «...Безжалостно побросали в прорубь всех, не пощадив даже матерей с грудными младенцами. Весной, по вскрытию реки... найдены в целости все тела сих 73 замученных, и оставшимися в Дерпте православными честно погребены при церкви св.Николая»[18]. Вот как выполнил дерптский епископ договор 1463 года с московским великим князем Иваном III, в котором среди прочего обязался оказывать особенное покровительство православным, жившим в «Русском конце» с церквами их, и «то держать по старине и по старинным грамотам»[19].

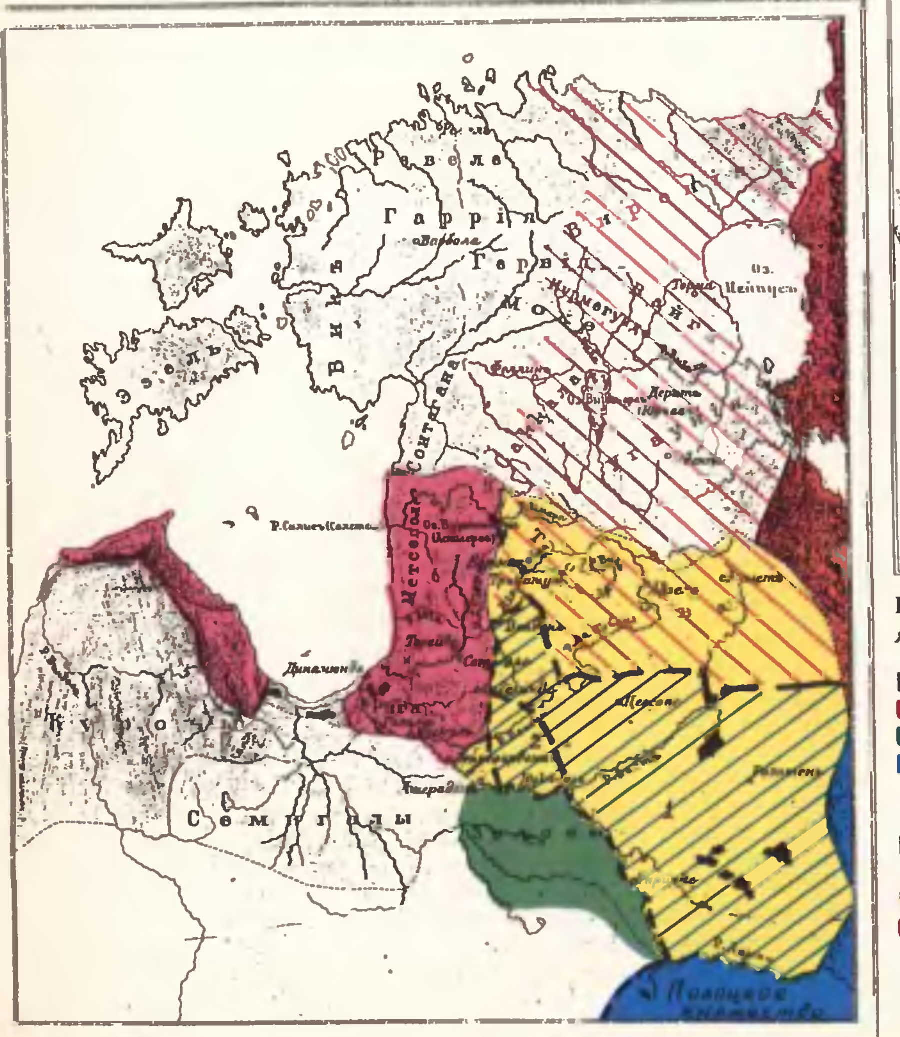
Безусловно, такие инциденты случались нечасто, преобладало мирное сосуществование конфессий, однако они выявляют остроту векового противостояния двух начал — русского и немецкого. Медленно, но неуклонно западные пришельцы лишают местные племена свободы, права на собственный выбор и собственную культуру. В XIII веке начинается длительная, изнуряющая обе стороны схватка за преобладание в Прибалтике двух цивилизаций — западноевропейской католической (а с XVI века и протестантской) и восточнославянской православной. Сегодня эта борьба разгорается с новой силой...

Рига

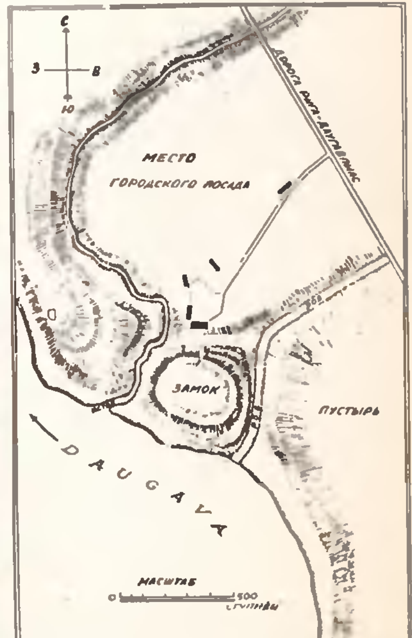
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Генриха Латышского Ливонская хроника (далее ГЛЛХ)// Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. I,3; XIV,9; XVI,2; XII,1; XI,7; XX,5; XXVIII,9; Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т.1. СПб., 1846. С.5.; Т.37. С. 13; Российский временник сиречь летописец. М., 1820. С.7.
2. ГЛЛХ. IX,9; XII,1; XXI,1; XXIX,5.
3. Там же. I,2,3.

4. Там же. XIII,4; Latvijas archealogia. Riga, 1926. Lp.73; Археологические открытия. 1966. М., 1967. С. 287—288.
5. ПСРЛ. Т.1. Под 6614 г.
6. ГЛЛХ. VII,7.
7. Там же. XIII,4.
8. Там же. X,4.
9. Там же. XI,2.
10. Там же. XIII,1. Эта крепость просуществовала несколько столетий. В 1577 году здесь побывал Иван Грозный. В 1701 году замок был взорван шведами и с тех пор ие восстанавливался; ныне его развалины омываются водохранилищем Плявиньской ГЭС.
11. Там же. XIII, 4.
12. Археологические открытня. 1966. С.287—288.
13. Latviesi. Riga, 1930. Lp.178.
14. По преданию, жители переправились иа левый берег Двины и поселились среди курляндских латышей. Именно от этих беглецов ведет свое начало русская слобода, которая по указу курляндского герцога Якоба (1670) стала городом, названным в его честь Якобштадтом (ныне Екабпилс). Здесь в 1675 году возвели православную святодуховскую церковь, где хранилась древняя плащаница XIV—XV веков. Чешихин Е. П. История Ливонии с древнейших времен. Т.1. Рига, 1884. С.58 прим.
15. ГЛЛХ. XIV,9; XVI,2.
16. Чешихин Е. П. Указ. соч. С.331—334.
17. Бережков М. О торговле русских с Ригою в XIII—XIV веках// Журнал Министерства народного просвещения. 1877. С.353.
18. Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Т.3. Рига, 1880. С.471—473.
19. ПСРЛ. Т.4. СПб., 1818. С.225. Преследование православной веры в Ливонии резко усилилось после 1521 года, когда здесь начинается насаждение учения Мартина Лютера. По свидетельству священника из Феллина (теперь Вильянди) Дионисия Фабриция, «приверженцы реформации сожгли русские церкви в Риге, Ревеле, Дерпте и других городах». Положение русских в Прибалтике в XVI—XVIII веках (включая события Ливонской войны и появление здесь старообрядцев) представляет самостоятельный научный интерес.

Карта. *Фр. фон Кесслер. Окончание первоначального русского владычества в прибалтийском крае в XIII столетии.*

План. *Городище Герцике по измерениям Й. Деринга (1878)*

- Эсты
- Ливы
- Зелоны (селы)
- Земли, зависимые или освоенные Полоцким княжеством к началу XIII века
- Ливы вместе с латышами (и куроны)
- Латгалы
- Земли, освоенные или зависимые от Новгорода в начале XIII века
- Литовцы
- Русские
- Границы русских княжеств в Латвии:
  1. Герцике
  2. Кукенойс

АНТОН ГОРСКИЙ,
кандидат исторических наук

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Рюрик
Игорь ~ Св. Ольга
Святослав
Владимир Св.
Ярослав Мудрый
Всеволод
Владимир Мономах

Мстислав I — Юрий Долгорукий
Ростислав
Мстислав «Храбрый»
Мстислав «Удалой»
Феодосия

Андрей Боголюбский — Всеволод III «Большое Гнездо»
Константин — Юрий II — Ярослав

Св. Александр Невский

Александр Невский — одно из тех имен, которые известны каждому в нашем Отечестве. Князь, покрытый воинской славой, удостоившийся литературной повести о своих деяниях вскоре после смерти, канонизированный церковью; человек, чье имя продолжало вдохновлять поколения, жившие много веков спустя: в 1725 году был учрежден орден святого Александра Невского, а в 1942-м — советский орден Александра Невского (единственный советский орден, названный именем деятеля эпохи русского средневековья).

Посмертная слава (равно как и хула) редко полностью соответствует реальным делам политического деятеля даже в наше время. Тем более это характерно для отдаленных эпох и личностей, о жизни которых сохранилось относительно мало известий. Что же известно о князе Александре Ярославиче, прозванном потомками «Невским», и как можно оценить его место и роль в истории Руси?

Александр родился в 1221 году в Переяславле-Залесском. Его отец, князь Ярослав Всеволодович, был третьим сыном Всеволода Большое Гнездо, сына Юрия Долгорукого, внука Владимира Мономаха. Всеволод (умерший в 1212 году) владел Северо-Восточной Русью (т. н. Владимиро-Суздальской землей). Ярослав (родившийся в 1190 году) получил от отца Переяславское княжество, составлявшее часть Владимиро-Суздальского. Первой женой Ярослава была внучка половецкого хана Кончака. Около 1213 года Ярослав женился вторично (умерла ли его первая жена или брак был по каким-либо причинам расторгнут — неизвестно) — на Ростиславе-Феодосии, дочери новгородского (позже галицкого) князя Мстислава Мстиславича Удатного (т. е. удачливого; в литературе часто неточно именуется Удалым). В 1216 году Ярослав со старшим братом Юрием вели войну против Мстислава, потерпели поражение, и Мстислав отнял у Ярослава свою дочь. Но затем брак Ярослава и Ростиславы был возобновлен (часто встречающееся в литературе утверждение, что Ярослав после 1216 года женился третьим браком на рязанской княжне, ошибочно) и в начале 1220 года у них родился первенец Федор, а в мае 1221-го — Александр.

В 1230 году Ярослав Всеволодович после трудной борьбы с черниговским князем Михаилом утвердился на княжении в Новгороде Великом. Сам он предпочитал жить в отчинном Переяславле, а в Новгороле оставил княжичей Федора и Александра. В 1233 году Александр остался старшим из Ярославичей — 13-летний Федор неожиданно умер накануне своей свадьбы.

Через три года Ярослав Всеволодович ушел из Новгорода на княжение в Киев (продолжавший считаться номинальной столицей всей Руси). Александр стал самостоятельным новгородским князем. Именно в Новгороде он находился зимой 1237—1238 годов, в то время, когда Северо-Восточную Русь постигла катастрофа: полчища Монгольской империи, возглавляемые старшим внуком ее основателя Чингисхана Бату (Батыем), разорили Владимиро-Суздальское княжество. Было взято 14 городов, включая столицу — Владимир. В битве с одним из татарских отрядов на реке Сити погиб великий князь владимирский Юрий Всеволодович, старший брат Ярослава.

После того как монгольские войска вернулись весной 1238 года в приволжские степи, Ярослав Всеволодович пришел из Киева в разоренный Владимир и занял главный княжеский стол Северо-Восточной Руси. Уже в следующем году Ярослав предпринял энергичные действия по укреплению влияния в соседних землях. Он разбил литовские войска, захватившие Смоленск, и посадил здесь союзного себе князя. В русле этой политики была и договоренность о браке старшего сына Ярослава с дочерью правителя другого крупного западнорусского центра — Полоцка. В 1239-м состоялась свадьба Александра и дочери полоцкого князя Брячислава. А летом следующего, 1240 года произошло событие, принесшее Александру первую воинскую славу.

В первой половине XIII века шведы развернули наступление на земли финских племен и завладели Юго-Западной Финляндией. Попытки продвижения далее на Восток неизбежно должны были привести к столкновению с Новгородом, которому принадлежало устье Невы и побережье Ладожского озера. И в 1240-м шведское войско впервые вошло из Финского залива в Неву. Предводительствовал им, по-видимому, ярл (второй по значению титул в Швеции после короля) Ульф Фаси (достоверность сведений более поздних источников о том, что командовал шведскими силами Биргер, впоследствии фактический правитель Швеции, сомнительна). Вряд ли целью шведов был поход на сам Новгород — скорее всего в их задачу входил захват берегов Невы и устья реки Волхов (впадающей в Ладожское озеро) с городом Ладогой: тем самым новгородская земля отрезалась от выхода к морю и лишалась возможности противостоять шведам в борьбе за Восточную Финляндию. Момент для нападения был выбран удачно: военные силы князей Северо-Восточной Руси, часто приходившие на помощь новгородцам во внешних войнах, были ослаблены после набега Батыя.

Неизвестно, какой военный опыт был к этому времени у 19-летнего Александра. Можно допустить, что он принимал участие в походе отца 1234 года против немецких рыцарей-крестоносцев, обосновавшихся в первой трети XIII века на землях прибалтийских племен — предков эстонцев и латышей, — походе, закончившемся успешной для русских войск битвой на реке Эмайыги в Юго-Восточной Эстонии. Не исключено, что участвовал Александр и в действиях отца против литовцев в 1239 году. Но, во всяком случае, в неотвратимом столкновении со шведами ему впервые приходилось самому принимать решения и брать на себя руководство военными действиями.

Получив известие о появлении шведского войска, новгородский князь мог занять выжидательную позицию, послать просьбу о военной помощи отцу во Владимир, попытаться собрать ополчение из жителей Новгородской земли. Но в результате такого промедления шведы могли пройти всю Неву и захватить Ладогу. И Александр принял иное решение: только со своей дружиной и небольшим отрядом новгородцев немедленно атаковать противника. «Не в силе Бог, но в правде», — сказал князь, по свидетельству автора Жития Александра, отправляясь в поход.

15 июля 1240 года, в воскресенье, русское войско внезапно атаковало численно превосходивших шведов, расположившихся лагерем близ впадения в Неву реки Ижоры. Противник, застигнутый врасплох, понес тяжелые потери. Погиб второй по значению шведский военачальник (названный в русской летописи «воеводой») и много знатных воинов. Согласно Житию Александра, сам князь сошелся в бою с предводителем вражеского войска и ранил его копьем в лицо. Сражение прекратилось, по-видимому, с наступлением темноты, и шведы получили возможность похоронить погибших. Под покровом ночи остатки вражеского войска погрузились на корабли и отплыли восвояси. Потери с русской стороны были небольшими — всего 20 человек.

В конце того же 1240 года агрессию против Новгородской земли начали немецкие рыцари-крестоносцы. В течение первой трети XIII века рыцари Ордена меченосцев захватили земли прибалтийских племен — эстов, ливов, латгалов. Владения Ордена вплотную соприкоснулись с границами Руси (по реке Нарове и Чудскому озеру). С конца десятых годов начались не-

посредственные столкновения Ордена с русскими войсками. После поражений, понесенных крестоносцами от Ярослава Всеволодовича в 1234-м и особенно от литовцев при Шауляе в 1236 году (где погибли почти все рыцари-меченосцы — 48 человек), произошло слияние Ордена меченосцев с обосновавшимся в Восточной Пруссии Тевтонским орденом. Получившая подкрепление из Пруссии и Германии часть соединенного Ордена стала именоваться Ливонским орденом. Не удовлетворившись завоеванием прибалтийских племен, крестоносцы попытались перенести экспансию на территорию русских земель. Как и при вторжении в Восточную Прибалтику, за спиной Ордена стоял папский престол в Риме. Завоевание народов Прибалтики освящалось идеей обращения их в христианство (предки эстонцев и латышей были в это время еще язычниками), война с Русью оправдывалась тем, что ее жители, с католической точки зрения, были «схизматиками» — приверженцами восточного, православного варианта христианства.

В конце 1240 года немцы захватили Изборск — город на западной границе Новгородской земли. Затем они разбили войско крупного полусамостоятельного центра Новгородской земли — Пскова и благодаря последующему сговору с частью псковского боярства заняли этот город. На северо-западе Новгородской земли немцы обосновались в погосте Копорье (к востоку от реки Наровы близ Финского залива).

Положение осложнилось тем, что в разгар немецкого наступления зимой 1240—1241 годов князь Александр рассорился с новгородскими боярами и уехал к отцу в Переяславль вместе со своим «двором» (дружиной). Для политического строя Новгорода характерны специфические черты, отличные от строя других русских земель. Здесь значительную силу представляло местное боярство, которое приглашало на новгородский стол князей из разных земель по своему усмотрению. Часто князья, не поладившие с местной знатью, вынуждены были покидать Новгород. Это случилось и с Александром (о причинах конфликта источники не сообщают).

Тем временем отряды ливонцев стали появляться уже вблизи Новгорода, и новгородцы отправили к Ярославу Всеволодовичу посольство с просьбой о помощи. Ярослав послал к ним второго по старшинству из своих сыновей — Андрея. Вскоре, по-видимому, выяснилось, что он не может организовать сопротивление, и к Ярославу было снаряжено новое посольство, во главе с новгородским архиепископом, с просьбой отправить княжить в Новгород вновь Александра. И «вда Ярослав сына своего Александра опять».

Вернувшись в Новгород, Александр принялся за организацию отпора крестоносцам. Первый удар он направил (в 1241 году) на Копорье. Крепость, построенная здесь немцами, была взята, часть пленных Александр привел в Новгород, часть отпустил. Перешедших на сторону врага изменников из обитавших в районе Копорья финноязычных племен води и чуди он приказал повесить. В начале следующего, 1242 года Александр со своей дружиной, войском из новгородцев и отрядом во главе с братом Андреем, присланным отцом в подмогу из Суздальской земли, двинулся на земли Ордена. При этом он перекрыл пути, связывавшие немецкие владения с Псковом, а затем внезапным ударом занял город. Немцы, находившиеся там, были захвачены в плен и отосланы в Новгород. Перейдя границу владений Ордена, Александр отправил вперед разведывательный отряд во главе с братом новгородского посадника. Разведка напоролась на орденское войско. В завязавшемся бою погиб предводитель отряда Домаш Твердиславич, часть воинов погибла или попала в плен, другие бежали к Александру. После этого князь отступил на лед Чудского озера (естественной границы между новгородскими и орденскими владениями) и занял позицию у его восточного берега.

5 апреля 1242 года, в субботу, орденское войско атаковало русских. Построившись клином (в русских источниках того времени это построение именуется «свиньею»), немцы и «чудь» (эсты) сумели прорвать оборонительную линию, составленную из легковооруженных воинов, но были атакованы с флангов конными отрядами (очевидно, дружинами Александра и Андрея) и потерпели полное поражение. Воины Александра преследовали бегущего противника 7 верст по льду до западного берега озера.

Согласно новгородской летописи, в битве «паде Чюди бещисла» (бесчисленное множество), а немцев — 400; кроме того, еще 50 немцев были захвачены в плен и приведены в Новгород. Ливонский источник «Рифмованная хроника» называет другие цифры — 20 рыцарей убитыми и 6 пленными. Это расхождение, однако, связано не с завышением вражеских потерь в первом случае и занижением своих в другом. Собственно рыцари Ордена составляли наилучшим образом экипированную и подготовленную часть немецкого войска, но численно очень незначительную. Помимо рыцарей в бою участвовали их военные слуги, воины епископа, вероятно, отряды из немецких колонистов-горожан. Русский источник называет общее число немецких потерь; в ливонском же речь идет только об орденских рыцарях. По подсчетам исследователей, в 1242 году в Ливонии было всего около сотни рыцарей, при этом значительная часть их сражалась с балтским племенем куршей. Таким образом, потери в 26 человек убитыми и пленными составляли около половины числа рыцарей, участвовавших в Ледовом побоище, и около четверти общего числа рыцарей Ливонского ордена.

В том же году немцы прислали в Новгород посольство с просьбой о мире: Орден отказывался от всех претензий на русские земли и просил об обмене пленными. Мирный договор был заключен.

Пока на Севере Руси шла война с Орденом, на Юге разворачивались трагические события. В конце 1240 года войско Батыя вторглось в Южную Русь, захватило Переяславль, Чернигов, Киев, Галич, Владимир-Волынский, множество других городов. Разорив южнорусские земли, Батый двинулся в Центральную Европу. Были опустошены Венгрия, Польша, татарские войска* достигли Чехии и берегов Адриатики. Лишь в конце 1242 года Батый возвратился в Поволжье. Здесь образовался западный улус Монгольской империи — так называемая Золотая Орда. На правах завоевателей монголы стали навязывать русским князьям свой сюзеренитет. Первым был вызван в ставку Батыя в 1243 году отец Александра, великий князь владимирский Ярослав Всеволодович, сильнейший на тот момент из русских князей и не воевавший с татарами (во время их похода на Северо-Восточную Русь он находился в Киеве, а во время похода на Южную Русь — во Владимире). Батый признал Ярослава «старейшим» из русских князей, подтвердив его права на Владимир и на Киев — древнюю столицу Руси. Но Золотая Орда была пока что частью огромной империи, простершейся от Карпат до Тихого океана. И Ярослав был вынужден в 1246 году отправиться в Монголию, в столицу великого хана — Каракорум для утверждения.

* Сами себя завоеватели называли монголами; но на Руси и в других европейских странах их именовали татарами (термин, первоначально принятый в Китае, для обозначения разных монгольских племен).

Александр тем временем продолжал княжить в Новгороде. В 1245-м Новгородская земля подверглась набегу литовцев, дошедших до Торжка и Бежичей. Александр погнался за ними и разбил в нескольких битвах — у Торопца, Жижиц и Усвята (в пределах Смоленского и Витебского княжеств); было перебито множество литовских «княжичей».

30 сентября 1246 года в далекой Монголии умер Ярослав Всеволодович, отец Александра. Он был отравлен матерью великого монгольского хана Гуюка — Туракиной, враждебно настроенной к Батыю, чьим ставленником в глазах каракорумского двора являлся Ярослав. После этого Туракина направила к Александру посла с требованием явиться в Каракорум. Но Александр отказался ехать.

В 1247 году великим князем владимирским стал Святослав Всеволодович, младший брат Ярослава (в согласии с древнерусской традицией наследования княжеской власти, по которой братьям отдавалось предпочтение перед сыновьями). Александру, согласно проведенному перераспределению столов, досталась в Северо-Восточной Руси Тверь. Но в конце того же года Александр и его брат Андрей отправились к Батыю. Очевидно, Ярославичи апеллировали к акту ханского пожалования их отцу, которое давало его сыновьям преимущественные перед дядей права на великое княжение владимирское (позднее на него претендовали только потомки Ярослава Всеволодовича). От Батыя оба брата направились в Каракорум, откуда вернулись на Русь только в конце 1249 года.

Пока Александр пребывал в степях, в его адрес римским папой Иннокентием IV были направлены два послания. Мысль о контактах с Александром возникла у папской курии не случайно. Во-первых, его отец встречался в Каракоруме с послом папы Плано Карпини и принял (в поисках противовеса татарам) покровительство римской церкви. Во-вторых, от Карпини папе стало известно об отказе Александра подчиниться великой ханше. В своем послании папа настаивал на том, чтобы Александр последовал примеру отца, и просил его в случае татарского наступления извещать «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью божией сим татарам мужественное сопротивление оказать».

Папскую буллу, очевидно, успели доставить Александру, пока он находился в ставке Батыя в низовьях Волги. Новгородский князь дал ответ, текст которого до нас не дошел; но судя по содержанию следующего послания папы, этот ответ был уклончив или даже в основном положителен в отношении принятия покровительства римской церкви. По-видимому, находясь в неопределенном положении при дворе Батыя, Александр хотел сохранить возможность выбора в зависимости от результатов своей поездки. Во втором послании Иннокентий IV давал Александру положительный ответ на его предложение построить в Пскове католический собор и просил принять своего посла — архиепископа Прусского. Но эта булла не успела дойти до Александра — он был уже на пути в Каракорум.

В Каракоруме новая правительница Огуль-Гамиш (вдова Гуюка) признала (в 1243 году) Александра «старейшим» среди русских князей: он получил Киев. Но в то же время Владимир достался Андрею. Таким образом, наследство Ярослава Всеволодовича было разделено на две части. Александр предпочел не ехать в далекий Киев, сильно пострадавший от татарского разгрома в 1240 году и продолжал княжить в Новгороде. Тем временем к нему явились послы от папы за окончательным ответом на предложения о переходе в католичество. Князь ответил решительным отказом.

В начале 50-х годов Александр обменялся посольствами с королем Норвегии Хаконом: стороны урегулировали границы сфер влияния Норвегии и Новгорода на крайнем севере Европы — территориях, прилегающих к Баренцеву и Норвежскому морям. Во время переговоров в Норвегии зашел разговор о браке сына Александра с дочерью Хакона. Но последовавшие на Руси события заставили забыть об этом проекте.

Андрей Ярославич, став князем владимирским, заключил союз с сильнейшим князем Южной Руси Даниилом Романовичем Галицким, женившись на его дочери, и попытался вести (как и его тесть в то время) независимую от Золотой Орды политику. Такую возможность ему давало, по-видимому, пожалование владимирского княжения каракорумским двором, враждебным Батыю. Но в 1251 году великим ханом стал друг и ставленник Батыя Мунке. Это развязало руки золотоордынскому хану и в следующем году он организовал военные акции против Андрея и Даниила. На галицкого князя Батый послал рать Куремсы, не добившуюся успеха, а на Андрея — рать под командованием Неврюя, разорившую окрестности Переяславля. Владимирский князь бежал, найдя убежище в Швеции (позже он вернулся на Русь и княжил в Суздале). В том же году еще до похода Неврюя Александр поехал к Батыю, получил ярлык на владимирское великое княжение и по возвращении (уже после изгнания Андрея) сел во Владимире. Возможно, Батый реализовал свой выбор, сделанный еще в 1248 году и расстроенный тогда решением враждебной Батыю великой ханши Огуль-Гамиш. Но не исключено, что он окончательно склонился на сторону Александра, когда стало известно, что тот отверг союз с папой.

С 1252 года до своей смерти в 1263 году Александр был великим князем владимирским. Сев во Владимире, он предпринял шаги по закреплению за собой прав на Новгород. Ранее новгородское боярство могло приглашать к себе князей из разных русских земель: Суздальской, Смоленской, Черниговской. Со времен Алек-

сандра установился новый порядок: Новгород признавал своим князем того, кто занимал великокняжеский стол во Владимире. Иными словами, Александр, став великим князем владимирским, сохранил за собой и новгородское княжение. В Новгороде он оставил своего старшего сына Василия, но в качестве не самостоятельного князя, а своего наместника.

В 1257 году Монгольская империя произвела в Северо-Восточной Руси перепись населения для упорядочения системы податного обложения. Александр, совершивший тогда поездку в Орду, вынужден был согласиться на проведение этого мероприятия, сохраняя свою линию на мирные отношения с татарами и признание верховного сюзеренитета правителя Золотой Орды и великого монгольского хана. Из Суздальской земли татарские «численники» поехали в Новгород; Александр с военным отрядом сопровождал их. В Новгороде при известии о татарских требованиях выплаты дани начался мятеж, поддержанный по-прежнему наместничавшим в городе Василием Александровичем. Новгородцы не дали татарским послам "десятины и тамги", ограничившись дарами «цесарю» (великому хану). Александр же расправился с мятежниками: Василия выгнал из Пскова (куда тот бежал при приближении отца) и отослал в Суздальскую землю, а тем, кто подбил его на неповиновение, «оному носа урезаша, а иному очи выимаша». В 1259 году новгородцы, опасаясь татарского вторжения, все же согласились на ордынскую перепись. Но когда татарские послы, сопровождаемые Александром, начали взимать дань, в Новгороде вновь поднялся мятеж. После долгого противостояния новгородцы все же уступили. Вслед за татарами город покинул и Александр, оставив наместником своего второго сына Дмитрия.

В 1262 году сразу в нескольких городах Северо-Восточной Руси — Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле — вспыхнуло восстание, в результате которого сборщики дани, присланные великим ханом, были перебиты или изгнаны. О прямой поддержке Александром восстания достоверных известий нет, но косвенные данные позволяют полагать, что его отношение к нему было по меньшей мере благожелательно-нейтральным. Не последовало и карательного похода из Золотой Орды: ее хан Берке в это время стремился к независимости от великоханского престола, и изгнание из Руси чиновников великого хана соответствовало его интересам. Но в том же году Берке затеял войну против монгольского правителя Ирака Хулагу и стал требовать посылки к нему на помощь русских войск. Александр отправился в Орду, чтобы «отмолити людии от беды той». Перед отъездом он организовал большой поход против Ливонского ордена.

Александр пробыл в Орде почти год. Миссия его, по-видимому, удалась: нет сведений об участии русских войск в войнах Золотой Орды против Хулагу. На обратном пути на Русь 42-летний великий князь разболелся и умер 14 ноября 1263 года в Городце на Волге, приняв перед смертью монашеский постриг. 23 ноября тело Александра было погребено в монастыре Рождества Богородицы во Владимире. В надгробной речи митрополит всея Руси Кирилл сказал: «Чада моя, разумейте, яко уже зайде солнце земли Суздальской!»

В литературе можно встретить предположение, что Александр, подобно его отцу, был отравлен татарами. В источниках, однако, такая версия смерти князя не встречается. Можно предположить, что длительное пребывание в непривычных климатических условиях отрицательно сказалось на здоровье уже немолодого по тогдашним меркам человека. К тому же Александр, по-видимому, железным здоровьем не отличался: под 1251 годом летописи упоминают о тяжелой болезни, едва не сведшей его в могилу в тридцатилетнем возрасте.

После смерти Александра великим князем владимирским стал его младший брат Ярослав. Сыновья Александра получили: Дмитрий — Переяславль, Андрей — Городец. Младший, Даниил (родился в 1261 году), стал через некоторое время первым московским князем, и от него пошла династия московских великих князей и царей.

Если официальная (светская и церковная) оценка личности Александра Невского всегда была панегирической, то в исторической науке его деятельность трактовалась неоднозначно. И эта неоднозначность естественно вытекает из видимого противоречия в образе Александра. В самом деле: с одной стороны, это несомненно выдающийся полководец, выигравший все сражения, в которых участвовал, сочетавший решительность с расчетливостью, человек большой личной храбрости; с другой — это князь, вынужденный признать верховную власть иноземного правителя, не попытавшийся организовать сопротивление бесспорно самому опасному врагу Руси той эпохи — монголам, более того — способствовавший им в установлении системы эксплуатации русских земель.

Одна из крайних точек зрения на деятельность Александра, сформулированная в 20-е годы работавшим в эмиграции русским историком Г. В. Вернадским, а в последнее время в основном повторенная Л. Н. Гумилевым, сводится к тому, что Александр сделал судьбоносный выбор между Востоком и Западом в пользу Востока. Пойдя на союз с Ордой, он предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие — основу самобытности. Согласно другой крайней точке зрения, отстаиваемой английским историком Дж. Феннеллом (в его книге «Кризис средневековой Руси», переведенной на русский язык), именно коллаборационизм Александра по отношению к монголам, предательство им братьев Андрея и Ярослава в 1252 году стали причиной установления на Руси ига Золотой Орды.

Так был ли действительно сделан Александром исторический выбор и может ли один и тот же человек быть и героем, и коллаборационистом-предателем?

Представляется, что обе точки зрения не вполне учитывают, во-первых, менталитет изучаемой эпохи, во-вторых, особенности личной биографии Александра. Монгольское завоевание пришлось на период, когда в мировосприятии образованных людей Древней Руси существовала своего рода лакуна — свободным оказалось место «царства», мировой державы во главе с правителем высшего ранга — «царем». Ранее эту роль выполняла Византия, чей правитель именовался императором (базилевсом). Но в 1204 году Константинополь — столица Византии был захвачен крестоносцами, что было расценено на Руси как «погибель царства». А после походов Батыя царский титул был перенесен на монгольского великого хана. Восстановление Византийской империи в 1261 году не изменило положения: ее императоры и константинопольский патриархат вступили с Ордой в союзнические отношения и тем самым как бы «узаконивали» положение этого государства в Восточной Европе, а значит, и зависимость от него русских земель, которые конфессионально подчинялись Константинополю.

Таким образом, сюзеренитет Орды имел в мировосприятии русских людей некое подобие легитимности — ее правитель носил более высокий титул, чем любой из русских князей (для преодоления такого представления понадобилось больше двух веков — оно было изжито только к концу XV столетия).

Зависимость русских земель от Орды в основных чертах (включая взимание дани) стала складываться еще в 40-е годы XIII века (в то время, когда Александр княжил в Новгороде и не влиял напрямую на русско-татарские отношения); в 50-е годы произошло лишь упорядочение системы экономической эксплуатации. После смерти отца, когда Александр стал сильнейшим князем в Северной Руси, перед ним действительно появилась проблема выбора: либо поддерживать мирные отношения с Ордой, признавая верховный сюзеренитет ханов над Русью (уже признанный к этому времени всеми значительными князьями как Северной, так и Южной Руси), и противостоять Ордену, либо начать сопротивление татарам, заключив союз с Орденом и стоящим за ним религиозным главой католической Европы — папой (перспектива войны на два фронта князю, большую часть жизни проведшему в Новгороде, близ орденской границы, должна была казаться неприемлемой, и вполне справедливо). Александр колебался до возвращения из поездки в Каракорум и твердо выбрал первый вариант только к 1250 году. Здесь свою роль сыграл, по-видимому, его личный опыт. С татарами Александру не доводилось сталкиваться на поле боя. В то же время в возрасте 19—20 лет он сражался с вторгавшимися на Русь шведами и немцами (действия тех и других поддерживались папской курией). Вытекающая из посланий папы к Александру перспектива совместных действий против татар, предполагающая добровольный пропуск крестоносцев на русскую территорию (куда они несколькими годами ранее рвались силой), безусловно, не могла восприниматься как радужная. Во-вторых, в ходе своей двухгодичной поездки по степям (1247—1249 годы) Александр смог, с одной стороны, убедиться в силе Монгольской империи, а с другой — понять, что монголо-татары не претендуют на непосредственный захват русских земель, довольствуясь признанием вассалитета и данью, а также не собираются посягать на православную веру. Это должно было выгодно отличать их в глазах Александра от крестоносцев, для действий которых в Восточной Прибалтике был характерен непосредственный захват территории с раздачей ее немецкой аристократии и насильственное обращение населения в католичество. Кроме того, после возвращения Александра на Русь в конце 1249 года к нему должны были дойти сведения о том, что сближение с Римом сильнейшего князя Южной Руси — Даниила Романовича Галицкого оказалось безрезультатным для дела обороны от татар: обещанный папой антитатарский крестовый поход не состоялся.

В 1252 году в условиях, когда стала очевидной подготовка Батыем военных акций против Андрея Ярославича и Даниила Романовича, у Александра было три варианта действий. Первый — занять антитатарскую позицию и в союзе с братом воевать против Батыя. Но это значило, во-первых, изменить своему политическому курсу — миру с Ордой, противостояние Ордену — в условиях, когда мосты для союзничества с Западом Александр уже сжег. Во-вторых, надежды на успех в такой войне были призрачны: даже если первый удар будет отражен, у Батыя достаточно сил для создания большого численного перевеса (не говоря уже о подкреплениях, которые мог послать дружественный ему великий хан Мунке). Примерно так развивались события в 1252—1258 годах на Юге Руси: Даниил Романович успешно противостоял монгольскому полководцу Куремсе, но когда Батый заменил того Бурундаем (победителем Юрия Всеволодовича на Сити), галицкий князь вынужден был подчиниться. Второй вариант — занять выжидательную позицию и наблюдать из Новгорода за татарским походом против Андрея. Но в этом случае неизвестно, как распорядится Батый владимирским столом; к тому же пассивное ожидание было явно не в характере Александра. Третий вариант — попытаться извлечь из ситуации политическую выгоду: получить владимирский стол. Александр избрал этот вариант действий. В результате он получил верховную власть над Суздальской землей, а войско Неврюя разорило лишь окрестности принадлежавшего тогда Ярославу Ярославичу (союзнику Андрея) Переяславля, куда бежал при приближении татар Андрей. Возможно, такая «локальная» направленность ордынского похода была следствием дипломатии Александра.

Поэтому, на мой взгляд, в действиях Александра нет оснований искать какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь современным языком, «прагматиком»: он выбирал тот путь, который казался ему более выгодным для укрепления его земли и для него лично. Когда назревал решительный бой, он давал решительный бой; когда наиболее перспективным и значимым казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение. В результате в период великого княжения Александра Невского (1252—1263) не было татарских набегов на Суздальскую землю, а было всего две попытки (быстро пресеченные) нападения на Русь с Запада (немцев в 1253 и шведов в 1256 годах). Александр добился признания Новгородом сюзеренитета великого князя владимирского (что стало одним из факторов, благодаря которым именно Северо-Восточная Русь превратилась позже в ядро нового, Российского государства). Предпочтение новгородцами владимирского стола киевскому было решающим событием в процессе перехода номинальной столицы Руси из Киева во Владимир. Но эти долгосрочные последствия политики Александра Невского не были следствием того, что он изменил объективный ход исторических событий; напротив, Александр действовал в соответствии с объективными обстоятельствами своей эпохи, действовал расчетливо и энергично.

ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВА,
кандидат искусствоведения

ЦАРСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

Книжный знак Николая II в Зимнем дворце.

Книжный знак цесаревича Алексея.

К 1919 году собственные библиотеки императорского дома насчитывали 70 тысяч томов. А начало прекрасного собрания было положено в середине XVIII века Екатериной II. В Зимнем дворце и в Эрмитаже для музейной и личной ее библиотек были отведены специальные апартаменты. Впрочем, книги императрица хранила всюду: в так называемой «комнатной» библиотеке Зимнего дворца, в своей опочивальне и, по свидетельству некоторых историков, даже в мыльной. Она возила их с собой в пригородные дворцы, не расставалась с ними и в путешествиях по стране.

Создавая свою библиотеку, Екатерина II приобрела книжные коллекции Вольтера, Дидро, Бюшинга, Галиани, Николаи, Щербатова и многих других. Однако представить ныне весь объем ее библиотеки, увы, невозможно, на книгах императрицы отсутствовал книжный знак (экслибрис)[1].

В стенах Зимнего дворца и в загородных резиденциях зарождается собрание книг будущего императора Павла I. Возникшая еще в 1760-е годы библиотека маленького наследника состояла из учебников, словарей, лексиконов, сочинений французских и немецких авторов, книг по русской и древней классической истории, архитектурных альбомов и философских трактатов. В 1764 году, по свидетельству воспитателя цесаревича С. А. Порошина, эту библиотеку из деревянного Зимнего дома перевезли в Зимний дворец. В 1765 году по проекту Порошина для наследника создается специальная библиотечная комната, стены которой «были сплошь заняты книжными полками, даже двери были обработаны в виде полок с фальшивыми книжными переплетами»[2]. Имелась на половине наследника и специальная эстампная комната, в которой хранились роскошные издания по архитектуре, альбомы рисунков обмундирования, в особенности голштинских войск, штандартов и знамен[3]. Прекрасные библиотеки он также имел в Гатчине и Павловске[4]. Все принадлежавшие ему книги переплетались в красные матовые сафьяновые переплеты, густо украшенные золотым тиснением. В центре крышек каждого переплета «выдвигался, подавляя всю прочую орнаментику, величественный и четкий по своим линиям, однотипный для всех книг, тисненый знак собственности трех размеров (сообразно формату тома), заключенный в перевитой сверху и снизу овал лиственного орнамента»[5]. Книжный знак Павла I встречался на обложках его книг в двух вариантах: либо состоящий из одной латинской литеры «Р» в орнаментальной раме, либо в виде двух переплетенных «РР», но уже без орнаментики.

Павел мечтал увековечить свое имя, оставив духовное завещание, по которому предполагалось объединить все императорские библиотеки в единую публичную, но замысел этот не был осуществлен[6]. Впоследствии большая часть этого значительного книжного собрания сгорела при пожаре Зимнего дворца в 1837 году.

При жизни Екатерины II в Зимнем дворце формируются еще две однородные по содержанию библиотеки ее внуков. В книжных шкафах на детских «половинах» во дворце находились преимущественно французские издания. Оба собрания отличались друг от друга лишь вензельными экслибрисами с монограммами: «С.Р.» и «А.Р.» (Константин Павлович и Александр Павлович). Эти знаки были оттиснуты на зеленых медальонах, наклеивавшихся на верхние части книжных переплетов, в нижней части переплета в подобном же медальоне был изображен в обеих коллекциях государственный российский герб, украшенный цепью и орденом Андрея Первозванного[7].

После смерти Павла I библиотеки его сыновей пополняются новыми изданиями. «Каменный дом мой, — читаем духовное завещание императора, составленное 4 января 1788 года, — что в Луговой-Миллионной с большой библиотекаю и инструментами в оном находящимися, отдаю сыну моему Константину»[8]. Константину Павловичу, таким образом, перешла превосходная, в 36 тысяч томов, библиотека барона И. А. Корфа, купленная Екатериной II в подарок десятилетнему сыну еще в 1764 году. В том же документе говорится: «В Зимнем дворце находящуюся библиотеку мою отдаю сыну моему Александру». В александровскую библиотеку влилась также и личная библиотека Екатерины II, завещанная ею любимому внуку в 1792 году. «Библиотеку мою со всеми манускриптами, — писала императрица, — и что в моих бумагах найдется моею рукою писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также разные мои камения»[9].

Александр, став императором, заказывает себе еще один, теперь уже традиционный книжный знак с изображением на нем российского герба — двуглавого орла со щитком на груди с литерой «А».

При Александре I за границей в большом количестве приобретаются книги и рукописи через книгопродавцев и поставщиков двора. В 1814 году император присоединяет свою библиотеку к Иностранной музейной эрмитажной и заботится о временном ее размещении в Шепелевском доме, в строении, располагавшемся в ту пору между дворцом и музеем[10].

4 августа 1837 года к императорской эрмитажной иностранной библиотеке присоединяется еще одна — личная библиотека Павла I. 17 июня того же года библиотекарю Келлеру поручается принять ее, составить каталог и хранить ключи от комнат, где она хранится, до тех пор «пока, — как говорится в документе, — окончание производимых ныне в Эрмитажной библиотеке перестроек представит возможность перенести ее в сию последнюю»[11]. Летом 1837 года в стенах Зимнего дворца собирается огромное собрание уникальных книг Екатерины II, Павла I и Александра I. Пожар, случившийся в тот год во дворце, нанес ему огромный ущерб. Более всего пострадали книги Александра I и Павла I.

Создавая во дворце собственную библиотеку, новый император Николай I объединил личное собрание книг с музейным, обогатив его рукописями из архивов загородных музеев. Одновременно фонды Аничкова, Елагина, Царскосельского и Гатчинского дворцов пополнялись обязательными экземплярами отечественных изданий. Ежегодно десятки тысяч рублей тратились на покупку книг за границей. Для того чтобы представить объем поступающих в царский Петербург изданий, достаточно упомянуть о том, что каждый год за переплетные работы во дворце из царской казны выплачивалось более полутора тысяч рублей. А переплет среднего формата в то время обходился заказчикам всего в 46 копеек[12].

Спустя десять лет благодаря перенасыщенности собственных библиотек происходит обратный процесс — сотни книг возвращаются из царских коллекций в музейное эрмитажное книгохранилище.

Помимо книг и журналов в николаевских библиотеках хранилось немало альбомов с рисунками и гравюрами. Среди них — гравированные листы, исполненные самим императором, с изображением обмундирования гвардейских полков. Николай Павлович был неплохим рисовальщиком и брал уроки мастерства у выдающегося русского гравера Н. И. Уткина.

Книжный знак самого Николая I почти идентичен экслибрису Александра I: российский герб с той лишь разницей в его начертании, что на нагрудном щитке последнего был изображен Георгий Победоносец.

Библиотека императрицы Александры Федоровны состояла почти из десяти тысяч томов. В ней были представлены романы на французском и немецком языках, книги о путешествиях, издания о живописи 1850—1860 годов. В 1862 году ее сыновья Николай и Михаил передали это собрание в московский Румянцевский музей, где оно и хранилось некоторое время в особо отведенной для него комнате[13].

Библиотека императора Александра II, как и предыдущие собственные собрания, состояла из ряда книжных коллекций. Помимо изданий по истории, военному делу, географии, архитектуре, альбомов с эстампами, акварелями и рисунками униформ, к ней в 1855 году присоединилась так называемая «секретная» николаевская библиотека, через год его же «военная» библиотека, а спустя десятилетие — коллекция книг бабки Александра II Марии Федоровны[14].

Его знак — четырехугольная гравюра с вырезанными углами и вензелем «А.Н.», как бы парящим в облаках под лучезарной императорской короной, окруженной сиянием.

В 1861 году происходит окончательное отделение эрмитажной музейной библиотеки от книжных со-

браний царской фамилии. С этого момента при собственных библиотеках появляется должность библиотекаря.

В 1880-е годы происходит относительное упорядочение книжного дворцового фонда. Это подтверждает записка советника придворной конторы, библиотекаря А. И. Гримма, составленная им в 1881 году. В первом пункте этого документа, озаглавленного «Наименование библиотек и их состав», приводится анализ фонда собственной библиотеки Зимнего дворца, принадлежавшей теперь новому императору Александру III. В нее входили издания по военному делу на русском и иностранных языках, собрания карт, планов, чертежей, медалей, а также коллекция изображений униформ обмундирования русской армии и флота. Кроме того, здесь находились разного рода альбомы с видами городов, дворцов и парков, портреты, а также архивные материалы, отчеты министерств и ведомств, нумизматическое собрание[15].

На протяжении 1880-х годов эта библиотека интенсивно пополняется иностранными и отечественными изданиями. Ее экслибрис достаточно традиционен: гравированный на меди вензель «А.А.», как бы парящий в облаках, увенчанный короной и окруженный сиянием. Существовал также штемпель для маркировки журналов с вензелем «А III».

Год восшествия на престол Николая II знаменуется значительными переменами в устройстве и упорядочении всех собственных и личных книжных собраний. Сохранились документы, в которых приводится статистика приобретения книг в 1895 году для семьи императора. Так, например, в магазине Вольфа было куплено книг и прочих изданий на сумму 533 рубля 80 копеек, у Риккера — на 106 рублей 40 копеек, у Шмицдорфа — на 141 рубль 35 копеек, в магазине эстампов Бегтрова — на 237 рублей 85 копеек, а акварелей и гравюр у Фельтена на сумму 1824 рубля 10 копеек. Кроме того, за тот же период на подписку русских и иностранных журналов казна израсходовала 912 рублей 52 копейки[16].

Однако книжные собрания Николая II и его семьи формировались не вполне целенаправленно. Наряду с изданиями художественного, нравственного, исторического и философского содержания, в нее входили книги по медицине, разного рода справочники, а также альбомы по искусству, путеводители по городам мира, обширная коллекция беллетристики на европейских языках. Помимо периодики, разного рода ведомственных и правительственных изданий, во дворец поступали календари, сонники, религиозная литература и пр.

В 1896 году билиотекари Р. А. Гримм и В. В. Щеглов подготовили записку о состоянии собственных библиотек на момент коронования Николая II. В ней сообщалось о том, что «хотя замечается преобладающее количество беллетристических сочинений и французских романов 1840-х и последующих годов, но при более тщательном знакомстве с книгами этой библиотеки открываются сокрытые в них сокровища»[17]. В декабре месяце, когда были составлены передаточные описи, состоялась передача и прием книг, находившихся до той поры в Аничковом, Гатчинском и Петергофском дворцах, вместе с картинами «составлявших собою библиотеку государя императора наследника цесаревича, ныне благополучно царствующего государя императора, для помещения во вновь устроенной библиотеке его императорского величества комнатах Зимнего дворца»[18].

Помимо этой новой, во дворце находилась так называемая «старая» мемориальная библиотека Александра II, в которую входил обширный военный отдел с эскизами униформ, собственноручно исполненными великими князьями Николаем Павловичем, Александром Николаевичем и Михаилом Павловичем. Здесь же размещался и т. н. «рукописный» отдел, в котором хранились мемуары и дворцовая переписка со времен Петра Великого, фотоальбомы Александры Федоровны и Александра II, коллекция монет и медалей, рисунки В. А. Жуковского, собрание гравюр и личные вещи Александра II.

Библиотека Александра III, перевезенная из Аничкова дворца, состояла из старинных и редких духовных изданий, военной литературы, книг по изящной словесности, трудов по истории, детских книг и учебников, а также правительственных изданий и коллекций военных знаков отличия.

Библиотека Царскосельского Александровского дворца содержала книги Александра II и Александра III, всего около одиннадцати тысяч изданий, то есть примерно семнадцать тысяч томов. В число их входили французские романы, книги с пометами Екатерины II, Александры Федоровны, Елизаветы Алексеевны, кроме того, в ней насчитывалось около тысячи исторических и географических русских книг. Встречались здесь и отдельные раритеты из коллекций Павла I, Александра I, Елизаветы Алексеевны и Александры Федоровны.

Гатчинская библиотека хранила русские и иностранные журналы, а также альбомы с акварелями, рисунками и гравюрами[19].

Вобрав в себя столь обширные коллекции из дворцов, зимнедворская царская библиотека продолжала пополняться новыми изданиями и, конечно, не могла разместиться в тридцати восьми шкафах только что специально выстроенной прекрасной библиотеки в жилых комнатах на «половине» императора.

В 1903 году В. В. Щеглов адресует в Канцелярию двора Записку. В ней он пишет: «В последнее время за неимением свободного места в собственных библиотеках, вновь поступающие книги, художественные издания, альбомы, медали и тому подобное размещалось по старейшим библиотекам, а именно библиотекам императора Николая I, Александра II, Александра III и других, чем нарушался не только определенный характер оных, но и обезличивалось новое книгохранилище».

Вместе с библиотекой Николая II создавались во дворце библиотеки других членов царской семьи. Уже в апреле 1896 года Александра Федоровна через своего управляющего «высочайше повелевает» поручить заведование ее личной библиотекой тому же В. В. Щеглову. Известно, что весьма обширная библиотека

императрицы размещалась в двадцати семи шкафах в двух специальных библиотечных комнатах. Там же находились и небольшие книжные собрания ее дочерей. Специальная коллекция книг цесаревича размещалась в двух шкафах библиотеки Николая II.

Одной из отличительных особенностей любой царской библиотеки было наличие в ней так называемых подносных роскошных изданий, нередко переплетенных в богато украшенные серебром, золотом и драгоценными камнями переплетах. Переплеты специально заказывались первоклассным отечественным и зарубежным мастерам, делались из марокена, атласа, тисненной золотыми узорами тончайшей кожи. Нередко эти подарочные издания на крышках своих переплетов имели бронзовые, глубокого золочения императорские гербы.

Книжные собрания последних представителей дома Романовых, обитавших в Зимнем дворце, снабжены разнообразными и превосходно исполненными экслибрисами. Собранные воедино, они могли бы представить собою уникальную в своем роде коллекцию, выполненную одним мастером — А. Е. Фелькерзамом. Барон А. Е. Фелькерзам не был профессиональным художником, он служил в императорском Эрмитаже хранителем древностей, а в 1914 году недолгое время исполнял обязанности директора этого музея.

Книжный знак Николая II исполнен в двух сюжетах. Первый представляет собою вензель «Н.А.» в виде геометрического переплетения инициалов с другим вензелем «А.Ф.» (инициалы императрицы), увенчанного императорской короной. Знак воспроизводился темно-синей и светло-синей краской[20].

Второй николаевский экслибрис представлял собою российский герб, наложенный на Георгиевский крест со щитком на груди орла и инициалами «Н II». Под гербом — раскрытая книга, на которой вязью кириллицы выведена надпись: «Собственная его величества библиотека Зимнего дворца». Точно такие же знаки предназначались для Ливадийской и Царскосельской библиотек.

Книжный знак Александры Федоровны представлял собою вензель из переплетенных инициалов императрицы, увенчанный императорской короной. Иногда он был заключен в ромбовидное обрамление. Ромбовидными были и книжные знаки великих княжен. Каждый из них нес на себе увенчанный короной вензель инициалов Анастасии, Татьяны, Ольги и Марии.

Из всех императорских экслибрисов, созданных А. Е. Фелькерзамом, наиболее интересен в художественном отношении книжный знак наследника цесаревича Алексея. На нем изображен крылатый серафим, держащий в опущенных руках щит с российским императорским гербом, в центре которого на овальном щитке монограмма «Н II». По окружности, в лучах сияния, исходящего от ангела, вязью кириллицы выведена надпись: «из библиотеки е. и. в. наследника цесаревича и вел. кн. алексея николаевича». В левом нижнем углу знака помещен инициал художника: «Ф».

К 1918 году в Зимнем дворце сосредоточены почти все основные фонды царских собственных библиотек. Судьба их до сих пор мало изучена, однако сохранился ряд документов, проливающих определенный свет на дальнейшую историю их бытования. В приказе комиссара Петроградского отделения Комиссариата имуществ республики, датированном 1918 годом, поручается присоединить к библиотекам бывшего императора: «1. библиотеку б. императрицы Александры Федоровны, 2. собрание книг, принадлежавших дочерям б. императора, 3. два шкафа с книгами и разными предметами (подношениями), принадлежавшими б. наследнику цесаревичу, а также три книги инвентарей Александры Федоровны, инвентарь цесаревича, две папки со списками книг и планами и коробки с карточками»[21].

В том же году Художественно-историческая комиссия, существовавшая при Зимнем дворце, поручает заведующему собственными библиотеками В. В. Гельмерсену присоединить к зимнедворским и библиотеку Аничкова дворца[22].

В первые годы советской власти создавались описи этого уникального книжного собрания для дальнейшего его хранения и рационального распределения по учреждениям[23]. Только в Библиотеку им. В. И. Ленина, например, в 1930 году было передано 546 названий объемом в 918 томов собственных библиотек Александра II, Александра III, Николая II, Марии Федоровны и Александры Федоровны[24].

Большая часть библиотеки последнего русского царя и его семьи продана за границу через Антиквариат[25].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Exlibris — из книг (*лат.*) — художественно исполненный знак, ярлык или виньетка с именем владельца. Наклеивался иа внутреннюю сторону переплета или обложки, а также на форзац книги.
2. Эрмитаж. История и архитектура здаиий. Л., 1974. С. 75.
3. Порошин С. Семена Порошина записки, служившие к истории его им. величества... цесаревича и вел. кн. Павла Петровича... СПб., 1844. С. 252.
4. Мухин С. А. Судьба одной библиотеки. Л., 1929. С. 23.
5. Там же.
6. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. I. Кн. I. Киев, 1892. С. 783.
7. Мухин С. А. Указ. соч. С. 26.
8. «Вестник Европы». 1867. Т. I. С. 312.
9. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 790.
10. АГЭ. Ф. I. Оп. I. 1814. Д. 4—5. Л. 8.
11. Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы. Краткий исторический очерк. 1715—1915 гг. Пг., 1917.
12. Щеглов В. В. Указ. соч. С. 51.
13. Богачев Н. Описи русских библиотек. СПб., 1890. С. 45.
14. Щеглов В. В. Указ. соч. С. 54.
15. Там же. С. 61.
16. АГЭ. Ф. II. Оп. XIV А. 1896. Д. 6. Л. 14.
17. Там же. Л. 6.
18. Там же. Л. 8
19. Там же. Л. 14.
20. Studemeister M. Bookplates and the ownes in imperial Russia. Tenafly, 1991. P. 205. Прим. № 16.
21. АГЭ. Ф. II. Оп. XIV А. 1918. Д. 1. Л. 1.
22. Там же. Л. 4.
23. См. об этом подробнее в ст.: В. И. Федорова. Зимнедворские библиотеки//«Solanus». New Series. vd. 5, 1991. С. 48.
24. АГЭ. Ф. I. Оп. V. 1929/1930. Д. 13. Л. 5.
25. Серебренников Е. Книги русских императоров в Библиотеке Конгресса//«Новое русское слово».

ВАДИМ САПОВ

ЦАРЬ И ФИЛОСОФ

ДЛЯ ОДНИХ ЧААДАЕВ — «ГЕНИАЛЬНЫЙ ПРОРОК», ДЛЯ ДРУГИХ — «НЕТ БОЛЬШЕГО САМОЗВАНЦА В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ».

По отношению России к Петру Яковлевичу Чаадаеву можно судить о состоянии самой России. Дыхание свободы — хотя бы легчайшее — всегда приносило с собой повышенный интерес к опальному автору «Философических писем».

Вот и за последние семь лет сочинения и письма мыслителя выходили отдельным изданием шесть раз(!).

Чаадаева стали часто цитировать. Довольно скоро обозначились два лагеря интерпретаторов. Для одних Чаадаев — «гениальный пророк», для других — «нет большего самозванца в истории русской мысли»[1].

Несомненно одно — он открыл нечто, что всегда будет привлекать и завораживать пытливый русский ум.

Чаадаева, к сожалению, очень рано стали подвергать «цитатному разбору». Ф. М. Достоевский как-то написал: «*Чаадаев смело, а подчас и слепо... негодовал на многое наше родное и, по-видимому, презирал все русское*». «*Гадкая статья Чаадаева*», — обронил он в другой раз. И наконец: «*Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре?*».

Ошибочно думать, что здесь в лице Достоевского и Чаадаева столкнулись два противоположных мировоззрения: один якобы патриот, а другой — «презирал все русское». Достаточно прочитать любую биографию Чаадаева, чтобы убедиться, что патриотом он был уж во всяком случае не меньшим, чем Достоевский. Нет, здесь по странному в России недоразумению столкнулись художник и мыслитель и — не узнали друг друга. А Чаадаев больше всего хотел научить русских людей мыслить — т. е. думать систематически (sine ira et studio). Что из этого получилось — известно. Едва ли не больше всех оскорбился сам император Николай Павлович. «*Прочитав статью*, — начертал он свою бессмертную резолюцию по поводу первого «Философического письма», — *нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного*».

Обычно эту резолюцию выдавали за образчик солдафонской тупости. Из всех крупных русских мыслителей добрые слова о Николае I нашлись, кажется, только у В. С. Соловьева[2]. Все остальные (за редким исключением) рассматривают императора сквозь герценовское: «*Да будет проклято царствование Николая во веки веков, аминь!*».

Вовсе не ради апологии Николая I и тем более самодержавия (которое ведь в конце концов отдало-таки Россию на растерзание большевикам), а исключительно во имя исторической истины от этого трафарета следует отрешиться.

Чем же так взволновало и возмутило Николая Павловича «Философическое письмо»? В литературе о Чаадаеве уже отмечалось, что в «Философическом письме» подвергнуты критике два крайних члена знаменитой уваровской формулы «православие, самодержавие, народность».

Напомним, что свою теорию «охранительных начал» Сергей Семенович Уваров выдвинул в конце 1832 года. С «самодержавием» и «православием» все было понятно. Хуже обстояло дело с «народностью». Внутреннюю противоречивость этого начала чувствовал, повидимому, и сам автор «триады». «*Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие*, — писал он. — *Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях...* (NB: «православие» и «самодержавие» — требуют. — *В. С.) Довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию*».

Постараемся перевести эту запутанную тираду на язык рациональных понятий: существующая в России власть является наиболее адекватным воплощением народного духа. Именно так и понимал дело Николай I.

«Истину» «Философского письма» Николай I прекрасно понял. Может быть, даже больше, чем кто-либо из многочисленных критиков рангом пониже. В работе Чаадаева подспудно содержалось разоблачение тайны царствования Николая I. «Мы продолжаем дело Петра Великого», — говорил он Кюстину. Это была неправда. Царствование Николая было изменой делу Петра I, и император понял, что Чаадаев это знает. Николай I демонстративно отказался учиться чему-либо у Запада и именно по этой причине, кажется, первым пустил в оборот миф о «гниении» Запада.

«Философическое письмо» Чаадаева, по сути дела, было адресовано не «á une dame», а лично ему — императору. Конечно, философ во многом сгустил краски, в некоторых деталях и вовсе был не прав, но основная политическая идея его писем несомненно была истинной: России обеспечено прогрессивное развитие лишь в той степени, в какой она будет продолжать реформы Петра I.

К чести Николая I надо сказать, что из «телескопской истории» он не сделал политического дела. Цензор и редактор были наказаны в административном порядке, Чаадаев же — как это ни кощунственно, быть может, прозвучит — вообще легко отделался. Следственным органам ничего не стоило поднять архивы и установить его еще давнишние связи с декабристами (И. Д. Якушкиным, Н. И. Тургеневым и др.) и по тогдашней «58-й» статье загнать его «во глубину сибирских руд».

...Чаадаев, видимо, не сразу понял, какую злую шутку сыграл с ним российский император. Лишь после официального объявления его сумасшедшим он понял: «земная твердость бытия моего поколеблена навеки», «ибо сказать человеку «ты с ума сошел» немудрено, но как сказать ему: «ты теперь в полном разуме?» (из письма к брату, февраль 1837). Эти слова Чаадаеву действительно сказать «забыли».

Запамятовали, видимо, и о его «дерзостной бессмыслице»: много лет спустя Чаадаев обратился к графу А. Ф. Орлову, бывшему в ту пору шефом III отделения, с вопросом: «*Угодно ли будет государю, чтобы он (Чаадаев) посетил Петербург*». (Между прочим, посещать Петербург ему никто не запрещал.) «*Почему же нет*, — отвечал граф Орлов. — *Ты там что-то против папы написал — да про то давно забыли; а в самом деле, не стыдно ли тебе, скажи на милость, — уж и старика-то божьего, который никому ничего не делает, никого не трогает, — и того-то ты не мог в покое оставить?*».

Забыл о грехах Чаадаева и сам Николай I. Современник рассказывает, что в молодости великий князь Николай Павлович оказывал Чаадаеву «особое расположение» и звал к себе в гости совершенно запросто, без церемоний: «*Приходите хоть в полицейской фуражке!*».

И вот — последняя встреча...

Незадолго до своей смерти (Николай I умер в 1855, Чаадаев — в 1856 году) император посетил Москву. Здесь, на балу в доме московского генерал-губернатора, они встретились. Чаадаев стоял рядом с графом П. Д. Киселевым. «Государь остановился с Киселевым и начал с ним продолжительную беседу, перед чем, однако же, предварительно с Чаадаевым поздоровался со словами: «*Здравствуй, Чаадаев*» и легким наклонением головы. Чаадаев в это время, разумеется, отступил шага на два, а государь, продолжая разговор с Киселевым, будто как бы в доказательство того, что говорил, несколько раз указывал на него рукой, произнося: «*Да вот, спроси хоть у Чаадаева*».

Странная апелляция к человеку, которого сам же за 17 лет до этого объявил сумасшедшим!

Мы никогда не узнаем, о чем советовал Николай I спросить у Чаадаева. Зато по странной причуде истории мы знаем последнюю мысль Чаадаева, которая почему-то до сих пор не привлекла внимания ни одного историка. Странно, что даже М. О. Гершензон, который особенно возмущался тем, что интеллигенция зачислила Чаадаева «в синодик русского либерализма», прошел мимо этого факта. Барон А. И. Дельвиг (не поэт, а племянник поэта и «водопроводчик»: он спроектировал мытищинский водопровод; был толст, неуклюж и весьма простоват), — так вот этот Дельвиг пишет: «...с воцарением Александра II, когда начали ходить слухи об освобождении крестьян от крепостной зависимости, он <Чаадаев> мне неоднократно говорил, что намерен запереться дома, так что только изредка будет видеться со мною и с самыми близкими ему людьми с тем, чтобы заняться сочинением, в котором он докажет необходимость сохранения в России крепостного права».

Вот тебе и «не хотим царя земного, окромя царя небесного»[3]! Здесь комментатору оставалось бы лишь развести руками, Чаадаев-то, кажется, действительно того: снова «*смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного*». Но, к счастью, сохранилось свидетельство другого современника Чаадаева, более проницательного и не столь наивного, как барон-водопроводчик. «*Нашему времени*, — пишет Д. Н. Свербеев, — *упрекал он* <Чаадаев> *тем, ...что не может еще начаться святое дело освобождения десяти миллионов крестьян без страха потрясений, и потрясений кровавых*».

Если бы современники Чаадаева были более начитанны, они, конечно, без особого труда нашли источник «цитаты». Потому что последняя мысль Чаадаева восходит к знаменитому пророчеству Жозефа де Местра.

Вот что писал де Местр еще в начале прошлого века: «*Эти крепостные, по мере того, как они получат свободу, окажутся между более чем подозрительными учителями и духовенством, бессильным и не пользующимся уважением. В таком положении, очутившись без подготовки, они неотвратимо и сразу перейдут от суеверия к атеизму и от пассивного повиновения к необузданной действенности. Свобода на все эти темпераменты окажет действие пьянящего вина на непривычного к нему человека. Одно уже зрелище этой свободы опьянит тех, кто ею еще не пользовался. Допустите, что при таком состоянии умов является какой-то вышедший из университета Пугачев (а он легко может оказаться налицо, ибо фабрики, изготовляющие таких людей, уже открыты), прибавьте к этому безразличие, неспособность или честолюбие некоторой части дворянства, интриги скверной секты, которая никогда не дремлет и т. д. и т. д., — тогда, по всем правилам вероятности, государство в буквальном смысле сломится, как слишком длинная балка, держащаяся только своими концами*».

Вот что предвидел и чего боялся Чаадаев. Русские цари не хотели и не любили слушать философов. Николаю I приписывают афоризм: «*Польза философии не доказана, а вред — возможен*». Это была трагедия и народа, и царей. В конце концов и те, и другие упали в общую яму.

Теперь, как и тогда, расцветают «ретроспективные утопии». Не надо Запада, не надо нам их «протестантской этики», не надо их порочной цивилизации. Сегодня, правда, Запад уже не гниет, зато он — еще лучше — «идет к обрыву». Нам, стало быть, и делать нечего. Подождем, когда он в этот обрыв свалится, и тогда уж заживем. Попьем водочки, попаримся в бане...

Вот, пожалуй, самая опасная национальная иллюзия России.

Не ждать нам надо, а учиться у Запада и перенимать все лучшее, что выработали европейские народы за свою тоже в общем-то нелегкую историю. Только тогда, когда мы выработаем в себе те идеи «долга, справедливости, права, порядка», об отсутствии которых в русской душе так сокрушался Чаадаев, мы наконец перестанем быть в Европе «стрюцкими» (Ф. М. Достоевский), да и у себя на родине перестанем жить как на постое. Чем больше русский человек становится европейцем, тем в большей степени он становится и русским. Иного, как говорится, не дано. Спроси хоть у Чаадаева...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ульянов Н. И. Басманный философ (мысли о Чаадаеве) // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 75.

2. «*... В Императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшего Его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания*». Памяти Императора Николая I // Соловьев В. С. Собр. соч. СПб., б/г. Т. VI. С. 633—666.

3. Из текста воззвания к крестьянам, сочиненного Чаадаевым в 1848 году.

РОСТИСЛАВ ФАДЕЕВ

НАРОДНОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИИ

Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883) имел устойчивую репутацию «реакционера» и «панслависта». Боевой офицер, герой Кавказской войны, получивший в сорок лет звание генерал-майора, он в 1866 году демонстративно подал в отставку в знак протеста против реформ, предпринятых в армии военным министром Д. А. Милютиным. В дальнейшем он приобрел широкую известность как военный историк и публицист, выступавший с консервативных позиций. Огромное влияние Фадеев оказал на своего племянника — будущего министра финансов С. Ю. Витте.

В 1881 году в Лейпциге ограниченным тиражом была опубликована книга Фадеева «Письма о современном состоянии России. 11-го апреля 1879 — 6-го апреля 1880». Она имела большой успех и в 1881—1882 годах выдержала еще четыре издания на родине. Что же вызвало такой интерес к «Письмам»? Книга вышла в свет в момент острейшего экономического и политического кризиса, поразившего страну после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Катастрофическое расстройство финансов и депрессия в промышленности сопровождались разгулом террора «Народной воли», апогеем которого стало убийство Александра II.

В «Письмах» Фадеев обратился к вечным вопросам, волновавшим русскую общественность. Его отнюдь нельзя причислить к «махровым» консерваторам. В нескольких программных записках, направленных в 1880 году лидеру группировки «просвещенных» бюрократов графу М. Т. Лорис-Меликову, он выдвинул целую программу преобразований для облегчения положения широких слоев населения. Требования Фадеева об отмене подушной подати и соляного акциза, пересмотре паспортного устава, организации переселений крестьян на свободные земли, учреждении всесословной волости и др. применительно к условиям России носили либеральный характер. Но в чисто политической области он мыслил в последовательно славянофильском духе. Это ярко отразилось в «Письмах».

Главную угрозу государственным устоям России Фадеев видел в неспособности верховной власти привлечь для борьбы с «крамолой» на свою сторону «благонамеренные» элементы общества. Порицая непомерно разросшийся и зараженный «нигилизмом» бюрократический аппарат, он ратовал за «народное самодержавие». Роль «опорной силы русского государства» отводилась земству. Оно должно было взять на себя не только функции местного управления, но и обеспечение подлинного «единения царя с народом». При этом, в отличие от либералов, Фадеев считал, что деятельность земств должна строиться только под контролем дворянства, которому надлежало вернуть прежнее значение в государственном строе империи.

Автор «Писем» был горячим поклонником самодержавной формы правления и отвергал возможность «прививки» к российскому «древу» западных политических институтов. Публикуемое VII письмо посвящено рассуждениям Фадеева о европейском конституционализме и его пагубности (с точки зрения автора) для России.

VII ПИСЬМО

В нашей истории не раз выказывалось, можно сказать «чувствуемое» руководство свыше; невольно видится оно и в часе, предназначенном для поворотного события нашей истории, дарования свободы крепостным. В предшествовавшие царствования наше общество руководилось еще чужими, заносными понятиями и не сознавало подлинной личности России. Лучшие русские умы мечтали о том лишь, чтобы перенести к нам европейскую культуру во всей ее полноте, в ее личном как и политическом смысле. Лишь к концу прошлого царствования зародилось сомнение, пригодны ли нам готовые выводы западного образования, не имеем ли мы права на самостоятельное развитие? Лишь к этому времени русский дух пророс вновь сквозь чуждую наслойку воспитательной эпохи. После великого обновления 1861 года наше историческое сознание окрепло, затем высказалось во внешних делах, всегда ранее доступных пониманию, и по естественному закону проникает ныне во внутрь, выделывая постепенно взгляды русского человека на общественные вопросы. Лет сорок тому назад перелом 1861 года, обусловливающий в принципе выход из под опеки петровской эпохи, повлек бы неотразимо мнение общества к западным идеалам, к общему желанию конституции на старо-французский лад (так как в этой форме выразился всего полнее единственно возможным способ применения английских порядков к материку Европы). Теперь не то. Теперь стремление большинства, не вполне сознательное, правда, но искреннее, обращается уже не наружу, а внутрь, к самостоятельному, совсем неподражательному развитию наших почвенных сил. Доказательство на лицо.

Как ни ограничено еще у нас прямое воздействие общества на печать, но тем не менее в массе печатного слова выражается воззрение современной русской мысли соответственно ее распространению. Заключение же серьезных органов печати, — за исключением тех, которые издаются для беспочвенной части петербургского фрачного населения — о формах естественного и желательного для нас государственного устройства, совершенно совпадают с вышесказанным. Наша печать не может открыто высказываться о подобных вопросах, чем чрезвычайно затрудняется ее задача и чрезмерно перепутываются понятия читателей; но общий взгляд лучшей ее части тем не менее ясен и может быть выражен следующим образом.

Все европейские конституции кроме английской — ложь, ведущая только к растрате общественных сил в бесплодной борьбе; английская же конституция, как произведение особых вековых условий, не поддается пересадке на иную почву. По непреложному закону человеческих обществ верховная власть может быть только одноличной и всегда бывает такою в лице монарха, диктатора или ловкого вожака мнения; ясно, стало быть, что первое благо для народа — наследственная власть, избавленная от ежедневной заботы о своем охранении, а потому свободная и чистосердечная в отношении к народу. Принцип разделения властей в государстве — неосуществимая мечта, так как одна только исполнительная власть, распоряжающаяся войском, полицией, выбором начальствующих лиц и расходованием денег, есть власть действительная; она соглашает свои действия в конституционном государстве с большинством представительного собрания, как в самодержавном делает уступки напору мнения, выражающегося иным способом; но эта разница не изменяет существенным образом ни ее природы, ни даже свойства ее отношений к подданным.

Представительные собрания неспособны к прямому вмешательству в управление, как доказано всемирным опытом. У них нет и не может быть основных, твердо установленных воззрений во внутренней и внешней политике, охраняющих единство исторических целей народа. Кроме того, всякому сборищу людей недостает именно краеугольного камня, на котором зиждется исторический мир: личной совести и чувства нравственной ответственности, говорящих лицу а не толпе; а где отсутствует личная совесть, там нет уже ни белого, ни черного, нет нравственной основы, без которой никакое современное христианское общество не может избежать беспрерывных судорог и окончательного растления. По этой последней причине, еще более чем по всем прочим, верховная власть, не мыслимая без сознания долга, может быть только одноличной и полномочной в своем круге действия. За представительными собраниями признается важная способность другого рода, способность к надзору за законностию действий орудий власти, к поверке бюджетного плана в отношении итога и источников государственных налогов, к выражению перед властью назревших мнений и потребностей страны. По заключению всех оттенков русской мысли без этих трех условий всякое правительство будет ходить во мраке, в такой же степени как и народное сознание, вследствие чего между ними возникнет постоянное непонимание, не могущее привести ни к чему доброму.

Эти основные понятия действительно выражаются лучшими по качеству органами русской печати.

Применение теоретических положений к нашему общественному делу довольно затруднительно для печати; но господствующее мнение выражается достаточно ясно тем коренным началом, что в политическом устройстве нельзя ничего основать на лжи, что всякая узаконенная ложь есть величайшее бедствие для народа, а потому для обеспечения стране прочного будущего можно признавать права только действительных, явных сил общества, а не мнимых; силы эти даются историей и не сочиняются людскою волею. Признание самостоятельных прав за общественными группами, не имеющими самостоятельного значения, способно отравить всю будущность народа, заменяя правду в отношениях между людьми фальшью и призраками, вызывая неизбежно насилие и нарушение закона, так как господствующая сила не может, если б даже чистосердечно захотела в начале, долго уступать призраку силы; такое искусственное подчинение сильного слабому противоречит природе человека и общества. В отношении к России применение стало быть ясно. У нас нет организованных общественных групп, нет влиятельных сословий. Люди образованных и имущественных слоев не стоят у нас в голове народа, едва ли даже считающего их вполне русскими. Народ верит в царскую власть и никогда не допустил бы притязаний верхнего слоя, нравственно ему почти чуждого, на какое либо политически-самобытно положение вопреки власти, что слишком хорошо всем известно. Вследствие того русское образованное общество, имеющее несомненно великое призвание для деятельности во имя верховной власти, не может равно ничего в свое собственное имя. Но монархическая конституция дается исключительно обществу и для общества, для людей переросших уровень толпы, там где сила заключается в них; народные массы не могут извлекать из нее выгоды и всегда остаются к ней совершенно равнодушными. Кто же явился бы в России охранителем новых прав?

С другой стороны, понятна логика английской конституции, венчающей самоуправление каждой общественной ячейки высшим самоуправлением государственным; но при нынешнем складе России нам могла бы быть дана лишь конституция на французский или прусский лад, в силу которой всеми отправлениями народной жизни заведывает полновластное чиновничество под прихотливым надзором представительных собраний. Для осуществления такого образца,

действительно, можно пришить к нашим нынешним учреждениям палату выборных и наружно новая Франция будет готова. Не ясно ли однакож, что именно вследствие непомерности задачи, удержанной за собою французским правительством, вследствие поглощения им в себе всех видов публичной деятельности и власти, с устранением всякого местного самоуправления, всякой ответственности общества за свои действия, вследствие удерживаемой им опеки над частными делами подданных, никакая форма его не может угодить большинству, с него требуют ответа за все, и через самый короткий срок вновь переделанная форма правительства снова становится ненавистной, чем более всего объясняются постоянные французские перевороты. Очевидно, что в таком виде никакое правительство не может дать даже половины того, чего от него требуют. В глазах частного человека, вынужденного проходить через двадцать инстанций для устройства переезда через ручей, пересекающий его землю, как это происходит во Франции, администрация совершенно закрывает правительство; народ переносит на правительство всякую досаду, причиненную ему мелким местным агентом. Когда раз идет речь о преобразованиях, то укоренения ли таких порядков желать нам? Современная русская тяжба возникает не между Царем и народом, как на западе, а между бюрократической опричиной и верною Царю землею. Непроходимая грань между Россией и западно-европейскими странами, недопускающая подражания им если б даже того пожелали, состоит в том именно, что у нас уцелел народ, вопреки которому не может быть предпринято никакой коренной перемены; на западе же народ постоянно отдает нарост своих сил буржуазии и сам остается безличным, с ним не считаются. Парламентаризм составляет лекарство, наименее подходящее к современному русскому недугу. Какой парламентаризм сверху может распутать хаос наших домашних местных дел, поставить русского человека хозяином своего угла, в чем заключается наша главная современная задача? Нам нужна жизнь, а не ученый механизм. Конституция не исправляет недостатков обычного народного строя, она есть ни что иное как оборонительная мера большинства против власти, утратившей его доверие; у нас же громадное большинство доверяет одной верховной власти. Против кого же конституция и со стороны кого? Даже теперь, при нынешней безгласности, ощутительно уже мнение большинства о несогласимости западных начал с нашею народною жизнию, о бесплодности попытки — слить конституционные формы, желательные и в Европе одним культурным сословиям, с высшим началом всесословного и земского Царя, обусловливающим развитие совсем иного порядка. Нас может вылечить только историческая власть, стряхнувшая с себя отжившие предания, как сделал Петр великий. Не избавившись дарованием конституции ни от одной из разъедающих нас язв, правительство, во первых, лишило бы себя даже свободы действий к уврачеванию их, вооружив политическими правами людей, наиболее заинтересованных в охранении отживших форм; во вторых, представило бы свету зрелище по истине потешное: преимущественно своих собственных чиновников в качестве представителей народа, не знающего и не хотящего их знать, но тем не менее беззастенчиво наступающих на власть, вследствие разрешения данного властию же.

Очень естественно, что конституция на французский образец составляет мечту значительной части русского чиновничества, вместе с денежной жидовщиной и той частию печати, которую можно также назвать чиновничьею. Даже люди, злоупотребляющие властью для личной выгоды, желают того же, отлично понимая, что сочиненная конституция, спутывая еще более непроглядность наших домашних дел, нисколько не помешала бы их оборотам. Понятно как было бы лестно, удобно и выгодно всякому крупному чиновнику засесть в палате представителей, укрепить свое служебное положение политическим и действовать обеими руками — на управляемых в качестве агента власти, на власть — в качестве избранника управляемых. Но только подобное нововведение (если б даже оно могло найти для себя опорные точки, которых в действительности не существует), на первых порах довольно невинное, привело бы со временем к растлению коренных русских начал, которыми все у нас держится, отучая народ видеть в чем либо прямое проявление царской воли, и не имея взамен ее обаяния равно ничего, даже в будущем; привело бы также к явной розне культурного слоя с народом, уживающихся ныне под общим покровом верховной власти, но ничем иным между собой не связанных; к розне, от которой не далеко уже до всяких потрясений, чего наши любители конституции в своей слепоте не предвидят. Существующее же ныне недовольство общею обстановкою было бы рассеяно новизной конституции разве на несколько месяцев, так как самая обстановка, вызывающая недовольство, осталась бы неприкосновенной. Так было бы в случае, если б подражательный русский парламент имел время обнаружить свои последствия; в действительности же, по всей вероятности произошло бы иное. Зная среду, из которой он был бы преимущественно набран, можно не сомневаться, что этот парламент, вызванный к бытию единой властью и никем иным, серьезно вообразил бы себя представителем народа и стал бы действовать соответственно такой уверенности. Власть, сознающая свое всемогущество и не привыкшая к снисхождению постепенно, не выдержала бы и прекратила это зрелище (действительно зрелище) гораздо ранее срока, к удовольствию низших и большей половины высших сословий. Произвольно присочиненная к нашей истории попытка закрыла бы на долго путь к развитию, действительно осуществимому и плодотворному.

Нельзя наконец не видеть, что никакое окончательное решение, обусловливающее на долгий срок общественное устройство, невозможно еще в современной России, по крайней мере в нынешнем столетии. Мы не знаем покуда в точности ни своих сил, ни почвы, на которой стоим. Изо всех последних преобразований, выработанных официальной средой, вышло на деле совсем не то чего от них ждали; можно думать, что окончательное произведение этой среды оказалось бы не более удачным чем предшествующие частные. Предрешать невозвратно вопросы будущего при таком состоянии неведения даже настоящего, значило бы не устроивать это будущее, а добровольно его подкапывать. России нужно покуда не окончательное решение, а достаточный простор общественной деятельности и достаточное сближение ее с властью, для того чтобы назревающие потребности могли свободно облекаться, одна за другой, соответствующими им формами, выдерживая поверку опыта и дополняя себя взаимно, пока из них сложится постепенно нечто целое. Нам нужны учреждения, выработанные жизнью, а не измышленные канцеляриями.

В общем выводе несомненно что у нас мечтают о конституции и парламентаризме одни беспочвенные люди (правда их много), принимающие, именно вследствие беспочвенности, свой единомышленный кружок за Россию.

Но если сочиненная конституция не могла бы повести Россию ни к чему доброму, то из этого не следует чтобы можно было длить нынешнее тягостное состояние — последствие и продолжение слишком долгого стеснения русской жизни. Такое положение дел, при котором нельзя найти во всем государстве ни одного довольного человека (что не подлежит сомнению), при котором даже официальные люди, пользующиеся самым беззастенчивым образом неурядицей для своих личных выгод, не стесняются выражать недовольство громче и резче чем самые жертвы неурядицы; при котором образованное общество и простой народ за одно чувствуют неудобство своей обстановки — такое положение становится нравственно невозможным, независимо даже от способов, которыми недовольство могло бы выразиться. Когда открытых путей для него не существует, то оно выказывается в виде снисхождения к презираемому нигилизму, потому только что он, восставая против всего на свете, восстает между прочим и против наших нынешних порядков. Никакое человеческое общество не может долго выдерживать поголовного недовольства, во всяком случае не беспричинного. Путь к исходу из этого положения, дух, связь, размеры и формы желаемого простора, все эти вопросы конечно ставятся только покуда, разрешения их ожидают всецело от власти; но ставятся они открыто и всеми.

Фото Алексея Утробина

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

«ЛЮДИ ВПРАВЕ ЗНАТЬ ВСЕ...»

Начальник архивного управления МБ России генерал А.А.Краюшкин отвечает на вопросы журнала «Родина»

— Анатолий Афанасьевич, что же такое архивы КГБ?

— Архивы КГБ (ныне Министерство безопасности России) это по своей сути ведомственный архив, документальные материалы которого отражают практически весь спектр и специфику деятельности отечественных спецслужб, и прежде всего контрразведки, на всех этапах, со всеми перипетиями нашей истории начиная с 1917 года. Может быть, определенным своеобразием организации и функционирования архивов органов безопасности является то, что наряду с Центральным архивом Министерства и его несколькими филиалами в каждом республиканском министерстве, краевом и областном управлениях имеются свои архивохранилища. Однако вся эта система архивов есть не что иное, как ведомственный архив с единой централизованной системой управления и общими правилами построения и деятельности, соответствующими национальному законодательству, теории и практике архивного дела в нашей стране.

Кроме того, существовавшая в прошлом закрытость ВЧК—КГБ нашла свое воплощение в том, что архивные материалы органов безопасности, в немалой степени являющиеся национальным достоянием, никогда не покидали ведомственных полок и архивохранилищ, за исключением лишь отдельных документов. Поэтому в последние годы сделано и делается многое для того, чтобы работа архивов спецслужб строилась в соответствии с современными федеральными законами.

— Какова структура ваших архивов?

— Во многом она аналогична правилам комплектования государственных архивов и состоит из ряда самостоятельных фондов, образованных по структурно-функциональному принципу, а также по видам документов. Назову лишь самые основные фонды. Это прежде всего ведомственные приказы, указания, инструкции, регулировавшие ранее или регламентирующие в настоящее время различные стороны деятельности органов безопасности.

Другой фонд представляет из себя переписку с центральными министерствами, ведомствами и организациями по вопросам, напрямую входящим (входившим) в компетенцию спецслужбы или затрагивающим интересы безопасности государства. Львиную долю таких материалов составляют докладные и информационные записки в ЦК КПСС, охватывающие весь спектр жизни и деятельности страны — внешнюю и внутреннюю политику, идеологию, национальные проблемы, экономику и оборону, науку, культуру, религию, общественные процессы и, конечно же, все принципиальные, а также более или менее важные моменты организации и работы органов ВЧК—КГБ. Здесь же, как бы отдельной группой, хранятся ежегодные отчеты управлений и самостоятельных отделов центрального аппарата ВЧК—КГБ о результатах их деятельности.

Далее — статистическая отчетность, финансовая и хозяйственная документация, личные дела бывших сотрудников.

Очень большой массив образуют уголовные дела, которые в связи с проводимой правоохранительными органами работой по реабилитации жертв политических репрессий пересматриваются. Свыше 700 тысяч таких дел были пересмотрены во время хрущевской «оттепели», а также в незначительной степени и сугубо в индивидуальном порядке во второй половине 60-х и в 70-х годах. Современные демократические преобразования многократно ускорили, расширили и углубили процесс восстановления справедливости в отношении всех безвинно репрессированных людей и исторической правды.

Кроме вышеперечисленных фондов, в наших архивах имеются так называемые фильтрационные материалы (дела на граждан, прошедших проверку по возвращении из плена или из Германии после окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.), учетные дела на немецких военнопленных и граждан других государств, воевавших в фашистской армии или на ее стороне, и немного трофейных материалов.

Разумеется, ни один архив спецслужбы, отечественной или зарубежной, не обходится без сугубо оперативной части, т. е. оперативных дел, содержащих документацию на конкретных граждан, проверявшихся такими органами в связи с их антигосударственной, преступной деятельностью либо подозревавшихся в проведении таковой. Естественно, говоря об этом применительно к отечественной истории, я просто должен сделать оговорку о том, что понятие антигосударственной деятельности в прошлом, как известно, было существенно деформировано. И это нашло наглядное преломление в содержании и характере архивных материалов тех даже относительно недавних лет.

Нередко сталкиваешься с мнением, что спецхраны насчитывают миллионы досье на российских и иностранных граждан, что если не каждый человек, то уж, по крайней мере, через одного наверняка находился «под бдительным оком» отечественных детективов. Если отбросить случаи, когда подобные утверждения пускаются в ход из политических, конъюнктурных соображений, то обычно приходится иметь дело просто с искаженным представлением. Хотя справедливости ради надо отметить, что, учитывая трагические реалии послеоктябрьского периода, для такого рода суждений есть основания. Тем не менее объективно обстоятельства складывались так, что в первые послереволюционные годы ЧК крайне редко прибегала к скрытым методам проверки. Как правило, использовались аресты, засады, захваты, допросы и т. п. И все это концентрировалось чаще в материалах уголовных дел.

В годы сталинского произвола и массовых политических репрессий, как вы понимаете, необходимость в какой-нибудь проверке данных практически вообще не существовала (за исключением редких иностранцев, дипломатов и разведчиков). Нужные показания выжимались, выбивались и просто фабриковались. И опять-таки лавиной текли в архивы «отработанные» уголовные дела.

Для 60—90-х годов действительно стала характерной проверка полученных контрразведкой (в том числе известными пятыми подразделениями, охотившимися за инакомыслящими) данных относительно конкретных граждан. А потому в архивы КГБ стали регулярно поступать и оперативные дела. Но далеко не все они сохранились до наших дней. Ибо, согласно действовавшим в то время ведомственным инструкциям, часть дел уничтожалась самими оперативными подразделениями без сдачи в архив по причине неподтверждения сведений, послуживших основанием для заведения дела. Для какой-то части дел определялись ограниченные сроки хранения в архиве (5—10—15 лет), в зависимости от чисто субъективной оценки сотрудниками возможного возникновения необходимости в этих материалах. Очень небольшая доля дел сохранялась до достижения проверявшимися гражданами преклонного возраста. Исключением были дела, материалы которых относили к категории представляющих историческую, научную или оперативную ценность. Такие дела надлежало хранить постоянно, но их было немного.

Поэтому многомиллионного наследия в виде «досье» скопиться никак не могло. К тому же после отмены ст. 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190[1] (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) Уголовного кодекса оперативные дела, заведенные по подобным признакам, были почти полностью уничтожены.

— У вас хранятся документы только по советскому периоду?

— Материалы, касающиеся дореволюционной эпохи, по линии разведки, жандармерии и полиции, сосредоточены в отечественных исторических государственных архивах. Те отдельные документы или комплексы документов, которые в силу каких-то особых обстоятельств оказались в спецхранах безопасности, переданы или передаются в соответствующие госархивы.

Например, в этом году Центральный архив МБ РФ передал в Росархив остатки некогда хранившихся в запасниках материалов по царской семье, в частности о пребывании Н. Романова, членов семьи и обслуги в г. Тобольске и об их переезде в Екатеринбург. Сейчас готовы к передаче архивные документы, свидетельствующие об организации празднования на Руси 300-летия дома Романовых, обеспечении охраны царской особы во время поездок по стране. Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II вручено несколько тысяч документов, принадлежавших русской православной церкви. Нашло свою постоянную прописку в музее Ф. Шаляпина письмо великого певца, а в доме-музее М. Шолохова в станице Вешенской теперь имеются четыре письма писателя к другу дипломату Астахову, рассказывающих о работе над романом «Тихий Дон».

Немало рукописных экземпляров произведений репрессированных деятелей литературы передано в Российский государственный архив литературы и искусства. Например, обнаружили у себя целую папку неопубликованных стихов и поэм Николая Клюева, «Технический роман» Андрея Платонова, письма П. Флоренского и другие.

— Кто определяет, в какой архив что возвращать?

— Росархив в лице его руководства, с которым мы советуемся по многим вопросам работы наших архивов, пользуемся его научно-методическими рекомендациями.

— Известно, что он претендует на значительную часть ваших архивов.

— Я бы ответил так... Наша общественность, историки, исследователи, публицисты вправе знать все о людях, событиях и фактах прошлых десятилетий, которые до недавних пор от них необоснованно и с политическим умыслом тщательно скрывали. А архивисты, в том числе и работающие в спецхранах, должны в максимально возможной степени не просто содействовать восстановлению исторической правды, а ставить эту задачу во главу своей деятельности.

И одно из направлений — снятие грифов с архивных документов и устранение ограничений в доступе к ним граждан, а также в передаче исторически ценных, значимых материалов из ведомственных хранилищ в государственные архивы.

Именно на это нацелен Указ Президента РФ, подписанный после известных событий августа 1991 года. Вопросами, связанными с его практической реализацией, занимается парламентская комиссия (под председательством Д. А. Волкогонова) по передаче архивов КПСС и КГБ на госхранение.

В те республиканские, краевые и областные госархивы, где это позволили возможности, уже переданы следственные дела на реабилитированных жертв политического произвола, фильтрационные и трофейные материалы. Это свыше 700 тысяч дел. Работа эта еще не завершена и будет продолжена. По согласованию с местной администрацией и руководством госархивов в ряде органов безопасности упомянутые выше следственные дела временно остаются в интересах проводимой работы по реабилитации.

Теперь о рассекречивании архивных фондов... Прежде всего должен напомнить, что специальным Указом Президента сняты всякие ограничения в доступе к материалам, связанным с репрессиями в отношении как отдельных граждан, так и групп населения бывшего СССР, целых народов. Возможность ознакомления с содержанием следственных дел на тех, кто подвергся уничтожению или гонениям, предусмотрена законом РФ о реабилитации жертв политических репрессий. Благодаря этим решениям огромный массив архивных дел и документов уже стал достоянием широкой общественности.

Естественно, на этом нельзя «ставить точку». Наоборот, свою задачу мы видим в том, чтобы сделать доступным весь широкий спектр архивных документов органов ВЧК—КГБ, за исключением очень узкой и незначительной части спецфондов, затрагивающей непосредственно специфику деятельности органов безопасности, а также сведений, которые пока еще составляют гостайну или личную тайну (согласно современному российскому законодательству).

Для того чтобы целенаправленно и последовательно решать эту задачу, в самом Министерстве и его республиканских, краевых и областных ор-

ганах образованы специальные комиссии по рассекречиванию архивных материалов. Ими уже сняты ограничительные грифы различной степени с более 700 тысяч дел и документов, что составляет около 65 миллионов архивных листов.

Заканчивается подготовка к рассмотрению в Центральной экспертной комиссии Министерства безопасности практически всех дел и материалов периода ВЧК—ОГПУ. Кроме того, мы намереваемся рассекретить и передать в госархивы около 130 тысяч дел на немецких военнопленных. И это еще не все планы.

— *Рассекреченные материалы вы продолжаете хранить у себя?*

— Как видно из вышесказанного, далеко не все. Цельные комплексы мы передаем и будем передавать. Вместе с тем мы столкнулись с ситуацией, когда документы, утратившие свою секретность, соседствуют с теми, которые сохраняют актуальность, сброшюрованы в одних и тех же делах. Естественно, снимая с ряда материалов из таких дел гриф секретности, мы не можем нарушать целостность самих дел, историческую, тематическую, структурную, авторскую или иную взаимосвязь документов ради того, чтобы переместить их из ведомственных хранилищ в государственные. Ведь главное состоит в том, чтобы рассекреченные архивные материалы стали доступными для всех граждан. Поэтому впервые в практике не только отечественных, но и зарубежных спецслужб мы пошли по пути создания открытых фондов и открытых читальных залов, аналогичных тем, какие имеются в госархивах, и работающих по тем же правилам. Так, рядом с приемной Министерства безопасности на Кузнецком мосту почти готов к открытию общедоступный читальный зал. Сотрудники Центрального архива МБ РФ в настоящее время завершают составление описей, картотек и иных справочных материалов к рассекреченным документам для читального зала.

— *Есть ли какие-нибудь принципиальные препятствия для работы в ваших архивах?*

— Никаких препятствий для того, чтобы ознакомиться с архивными материалами, связанными с политическими репрессиями прошлого, с рассекреченными исторически интересными документами, абсолютно нет. Мы в максимально возможной степени идем навстречу обращениям различных учреждений, организаций, авторских и творческих коллективов, научных исследователей, представителей средств массовой информации и вообще любых граждан, желающих ознакомиться с архивными делами и материалами, составляющими открытые архивные фонды органов безопасности.

Кстати, и это тоже безусловно позитивная примета происходящих в нашем обществе преобразований, для нас нет разницы в том, какой политической ориентации, каких взглядов на те или иные вопросы придерживается человек, пожелавший обратиться к нашим архивам, гражданином какой страны он является, какова его национальная принадлежность. В подтверждение сказанного сотрудники Центрального архива МБ РФ, нашего столичного управления могли бы показать солидное количество обращений иностранных граждан — американцев, итальянцев, немцев, японцев, англичан, французов, австрийцев, финнов, австралийцев, израильтян, поляков, чехов и других. Во всех случаях мы постарались им помочь, потому что исходили прежде всего из нужд и интересов обращающихся к нам людей.

Конечно, при этом мы руководствуемся законодательством (не прикрываемся им, а исполняем его предписания), интересами России, ее безопасности, соблюдением прав других граждан.

В мировой истории, как известно, многие события тесно переплетены друг с другом, хотя и имели место на том или ином континенте, в той или другой стране. И в них нередко определенную роль играли не только советские разведка и контрразведка, но и спецслужбы третьих стран, чьи архивы также сохранили уникальные свидетельства международных потеплений, рецидивов «холодной войны», тайных пружин, которые влияли на те или иные ответственные для судеб народов решения политических и государственных деятелей прошлого, а также много другого, что сегодня крайне важно с точки зрения постижения истины и извлечения полезных уроков из истории человеческого бытия.

Вот почему наша открытость, на мой взгляд, не должна оставаться односторонней. Постижение истины, интересы укрепления доверия между странами и народами требуют адекватных решений и шагов со стороны зарубежных политических деятелей, парламентов, а также руководителей национальных спецслужб. Конечно, большое значение в этом могли бы сыграть общественное мнение, средства массовой информации иностранных государств. Пока же там в этом плане подвижки незначительны, а потому и малозаметны.

Возвращаясь к началу ответа на вопрос, еще одну мысль мне бы хотелось подчеркнуть... Представляется, что не должно быть ни одного ведомства, ни одного должностного лица, чье решение, касающееся общественных интересов и потребностей, прав других граждан, было бы окончательным. И вполне справедливо, что нынешнее российское законодательство предусматривает ответственность чиновников всех рангов и любых ведомств за неправомерный отказ в допуске к информации, в том числе содержащейся в архивных документах.

— *Значит, если вы отказываете, на вас можно подать в суд?*

— Конечно, если неправомерность отказа очевидна или сомнительна. Обжалование может быть как в административном (т. е. вышестоящему должностному лицу), так и в судебном порядке. Я считаю, что это как раз не должно пугать, а напротив, служить тем постоянно действующим фактором, который каждый раз заставлял бы чиновника исходить из интересов, скажем образно, «клиента», строго следовать закону и переступать через субъективные взгляды и эмоции. Относительно спецслужб... Нужно отходить от сознания того, что была некая система, которую не тронь, и все, что в ней решалось, неопровержимо. Мы должны это окончательно переломить в сознании и в образе действия всех сотрудников. Пока же случаи казенного, бюрократического поведения и поверхностного отношения к запросам граждан еще встречаются, причем не только в нашей системе, но и повсеместно. Я часто удивляюсь, насколько живуче у многих чиновников всех уровней очень удобное для них, но безусловное заблуждение в том, что они «пуп земли», когда они не хотят или не могут понять, что прежде всего они в долгу перед теми, кто к ним обращается, а не наоборот, что ради служения другим их и держат на

службе и платят деньги из государственной казны.

— *А как вы реагируете на критику в прессе?*

— Эмоционально. Конечно, она задевает, даже когда полностью объективна. Но всегда стараюсь сделать правильные выводы, устранить недостатки. И нисколько не сомневаюсь в том, что праведная, рациональная критика необходима и полезна.

И не воспринимаю, когда претензии высказываются заведомо необъективно, из конъюнктурных соображений. Пример? Места массовых захоронений жертв политических репрессий в столице и ее окрестностях...

Несколько лет назад, когда мне поручили заниматься вопросами реабилитации, я сразу столкнулся с этой проблемой. Ни у меня, ни у моих коллег не было сомнений в том, что человеческий долг просто обязывает сделать все необходимое, чтобы найти места захоронений жертв произвола, увековечить их память. Естественно, что первым стремлением стало обнаружить нужные документы в архивах КГБ.

И они нашлись. В 1989 году я принес в комиссию по реабилитации при Моссовете материалы так называемого седьмого фонда, которые однозначно свидетельствовали о существовании тайных захоронений безвинно расстрелянных на территориях Яузской больницы, Ваганьковского и Донского кладбищ, а также о кремации части тел в Московском крематории. С тех пор «Вечерняя Москва» стала очень робко и медленно, нередко с ошибками, публиковать списки убиенных, которые готовятся и передаются в эту газету сотрудниками Центрального архива и Московского управления МБ РФ. Почему-то у газеты гораздо больше места находится для пространных самовоспеваний А. А. Мильчакова, нежели для печатания данных о трагических судьбах людей.

Но вернемся к проблеме захоронений. Материалы седьмого фонда, помимо актов с указанием вышеперечисленных мест погребения, содержали огромное количество актов о приведении неправедных приговоров в исполнение, но в них отсутствовали какие-либо иные распоряжения, сопроводительные записки или пометки о месте захоронения людей.

Стало очевидным, что в столице или ее пригородах должны быть и другие тайные кладбища. В первую очередь наши взоры были обращены на территории в районе поселка Бутово и вблизи подмосковного совхоза «Коммунарка», где находились свободные земельные участки, охранявшиеся КГБ. Однако найти в архивных фондах какие-либо документы о предназначении этих территорий не удалось. Тогда появилась надежда получить нужные сведения от оставшихся в живых сотрудников НКВД, имевших отношение к следствию, тюрьмам, приведению приговоров в исполнение. Как только нашим коллегам из Московского управления безопасности удалось получить первые подтверждения, провели дополнительно криминалистический анализ состава почвы на названных земельных участках, который также свидетельствовал о вероятности там людских захоронений. И в 1989 году центральные газеты, радио и телевидение передали официальное сообщение тогдашнего КГБ СССР о существовании мест массового захоронения в Бутово и «Коммунарке». Московское управление КГБ направило на имя мэра Москвы Г. Х. Попова письмо с просьбой придать этим территориям официальный статус мест массового захоронения жертв политических репрессий. Тем не менее до сих пор ни Моссоветом, ни Мособлсоветом такое решение не принято. Хотя за прошедшее время мы нашли дополнительные свидетельства и на их основе направили в эти инстанции соответствующее заключение.

В отсутствие правовых решений можно быть только благодарным руководителю департамента правительства Москвы А. С. Матросову за его конкретную, деловую помощь в установке памятных знаков в местах захоронений.

— *Очень болезненная проблема — утечка документов и копий. Как обстоят дела у вас?*

— В моем управлении каждый сотрудник знает, что торговля документами может рассматриваться только как факт должностного преступления. Я никоим образом не стал бы защищать ни одного из моих сотрудников, замеченных в этом.

Что же касается нашумевших публикаций, зарубежных и отечественных, мы по каждой провели проверку. Ни одного факта утечки из архивов органов безопасности не установлено. То, что публиковалось, было взято из фондов ЦК КПСС, куда регулярно направлялись докладные и информационные записки КГБ.

Еще раз подчеркну: восстанавливая неизвестные страницы истории, нельзя забывать, что и архивные документы, несмотря на многолетнюю давность, могут иногда не только сохранять свою прежнюю конфиденциальность, но и по стечению современных обстоятельств приобретать еще большее значение. Рассекречивая документы, передавая их для публикации, надо всегда помнить и думать об интересах России, ее авторитете, о том, что за каждым документом стоят судьбы конкретных людей.

— *Известно, что на высшем уровне существует своеобразная традиция дарить документы. Как вы к этому относитесь?*

— Мы всегда с уважением относились к запросам как политических, так и общественных деятелей других государств и готовы содействовать им в восстановлении «белых пятен». При этом не было случаев, чтобы речь шла о прямой передаче подлинников, как правило, передавались ксерокопии. Во-вторых, мы никогда не пренебрегали интересами России. Если мы считали, что можем передать копии документов, которые бы способствовали укреплению взаимопонимания, мы на этот шаг шли. Но с полным сознанием дела, с проработкой в министерствах обороны и иностранных дел, правительстве и т. д.

— *Есть ли у вашего управления какие-либо творческие планы?*

— Да. У нас есть подразделение, которое занимается подбором и подготовкой материалов для публикаций. В Министерстве есть Центр общественных связей, вместе с которым мы помогаем редакциям, издательствам, институтам и научным организациям, исследователям в поиске и публикации архивных документов.

Все, что связано с обеспечением гласности, стало одним из приоритетных направлений в деятельности органов безопасности и их архивов. Руководство Министерства и я лично — сторонники этой тенденции. В этом залог того, что наши соотечественники будут лучше знать прошлое и больше понимать тех, кто сегодня трудится на ниве государственной безопасности.

Беседу вели

ТАТЬЯНА МАКСИМОВА
и СЕРГЕЙ КУДРЯШОВ

ФЕРМЕРЫ-ШПИОНЫ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

19 марта 1962 г.

ЦК КПСС*

В марте—августе 1962 года из различных штатов США в Советский Союз в качестве туристов приезжает 17 групп сельскохозяйственных деятелей и фермеров Соединенных Штатов.

По имеющимся у нас сведениям, в указанные группы США включают не обычных туристов, а членов созданной в 1956 году при поддержке Эйзенхауэра и Фостера Даллеса ассоциации — «Гудвилл пипл ту пипл» («народ народу») — промышленников, видных деятелей штатов, занимающихся вопросами сельского хозяйства, церковников, масонов и пр.

Ассоциация «Гудвилл пипл ту пипл» ставит своей целью организацию широких контактов зажиточной части населения США с населением СССР и стран Восточной Европы в целях использования этих контактов для пропаганды американского образа жизни и американской «демократии».

В программах, подготовленных властями США для этих групп, указывается, что главной задачей членов ассоциации во время их пребывания на территории СССР и стран народной демократии является изучение и сопоставление советской действительности с американской, пропаганда превосходства американского образа жизни и идеологическая обработка советских граждан.

Все члены ассоциации, направляющиеся в СССР и страны народной демократии, проходят специальный инструктаж со стороны правительственных учреждений, и в частности в организации «Гавернментал Аффеарс Институт», используемой разведкой и контрразведкой США.

Первая группа туристов в количестве 41 человека, прибывшая в Советский Союз 16 марта от ассоциации «Гудвилл пипл ту пипл», имеет в своем составе 13 человек, которые не имеют отношения к сельскому хозяйству. 12 человек этой группы состоят в масонской ложе. Имеются также представители религиозных сект: адвентистов седьмого дня, баптистов и сионистов. 4 человека из состава группы называют себя специалистами-ветеринарами и высказывают большой интерес к ознакомлению с состоянием эпидемиологии в СССР. В группе имеются также почвоведы, которые намерены ознакомиться со структурами почв СССР.

С целью нейтрализации пропагандистской антисоветской деятельности американцев по каналу «Гудвилл пипл ту пипл» Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР считает целесообразным:

1. Поручить ВАО «Интурист» и Министерству сельского хозяйства СССР подготовить программу пребывания указанных групп туристов в сельскохозяйственных районах СССР с таким расчетом, чтобы не допустить американцев в колхозы и совхозы, посещение которых иностранцами не выгодно с точки зрения интересов СССР.

2. Обязать партийные и советские организации в местах, намеченных для посещения американцами, принять необходимые меры профилактического порядка (лекции, беседы с населением) с тем, чтобы помешать американцам в проведении враждебной идеологической работы.

3. Поручить Министерству сельского хозяйства СССР совместно с агентством печати «Новости» подготовить и издать материалы на английском языке о преимуществах коллективного ведения сельского хозяйства по сравнению с формами ведения сельского хозяйства при капитализме, а также специальную брошюру в расчете на американских читателей-туристов, с изложением программы КПСС и решений мартовского Пленума ЦК КПСС по вопросам развития сельского хозяйства СССР.

4. Комитету госбезопасности при Совете Министров СССР собирать материалы, доказывающие разведывательную и враждебную деятельность членов ассоциации «Гудвилл пипл ту пипл», которые можно было бы, в случае необходимости, использовать для прекращения нежелательных визитов и деятельности этой ассоциации на территории СССР.

Прошу рассмотреть*.

Председатель Комитета
госбезопасности *В. Семичастный*

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 45. Д. 315. Л. 57—59. Подлинник

* На бланке Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

* На документе помета: «Согласиться (по секрет[ариату])» и подписи секретарей ЦК Л. Ф. Ильичева, О. В. Куусинена, Б. Н. Пономарева, М. А. Суслова. Рукой А. Н. Шелепина добавлено: «Ознакомить тов. Полякова. А. Шелепин».

ПАРТИЙНЫЙ ПОДАРОК

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Выписка из протокола № 111 § 11с заседания Секретариата ЦК от 15. II.1965 г.

О мерах по оказанию идеологической помощи партии Суданский Союз Республики Мали

1. Удовлетворить просьбу Национального политбюро партии Суданский Союз о строительстве в качестве дара Высшей партийной школы в Бамако на 300 человек.

Обязать Государственный комитет Совета Министров СССР по внешним экономическим связям совместно с Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Госмонтажспецстроем СССР провести с малийской стороной переговоры о строительстве ВПШ, имея в виду окончание строительства к 1 ноября 1966 года, и по достижении договоренности подписать соответствующее соглашение по этому вопросу. Предусмотреть в соглашении зал на 350—400 мест, оборудование школы мебелью и всем необходимым для организации учебного процесса, а также постройку при школе общежития на 300 человек и столовой на 100 посадочных мест.

Поручить ректорату Высшей партийной школы при ЦК КПСС оказать Министерству высшего и среднего специального образования СССР помощь в составлении проекта строительства ВПШ, а также в подготовительной работе по организации учебного процесса в школе.

Расходы по строительству и оснащению ВПШ, а также по командированию советских специалистов в Мали по вопросам, связанным со строительством школы и организацией учебного процесса в ней, отнести за счет ассигнования по государственному бюджету СССР на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам.

2. Ректорату Высшей партийной школы при ЦК КПСС принять на обучение в 1965 году сроком на 6 месяцев 15 руководящих работников партии Суданский Союз.

3. Передать областным организациям партии Суданский Союз в качестве дара ЦК КПСС шесть автоклубов ПАК-51, оборудованных кинопередвижками и снабженных наборами советских документальных и художественных фильмов, а также предоставить в распоряжение Национального политбюро партии 15 тонн типографской бумаги и шрифтовую продукцию для типографии газеты «Эссор».

Одобрить проект постановления Совета Министров СССР по этому вопросу (прилагается).

Расходы по изготовлению и доставке в Мали автоклубов, копий фильмов, типографской бумаги и шрифтовой продукции отнести за счет резервного фонда Совета Министров СССР.

4. Обязать агентство печати «Новости» (т. Бурков) и ТАСС (т. Горюнов) решительно улучшить качество материалов, направляемых в Мали и другие страны Африки, обратив особое внимание на подготовку рассчитанных на африканского читателя материалов, раскрывающих опыт социалистического строительства в СССР, а также статей, комментариев и информации о событиях и процессах, проходящих в странах Африки.

5. Обязать Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии создать в 1965 году документальный фильм о социально-экономических преобразованиях в Мали и о помощи, оказываемой республике Советским Союзом, для демонстрации в странах Африки.

6. Удовлетворить просьбу руководства партии Суданский Союз об оплате расходов по доставке из портов Дакар и Абиджан в Бамако и технической подготовке к эксплуатации 29 автомашин и трех катеров, предоставленных Суданскому Союзу в качестве дара ЦК КПСС. Указанные расходы в сумме до 10 тыс. инвалютных рублей отнести за счет кассы Госбанка СССР.

7. Поручить Министерству связи СССР (т. Псурцеву) совместно с Государственным комитетом Совета Министров СССР по внешним экономическим связям (т. Скачков) и Государственным комитетом Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению (т. Месяцев) изучить вопрос об усилении наших технических средств вещания на страны Африки, в том числе о строительстве в одной из стран Африки радиотрансляционной станции, и в трехмесячный срок внести в ЦК КПСС необходимые предложения.

8. Поручить Международному и Идеологическому отделам ЦК КПСС в двухмесячный срок рассмотреть вопрос об издании в Советском Союзе журнала, рассчитанного на африканского читателя, и внести предложения в ЦК КПСС.

9. Поручить редакции газеты «Правда» и Госкомитету СМ СССР по радиовещанию и телевидению рассмотреть вопрос об открытии корпункта «Правды» в Бамако и направления в Республику Мали постоянного корреспондента Московского радио и внести в ЦК КПСС соответствующие предложения.

10. Утвердить Союзу советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами должность представителя ССОД в Республике Мали, предусмотрев увеличение загранаппарата ССОД на одну единицу.

11. Поручить ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Комитету советских женщин и Советскому комитету солидарности стран Азии и Африки рассмотреть вопрос о дополнительных мероприятиях по расширению своей деятельности в Мали и других африканских странах.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т. т. Пономареву, Ильичеву, Громыко, Скачкову, Елютину, Митронову, Гарбузову, Смиртюкову, Буркову, Горюнову, Романову А., Посконову, Псурцеву, Месяцеву, Румянцеву, Поповой, Гришину, Павлову С., Поповой, Турсун-Заде, Якубовскому, Панюшкину, Пигалеву.

14.VI.65 г.

ИЗДАТЕЛЬ, КОТОРОГО МЫ ВЫБИРАЕМ

№ 206/58гс
от 11.IV.1980 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Постановление
Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О содействии греческому издателю Г. Боболасу

Министерству внешней торговли (т. Патоличеву) и Государственному комитету СССР по внешним экономическим связям (т. Скачкову) при прочих равных условиях оказывать предпочтение в решении коммерческих вопросов греческому промышленнику и издателю Г. Боболасу, учитывая его позитивную роль в развитии советско-греческих связей.

СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О содействии греческому издателю Г. Боболасу

Комитет государственной безопасности СССР (т. Цвигун) вносит предложение поручить Министерству внешней торговли и ГКЭС оказывать при прочих равных условиях предпочтение в решении коммерческих вопросов греческому промышленнику и издателю Г. Боболасу, учитывая его позитивную роль в развитии советско-греческих связей.

Принадлежащее Г. Боболасу греческое издательство «Акадимос» опубликовало на греческом языке книгу Л. И. Брежнева «Мир — бесценное достояние на-

родов» с предисловием автора, что явилось значительным событием в политической жизни страны. Менее чем за двухлетний срок выпущено в свет 17 томов Большой Советской Энциклопедии, издается также другая советская общественно-политическая и художественная литература.

Для компенсации в некоторой степени затрат по изданию советской литературы Г. Боболас стремится к установлению деловых связей с Минвнешторгом и ГКЭС путем заключения взаимовыгодных сделок в довольно крупных масштабах.

Отделы ЦК КПСС предложение КГБ СССР поддерживают.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается*.

Зав. Отделом международной информации ЦК КПСС *(Л. Замятин)*

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС *(В. Загладин)*

«10» апреля 1980 года

5.04.80 г.
№ 664-Ц

СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК КПСС**

О содействии греческому издателю Г. Боболасу

Комитетом государственной безопасности с 1976 года осуществляются специальные мероприятия по обеспечению издания Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) в Греции.

Греческое издательство «Акадимос», принадлежащее крупному коммерсанту и промышленнику Г. Боболасу, помимо БСЭ издает советскую общественно-политическую и художественную литературу. Значительным событием в политической жизни страны явилось опубликование на греческом языке книги Л. И. Брежнева «Мир — бесценное достояние народов» с предисловием автора.

Работа по изданию БСЭ ведется высокими темпами: менее чем за двухлетний срок выпущено в свет 17 томов, т. е. осуществлена половина греческого издания.

Отмечены неоднократные попытки противника помешать изданию БСЭ в Греции путем различного рода провокаций. Принятыми мерами эти попытки были нейтрализованы. Аппарат «Акадимоса» очищен от маоистов, ставивших перед собой задачу если не сорвать издание, то засорить БСЭ искажениями политического характера и таким образом скомпрометировать его.

Вместе с тем завершение работы над БСЭ и деятельность «Акадимоса» в качестве издательской базы для идеологического воздействия на Грецию и греческие общины ряда стран связаны с определенными трудностями, в том числе финансовыми.

Для компенсации в некоторой степени материальных затрат «Акадимоса» на издание БСЭ, другой советской общественно-политической и художественной литературы Г. Боболас стремится к установлению деловых связей с Минвнешторгом и ГКЭС путем заключения взаимовыгодных сделок в довольно крупных масштабах.

С учетом изложенного представляется целесообразным поручить Минвнешторгу и ГКЭС оказывать Г. Боболасу при прочих равных условиях предпочтение в решении коммерческих вопросов.

Известно, кроме того, что в свой очередной приезд в Москву Г. Боболас намерен передать в дар советскому народу рукописный документ К. Маркса, приобретенный им ранее в Лондоне, в связи с чем желательно организовать прием Г. Боболаса в ЦК КПСС на соответствующем уровне.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается*.

Просим рассмотреть.

Зам. Председателя Комитета *Ю. Андропов*

---

* Не публикуется.

** На бланке Комитета государственной безопасности СССР.

КОММЕНТАРИИ БУДУТ СОГЛАСОВАНЫ

СЕКРЕТНО

экз. № 1
ЦК КПСС

Заведующий корреспондентским пунктом АПН в США тов. Боровик Г. А. провел предварительный зондаж о возможности передачи по сети одной из крупнейших американских телекомпаний программы по Вьетнаму, созданной на основе советских документальных киноматериалов с комментариями тов. Боровика Г. А. Программа будет оплачена телекомпанией в размере от 9 до 27 тыс. долларов.

Отдел США МИД'а СССР (тов. Корниенко Г. М.) предложение тов. Боровика Г. А. поддерживает и считает необходимым, чтобы комментарии к программе были согласованы с МИД'ом СССР.

Согласие «Совэкспортфильма» (тов. Махов А. Б.) о включении в программу советских документальных киноматериалов по Вьетнаму имеется.

Правление АПН считает целесообразным:

1. Принять предложение тов. Боровика Г. А. о подготовке телепрограммы по Вьетнаму для американского телевидения, имея в виду, что комментарии к программе будут согласованы с МИД'ом СССР.

2. Разрешить тов. Боровику Г. А. провести переговоры с американскими телекомпаниями о передаче программы по Вьетнаму на выгодных для нас пропагандистских и экономических условиях.

Просим согласия.

Председатель Правления Агентства печати Новости *Б. Бурков*

«4» марта 1967 г.

Предложение агентства печати «Новости» поддерживаем.

Просим согласия.

Зав. Отделом информации ЦК КПСС *(Д. Шевлягин)*

«19» марта 1967 года

Имеется помета: «Согласиться (под контролем содержания передач со стороны АПН)».

---

* Не публикуется.

ДЕЗЕРТИРЫ ЗА МИР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЦК КПСС*

По прибытии американских военных моряков К. Андерсона, Д. Барилла, Р. Бейли и М. Линдера в Москву представителями Комитета госбезопасности от имени Советского комитета защиты мира были проведены с ними беседы относительно причин, побудивших их дезертировать, их намерений и планов на будущее, а также относительно возможности их публичных выступлений в Советском Союзе.

Как показали эти беседы, указанные американские военнослужащие твердо убеждены в несправедливости агрессивной войны США против Вьетнама, являются по своим настроениям пацифистами, но какихлибо прочных политических взглядов не имеют. По своему происхождению все четверо принадлежат к так называемому американскому среднему классу.

В результате проведенной работы от американских военных моряков получено заявление в адрес Советского комитета защиты мира, в котором они осудили американскую агрессию против вьетнамского народа, развив и дополнив свои выступления перед представителями японской общественности. Американские моряки также обратились к Советскому комитету защиты мира и к советскому народу с просьбой содействовать их дальнейшей борьбе за мир за пределами Советского Союза.

Американские военные моряки выразили свою готовность публично выступить в Советском Союзе с заявлениями, направленными на разоблачение бесчеловечной войны США против Вьетнама.

Работа с американскими военными моряками с целью оказания на них выгодного для нас влияния и склонения их к более решительному и политически более острому осуждению агрессии США во Вьетнаме продолжается.

2429с
18.XI. 1967 г.

В связи с вышеизложенным Комитет государственной безопасности полагает целесообразным в ближайшие дни провести с участием и от имени Советского комитета защиты мира следующие мероприятия:

— Опубликовать в советской печати совместное заявление четырех американских военных моряков, адресованное Советскому комитету защиты мира.

— Опубликовать в газете «Правда» статью-очерк ее корреспондента о беседе с американскими военными моряками.

— Организовать выступление американских военных моряков по московскому радио и телевидению с трансляцией передачи по «Интервидению».

— Организовать встречу американских военных моряков со студентами Московского государственного университета.

— Опубликовать в советской печати личные выступления американских военных моряков.

— В соответствии с просьбой указанных американцев Комитет госбезопасности, МИД СССР и Советский комитет защиты мира примут меры к обеспечению дальнейшего следования американских моряков в западноевропейские страны. Ввиду отсутствия у американцев надлежащих документов, целесообразно выдать им удостоверения для лиц без гражданства, оформляемые Советским обществом Красного креста и Красного полумесяца.

С Советским комитетом защиты мира (тов. Котов М. И.) согласовано.

Просим согласия.

АНДРОПОВ *ГРОМЫКО*

17 ноября 1967 года 17 ноября 1967 года

№ 2802-А

---

* На документе имеется помета: «Согласиться: М. Суслов».

ПРАВНУК НА ДОТАЦИИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О материальном вознаграждении Марселя-Шарля Лонге

Согласиться с предложением Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС о выплате правнуку К. Маркса — Марселю-Шарлю Лонге денежного вознаграждения в сумме 20 тысяч французских франков. Расходы отнести за счет сметы ИМЛ при ЦК КПСС.

Министерству финансов СССР выделить указанную сумму инвалюты.

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О материальном вознаграждении Марселя-Шарля Лонге

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (т. Егоров) вносит предложение выплатить 20 тысяч французских франков правнуку К. Маркса — Марселю-Шарлю Лонге, проживающему в Париже, за передачу Институту в 1979 году ценных документов К. Маркса, а также учитывая его тяжелую болезнь и весьма стесненные материальные обстоятельства.

Марсель-Шарль Лонге длительное время плодотворно сотрудничает с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, передал ему значительную группу документов (в общей сложности около 600), которые имеют большую научную ценность для исследования жизни и деятельности основоположников научного коммунизма, истории марксизма.

В 1979 году ИМЛ при ЦК КПСС получил новую группу документов (всего более 40), представляющих интерес для изучения биографии К. Маркса, путей развития марксистского учения об обществе.

Получение документов от Марселя-Шарля Лонге в прежние годы оплачивалось.

Отделы ЦК КПСС считают целесообразным поддержать предложение ИМЛ при ЦК КПСС. С Управлением делами ЦК КПСС (т. Поплавским А. М.) согласовано.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС *(С. Трапезников)*

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС *(В. Загладин)*

«2» сентября 1980 года

БЫЛА И ТАКАЯ ПАРТИЯ

Нападение нацистской Германии на Советский Союз создавало благоприятные возможности для формирования в оккупированных районах политических организаций, оппозиционных советскому строю. Однако массивы известных по настоящее время документов свидетельствуют, что почти до самого конца войны германские власти на Востоке к коллаборационизму в политической сфере относились очень настороженно. От тех, кто шел на такое сотрудничество, требовалась полная лояльность. Не случайно немцы тщательно контролировали деятельность генерала Власова, проверяя и редактируя тексты его выступлений и воззваний. Одно время они возили пленного генерала по российским селам, где тот выступал перед крестьянами. Но как только Власов позволил себе высказаться о равном партнерстве с немцами и о существовании в будущем независимой России, его поездки были немедленно пресечены. То же самое произошло и с ОУН на Украине. Первоначально немцы активно использовали оуновцев, привлекая их к формированию органов местной власти, полиции и пр. Но когда они стали стремиться к самостоятельности, к проведению собственной политики, германское командование сразу разогнало их организации и арестовало Бандеру.

При подобном отношении оккупационных властей существование любой политической организации со своей программой заслуживает серьезного внимания. Такую партию под названием «Народная социалистическая партия России» (другое название — партия «Викинг» или «Витязь») пытались создать на оккупированной территории Орловской области Константин Павлович Воскобойников и Бронислав Каминский. Воскобойников (он же Иван Лашков, он же инженер Земля) родился в 1895 году в селе Смела под Киевом. До революции окончил юридический факультет Московского университета, а после революции электропромышленный факультет в одном из московских вузов. Был репрессирован органами НКВД, отбыл ссылку в с. Локоть. Накануне войны работал преподавателем Локотского лесного техникума. С приходом немцев Воскобойников предложил им свои услуги и 17 октября 1941 года был назначен бургомистром Локотской волостной управы. Его заместителем поставили бывшего инженера Локотского спиртзавода 37-летнего Каминского, поляка по национальности, ранее также судимого и в 1937 году сосланного сюда из Ленинграда.

В ноябре 1941 года Воскобойников и Каминский начали издавать антисоветскую газету «Голос народа». 25 ноября они опубликовали манифест НСПР, провозгласивший основные принципы построения и политики новой партии. Очень быстро манифест получил известность. Упор на повседневные нужды людей, антиколхозная пропаганда, обещания наделить всех землей находили отклик у части крестьянства. В отличие от более поздних власовских воззваний, постоянно требовавших дружбы с Германией, НСПР ограничилась лишь дерзким «приветом мужественному германскому народу». Воскобойникову удалось создать несколько партячеек, приступивших к вербовке членов. Все это вызвало сильное беспокойство у советской стороны. Быстро и решительно была проведена операция по уничтожению центра партии. 8 января 1942 года партизаны напали на с. Локоть и убили Воскобойникова.

С гибелью основателя НСПР фактически прекратила свою деятельность. Каминский, назначенный на должность обер-бургомистра Локотской управы, больше занимался борьбой с партизанами, чем политической агитацией за идеалы партии «Витязь». Это устраивало немцев. С их разрешения Каминский на базе «добровольческих полицейских отрядов» создал так называемую «Народную армию», которая впоследствии стала именоваться «бригадой Каминского». Численность бригады колебалась от 10 до 15 тысяч человек. Немецкое командование использовало ее главным образом в карательных целях. В 1944 году она участвовала в подавлении Варшавского восстания. После этого Каминский бесследно исчез. Наиболее распространенная версия о том, что Каминский за свою строптивость был расстрелян немцами, пока не имеет надежного документального обоснования.

Публикуя манифест «Народной социалистической партии России», мы предлагаем читателям ознакомиться с программой одной из немногих политических организаций, существовавших на оккупированной территории России не только на бумаге.

МАНИФЕСТ

25 ноября 1941 года.

Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России.

Народная социалистическая партия создалась в подполье в сибирских концлагерях. Краткое название Народной социалистической партии — «ВИКИНГ» (Витязь).

Народная социалистическая партия берет на себя ответственность за судьбы России. Она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства.

В своей деятельности Народная социалистическая партия будет руководствоваться следующей программой:

1) Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.

2) Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли, с правом аренды и обмена участков, но без права продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок). Размер участка около 10 гкт. в средней полосе России.

3) Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.

4) Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.

5) Установление на всех видах производств 2-х месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4-х месяцев.

6) Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач, для постройки жилищ.

7) Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.

8) Амнистия всех комсомольцев.

9) Амнистия рядовых членов партии, не запятнавших себя издевательством над народом.

10) Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.

11) Амнистия героев Советского Союза.

12) Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами.

Свободный труд, частная собственность в пределах установленных законом, государственный капитализм, дополненный и исправленный частной инициативой и **гражданская доблесть** явятся основой построения нового государственного порядка в России.

Настоящая программа будет осуществлена после окончания войны и после прихода Народной социалистической партии к власти.

В первую очередь все льготы получат граждане с оружием в руках не щадя жизни участвовавшие в построении и укреплении нового строя.

Всякому паразитизму и воровству объявляется смертельная борьба.

Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги — витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство.

Наша страна разрушена и разорена под властью большевиков. Бессмысленная и позорная война, вызванная большевиками, превратила в развалины тысячи городов и заводов нашей страны.

Но партия «ВИКИНГ» верит в мужество и гражданскую доблесть русского народа и дает клятву возродить русское государство из большевистских развалин. С образом Георгия Победоносца сражалась и побеждала русская армия в старину, так будет и впредь, а потому наше национальное знамя — белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с георгиевским крестом в верхнем левом углу знамени.

Каждый гражданин, разделяющий программу нашей партии, **должен** вести запись граждан, желающих в нее вступить.

По всем областным и районным центрам необходимо организовать комитеты партии «ВИКИНГ».

Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право.

Руководитель Народной Социалистической партии
ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (КПВ)

Предисловие и публикация
СЕРГЕЯ КУДРЯШОВА

«СОЛОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ И ОСТРОВА ПРЕДСТАВЛЯЮТ МНОГО ИНТЕРЕСНОГО...»

В последнее время «тюремно-лагерная» тематика стала все чаще и чаще появляться на страницах отечественной печати. После долгих лет «забвения» и лакировки действительности наконец оказались изданными крупные литературные произведения Л. Разгона, О. Волкова, В. Шаламова и других мастеров пера, волею судеб испытавших на себе все «прелести» каторги и ссылки. Сравнительно меньше мы все же знакомы с историей самих мест заключения, условиями быта и жизни заключенных, их требованиями к администрации и правительственным органам. Читателям журнала представляется возможность познакомиться с внутренним миром Соловков через призму мышления прокурора Верховного суда СССР П. А. Красикова, его помощника Р. А. Катаньяна и члена коллегии ОГПУ Г. И. Бокия, посетивших острова в конце сентября—начале октября 1924 года.

Их «визит» на Соловки носил вынужденный характер. 19 декабря 1923 года в Савватьевском скиту лагеря (где размещались с июня 1923 года исключительно политзаключенные) произошел инсценированный администрацией расстрел 8 человек за «нарушение правил внутреннего распорядка» (последний подобный случай в России имел место в Екатеринославской губернской тюрьме в 1909 году). Соловецкий расстрел получил необычайный резонанс на Западе. Более того, даже лояльные к власти отечественные центральные газеты поместили о случившемся событии небольшие заметки. «Политики» Соловков начали борьбу, и с открытием летней навигации 1924 года в ОГПУ пришло требование о необходимости перевода всех «политических» на материк.

Вопреки печатным заявлениям, Красиков и К° посетили только Савватьевский скит (Большой Соловецкий остров), где вели длительные переговоры со старостатом, который от лица социал-демократов, эсеров и анархистов представлял Б. О. Богданов. К этому времени «политиков» в лагере было около 430 человек (по реконструированному А. Рогинским и Е. Жемковой списку политзаключенных к 1925 году в Соловках находились 176 социал-демократов, 130 эсеров, 67 анархистов, 26 левых эсеров и около трех десятков представителей других партийных меньшинств (максималистов, дашнаков, сионистов и т. д.). От лица правительства и Верховного суда Красиков заверил «политических», что все их требования политического и бытового характера будут удовлетворены и они будут переведены на материк.

Результаты «экскурсии» Красиков изложил в трех публикациях в «Известиях»[1]. По мнению главного российского прокурора, «политзэки» жили просто в раю. «Как там живут? — Очень недурно. Живут в прекрасных, с точки зрения москвичей, помещениях... В материальном отношении они находятся в значительно лучших условиях, чем квартируемые на Соловках красноармейцы... Любой выходец из трудовой семьи был бы счастлив, если бы мог получать от государства столько, сколько получают политзаключенные...»[2] Картина с точки зрения «ревизоров» была весьма обнадеживающей, хорошее настроение портили только «политики», объявившие к приезду комиссии голодовку. Даже уголовники показывали чудеса героизма в труде и культпросветработе, включая театр и спортивные соревнования.

Публикации о Соловках (отнюдь не всегда правдивые) в отечественной и зарубежной прессе несколько приглушили интерес к теме, но уже в начале июня 1925 года старостат «политиков» вновь доложил администрации лагеря о своих требованиях. В конце июня «нас вывезли на материк, — вспоминал заключенный Д. М. Бацер. — ...Формально это победа. И тут же невольно вставал вопрос — не пиррова ли это победа...» Мы теперь знаем, что для массы заключенных в стране тяжкий путь только начинался. Сполна прошли его и бывшие узники Соловков. В конце 30-х годов в списки репрессированных попали также Красиков, Бокий и Катаньян.

ПРИМЕЧЕНИЯ

1. См.: Красиков Н. «О Суздальском и Соловецком лагерях», «В Соловках у политических», «Соловки»//Известия. 1924. 30 сентября, 7 октября, 15 октября.
2. Там же//Известия. 1924. 7 октября.

П. КРАСИКОВ

СОЛОВКИ

В конце сентября и начале октября мною и помощником моим товарищем Катаньяном в присутствии члена коллегии ОГПУ товарища Бокия[1] подробно исследовано было положение пересыльного пункта в Кеми и всего Соловецкого лагеря.

Ввиду смутных представлений как у нас, в России, так и за границей о том, что он представляет, считаю полезным, хотя бы кратко, поделиться некоторыми результатами обследования.

Кемский пункт является передаточным, где отправляемые или освобождаемые из Соловков задерживаются лишь на некоторый небольшой срок в ожидании парохода или окончания срока своей высылки, если срок этот совпадает с закрытием навигации. Сообщение с Соловками регулярно поддерживается двумя отремонтированными в соловецких мастерских пароходами, делающими переход через пролив на Соловки в течение двух часов. Таким образом, путешествие на Соловки из Москвы обходится в 36—38 часов.

Сам Соловецкий лагерь и острова представляют так много интересного, что подробное их описание заняло бы целый том. Ограничусь только самыми общими данными. Глубоко ошибаются те, кто думают, что Соловки представляют унылую, мрачную тюрьму, где люди сидят и изнывают в тесном заключении. Весь лагерь представляет огромный хозяйственный организм с 3000 рабочих, работающих в самых разнообразных отраслях производства. Здесь можно только вкратце сообщить об этих видах работы. Лесозаготовка в обширных лесах острова, рыбные и тюленьи ловли, скотное и молочное хозяйство, расширенное в настоящем году почти до полного уровня годовой потребности лагеря в мясе и молоке, огородное дело, поддержание в порядке и расширение системы каналов, дающих силу электрификации острова и соединяющих десятки озер острова, и обслуживание лодочного и пароходного сообщения по ним, постройка новых и ремонт старых зданий, пришедших в ветхость или испорченных прошлогодним пожаром, электрификация острова (строится новая станция), проведение узкоколейной железной дороги, постройка перегонного завода, механические, судостроительные, столярные, глиняно-фарфоровые, кожевенные, сапожные, портновские, кузнечные, кирпичные и т. д. мастерские и заводы, обслуживание бань, столовых и кухонь, конюшен, больницы, аптеки, — словом, всего того, что делает Соловки в значительной степени самодовлеющим хозяйственным целым. Все эти работы производятся уголовными заключенными под руководством администрации лагерей с помощью отчасти вольнонаемного технического и административного персонала, отчасти спецов и техников из числа самих заключенных. Таким образом, подневольные жители лагеря только в часы отдыха, обеда и сна находятся в своих общих помещениях, все же остальное время — 8 часов — проводят на работах в лесу, на море, мастерских и т. д. при сравнительно незначительном надзоре. Следует категорически признать, что за текущий год в оборудовании лагеря в хозяйственном отношении и в смысле значительного улучшения условий труда и существования заключенных проделана огромная работа. Исправительно-трудовой принцип применяется в смысле сокращения сроков в зависимости от поведения и отношения к труду самого заключенного. В этом году комиссией из прокуратуры и ОГПУ освобождены до срока 350 человек, ведшие себя безупречно и работавшие все время в лагере, в том числе 16 матросов, участников кронштадтского восстания.

Пищевой паек, выдаваемый работающим, и помещения вообще удовлетворительны, хотя лучшие помещения предоставлены т. н. политическим. Культурно-просветительная работа выражается в имеющейся библиотеке, с газетами и журналами, лекциях, организации научных кружков, литературных, художественных, певческого и музыкального, спортивного, кружков по изучению фауны и флоры севера и т. д.; сравнительно хорошо оборудованы театр и оркестр. Уголовные издают журнал «СЛОН» общественно-политического направления. Свидания разрешаются. Конечно, самой тяжелой порой для жителей острова является зима, когда прекращается месяцев на 5 навигация, и Соловки соединены с внешним миром лишь посредством почты и радио. Роль культпросвета тут приобретает особенно большое значение.

Совершенно отдельно от этой суровой, но трудовой и регулярной жизни стоят части лагеря, где содержатся т. н. политические. Они расположены в трех бывших скитах, находящихся в различных частях архипелага, в 10—12 верстах от центра соловецкой жизни и работы. Помещения, отведенные им, являются лучшими на островах — это бывшие монастырские корпуса солидной монашеской стройки, с хорошо устроенным дровяным отоплением, просторными светлыми комнатами с прекрасными видами на море и лес, лишенными всяких тюремных признаков; никаких решеток и комнатной стражи или охраны внутри самих домов нет. Жители — анархисты, соц.-дем. и соц.-рев. — внутри помещений и внутри прилегающей отведенной под огород и сад площади, огражденной проволокой, довольно значительной, предоставлены самим себе. Ни в каких монастырских, ни в каких работах анархо-социалисты не участвуют, если не считать варку себе пищи из отпускаемых казной ::

получаемых с воли продуктов. Нами осмотрены решительно все помещения этих частей лагеря и найдены совершенно удовлетворительными, если не считать загрязненности плохо мытых и плохо метенных полов, находящихся на попечении самих заключенных. Два скита освещаются электричеством до 12 час. ночи и один скит керосиновым освещением в ожидании постройки на нем небольшой станции. Казенный паек «политиков» по своему содержанию питательных веществ значительно выше и лучше пайка работающего уголовного населения острова и несколько выше даже красноармейского: хлеба — 2 фунта, крупы гречневой — 48 золотников, мяса — 48 золотников или рыбы, соленой или свежей, — 72 золотника, жиров — 12 золотников, растительного масла — 18 золотников, овощей — 1 фунт, луку — 2 золотника, сахара — 12 золотников в день и 1 фунт табаку в месяц[2]. Существует также диетический паек усиленного питания, в котором выдается 2 фунта белого хлеба, свежая рыба, сухие овощи, молоко и масло. В зиму 1923—24 года были перебои в выдаче свежего мяса, лука, свежих овощей, вместо которых выдавалась квашеная капуста и консервы, благодаря тому, что в первый год существования лагеря было недостаточно запасено скота и овощей. Необходимо заметить, что «политики» имеют перед уголовными значительно еще преимуществ в виде присылаемых с воли продуктов: крупчатки, масла, сахара, шоколаду, какао и других питательных веществ, каковые разрешаются к доставке в неограниченном количестве, фактически приблизительно 500—600 пудов в год. Всего «политиков» в настоящее время 320—330 мужчин, женщин и детей как родившихся за прошедший год, так и привезенных самими родителями с собою на остров и живущих семейно.

Прогулки и движение на воздухе разрешены в зимнее время весь день, до 6 час. вечера; всякого рода деловые сношения между корпусами разрешены и позже. Теплой одеждой — заключенные, по-видимому, обеспечены, ибо они хотя и требуют регулярной ее выдачи, но произвести учет ее наличности не допускают. Ссыльные организованы по своим партийным фракциям, и каждая фракция имеет своих старост для внутренних дел и для сношений с администрацией лагеря. Больница имеется в центральном лагере с достаточным врачебным персоналом. Сообщения в заграничных эмигрантских газетах о болезнях и беспомощности больных представляют наглую ложь. В каждом ските, кроме того, среди заключенных имеются свои врачи, которые пользуют больных совместно с заведующим околодком. Отказа в основных медикаментах нет. В текущем году, как мы убедились, выписано лекарств на 2000 рублей. Приходилось отказывать, — как удостоверяет старший врач, — лишь в таких медикаментах, которые требовались скорее как чисто — диетические или укрепляющие средства, или как предметы косметики. Нуждающиеся в климатическом или длительном систематическом лечении выписываются с Соловков и переводятся на материк.

По свидетельству медицинского персонала, у «политиков» заметны необоснованно повышенные требования к состоянию своего здоровья по сравнению с работающими. Весьма отрицательное влияние имеет, конечно, отсутствие систематического физического труда, особенно полезного в этом климате в зимнее время. Вполне доказано, что самое вредное в северном климате — это вечное лежание с книжкой в руке, т. е. приведение своего организма в состояние малой сопротивляемости по отношению цинги и других болезней. Так, цинга, появившаяся было в нашей красноармейской части, этой зимой была подавлена увеличением работы и движений на воздухе. В данный момент нет ни одного больного цингой.

В общем совершенно категорически, на основании цифр и материалов санчасти, необходимо прийти к выводу, что здоровье политзаключенных на Соловках находится в совершенно удовлетворительном состоянии. За все время существования лазарета не зарегистрировано ни одного больного, болезнь которого имела бы смертный исход. Тяжелые болезни, мозговые, сифилис, туберкулез, неврастения и зубные дефекты привезены были заключенными еще с воли. Последствия абортов, практикуемых политзаключенными, конечно, могли быть тяжелы, но фактически этого не случилось, благодаря своевременной помощи. Медицинская статистика тюрьмы показывает, что гинекологические заболевания дают больший (%) среди женщин-политзаключенных, в сравнении с общеуголовными женщинами, среди которых указанные явления не наблюдались и которые не находятся в одних помещениях с заключенными мужчинами, что имеет место у политзаключенных. Моральное настроение политзаключенных по всем данным их поведения неустойчивое и агрессивное по отношению к администрации и советскому строю вообще, чего совершенно нельзя сказать об общезаключенных. Образ жизни, какой они ведут, можно характеризовать как анархо-интеллигентский, со всеми его отрицательными сторонами. Вечная бездеятельная толчея, митингование, мелкие семейные дрязги, фракционные разногласия, а главное, резко вызывающее агрессивное отношение к власти вообще и к местной администрации и к красноармейской охране в частности, категорическое нежелание примириться с необходимостью изоляции их, как признание властью общественно-вредными элементами, — все это ставит эту группу в 300 с лишним человек в состояние откровенной вражды к каждому мероприятию, к каждой попытке местной власти наладить правильно регулируемую жизнь и работу, хотя бы исключительно по самочувствию. Они вооружают против себя и красноармейскую охрану своим ненавистническим, неуважительным к ней отношением при исполнении обязанностей службы. Их презирают также и уголовные за ничегонеделание, за барский анархический образ жизни, за лучший сравнительно с ними — работающими 8-часовую серьезную работу — паек, при чем плоды труда уголовных идут в известной доле на удовлетворение потребностей именно этих лиц, коих уголовные считают попросту паразитами за присылку их родственниками и знакомыми таких продуктов и предметов, каких обычно не видит у себя на столе средний уголовник.

Если привести те требования, на которых настаивают заключенные анархисты и социалисты, то каждому, даже не сидевшему ни в старых русских, ни в современных английских или французских тюрьмах, станет ясно, что, предъявляя их, эти люди опираются не на здравый смысл, не на технические и бюджетные

возможности данного места заключения, а на что-то иное.

Вот образцы: политзаключенные требуют, чтобы электричество в их помещениях горело не до 12 часов, а всю ночь, ибо некоторые из них желают заниматься чем им угодно всю ночь.

Заключенные требуют, чтобы родственники и гости, приезжающие с материка к ним, жили не в отведенной для них гостинице и посещали их не определенное количество часов, а жили и питались вместе с заключенными в изоляторе, и кроме того, чтобы они и старосты развозились по острову в различные скиты на казенных лошадях бесплатно, равно как и грузы и посылки (в количестве около 500—600 пудов в год).

Наконец, например, требуют, чтобы присылаемые преступники сортировались по скитам и изоляторам в качестве уголовных или политических не администрацией согласно документам и приговорам, присылаемым вместе с ними из Москвы, а по постановлениям их старост.

Требуют, чтобы общие прогулки во дворах, садах и огородах могли продолжаться и летом и зимою всю ночь, а не до 6 часов, как установлено в осеннее и зимнее время. Но главное, повторяю, требуется перевод всех на материк и подчеркивается, что без этого исполнение вышеизложенных требований никоим образом не удовлетворит заключенных. Дело идет о политической демонстрации своего отношения к советской власти вообще, дело идет об активной борьбе с советской властью применительно к данной обстановке или некоторого сорта провокации и о действиях, во всяком случае, имеющих конечный, определяемый совсем другого порядка факторами, смысл.

Социал-демократы формально солидаризируются со всеми этими требованиями, но в обличениях своих более сдержанны и благоразумны.

Дело в том, что ввиду полного вырождения партий так называемых социал-демократов и социал-революционеров, ввиду отлива из этих партий пролетарских и искренне революционных интеллигентских сил, нисколько уже не является абсолютным, что первую скрипку среди «политиков» начинают играть совершенно неполитические элементы, т. е. анархи, ничего общего не имеющие с марксизмом и классовой пролетарской борьбой, отрицающие всякую, и в том числе рабоче-крестьянскую государственность, недавние соратники банд Махно.

При таком соотношении сил, когда партийцы имеют застрельщиками и главарями анархов-социалистов беспартийцев, т. е. людей, формально не связанных никакой теорией, никакой классовой тактикой и политикой, от местных государственных органов и красноармейской охраны, при наличии по существу этих анархических общежитий, требуется величайшая выдержка и постоянное напряжение всех сил, ибо состояние психики заключенных является явно неустойчивым, чреватым всякими неожиданностями. Инциденты и осложнения могут и должны возникать не потому, что пища плоха (на самом деле она совсем не плоха), не потому, что освещения нет (оно более чем достаточно), не потому, что система свиданий нехороша (7 часов в неделю более чем достаточно), а потому, что не чувствуя под собой никаких организационных опор в трудящихся массах Советской России, при таком положении, когда численность и наличность их партий вообще едва ли не совпадает с наличностью в местах лишения свободы, они склонны самое сидение свое в лагере рассматривать и изображать как некую героическую борьбу с советской властью и апеллировать при этом к своему единственному источнику (искреннего или политиканского, это другой вопрос), т. е. к заграничной прессе. Конечно, они прекрасно знают, что всякая заваруха, поднятая ими в советской тюрьме, имеет все шансы быть в 10 раз раздутой и изображенной их соратниками за рубежом и всяким врагом Советской России, как «страдания бедных сидельцев от тирании злых большевиков». Мое глубокое убеждение, что только возможность спекулировать на заграничном политическом рынке «соловецкими ценностями», а не объективные условия жизни в описанной мною тюрьме, которая по льготам и по свободе внутренних распорядков и снабжению неизмеримо превосходит все старые царские и нынешние французские, английские, ирландские и иные тюрьмы Европы и Америки, где содержатся буржуазией коммунисты или борцы за национальную свободу, — только эта возможность, которая, несомненно, учитывается у находящихся за границей их сообщниками, продиктовала соловецким сидельцам многие из их требований, которые я здесь вкратце изложил.

Чтобы закончить характеристику отношений соловецких сидельцев к советскому строительству и в частности к той огромной хозяйственной и культурной работе, которая происходит на Соловках, приведу следующий факт, запротоколированный при объяснениях со старостами фракций. На указание, что при удовлетворении многих требований необходимо иметь в виду прежде всего, что это потребует и значительного увеличения бюджета лагеря или сокращения производительных расходов, пришлось услышать следующее: «какое нам дело до ваших бюджетов! Наше единственное желание, которое, мы не сомневаемся, очень скоро исполнится, это только, чтобы весь ваш бюджет лопнул, и мы рады по мере сил способствовать этому. Ваша обязанность доставить нам все, что нам нужно и необходимо».

Понятно, какая выдержка требуется от наших красноармейцев и администрации лагеря при исполнении ими обязанностей по содержанию и охране этих граждан и какой подвиг несут эти органы на Крайнем Севере.

«ИЗВЕСТИЯ». 1924. 15 октября. № 236 (2271).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красиков Петр Ананьевич (1870—1939), Бокий Глеб Иванович (1879—1937), Катаньян Р. А. (точные даты жизни нам не известны).
2. Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г. Золотник — русская мера веса, равная 1/96 фунта, или 4,26 г.

Вступительная статья, примечания, подготовка текста к публикации кандидата исторических наук
В. КРИВЕНЬКОГО

НИНА МИНЕНКО,
доктор исторических наук

ОСТРОЖНЫЕ БУДНИ

Мы уже рассказывали о том, как зарождалась политическая ссылка на Руси (см. «Родина»,1993, № 7). В XVIII веке число «государственных злодеев», обживавших Сибирь и Урал, резко возросло. Особо примечательна в этом отношении вторая четверть «просвещенного» столетия. Тогда «под караулом» оказались знатнейшие особы: генерал-полицмейстер Петербурга граф А. М. Девиер, директор Морской академии генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев, обер-церемониймейстер граф Ф. де Санти, светлейший князь А. Д. Меншиков с семейством; князья Долгоруковы, вице-президент Коммерц-коллегии Г. фон Фик, кабинет-министр граф А. И. Остерман с женой, вице-канцлер граф М. Г. Головкин с женой, статс-дама графиня А. Г. Бестужева-Рюмина, фрейлина С. В. Лилиенфельд с детьми и мужем, камергер барон К. Л. Менгден с семейством, генерал-кригскомиссар С. В. Лопухин и многие другие.
Но и среди этой блестящей компании выделялись два немецких уроженца, сделавших головокружительную карьеру на русской службе: Миних и Бирон.

Эрнст Иоганн Бирон вошел в историю как фаворит императрицы Анны Иоанновны, всесильный временщик, «главный враг» русских, заносчивый туповатый курляндец. Именно таким изображается он в трудах отечественных историков. Само царствование Анны Иоанновны (1730—1740) обычно оценивается как некое безвременье; правительница характеризуется ограниченной, необразованной женщиной, мало озабоченной государственными делами. Не доверяя русским, она понавезла из Митавы и прочих «немецких углов» кучу иноземцев. «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении»[1], — писал Василий Осипович Ключевский. Между тем заметного увеличения числа иностранцев на русской службе в «аннинское» десятилетие не произошло. В 1989 году молодой исследовательнице Т. В. Черниковой в журнале «История СССР» удалось доказать, что не национальный, а политический вопрос стоял в центре борьбы внутри дворянского сословия в 1730-х годах. По мнению Черниковой, версия об «иноземном засилье» при Анне Иоанновне родилась в 40—90-х годах XVIII века «в связи с конъюнктурными соображениями правивших тогда монархов, вынужденных как-то оправдать свой захват трона». Ни во внутренней, ни во внешней политике Анны Иоанновны нельзя обнаружить «антирусской» направленности. Как, впрочем, и в политике ее преемника, царя-малютки Иоанна Антоновича, регентом при котором умирающая императрица назначила Бирона...

Не нужно, конечно, идеализировать Бирона, но нет оснований и считать его «национальным врагом». Любопытный портрет его дается в досье первого испанского посла в Петербурге герцога Лирийского. (Досье составлялись для работы дипломатической миссии и преемника самого посла, и к содержащимся в нем сведениям можно относиться с доверием.) «Граф Бирон, обер-камергер и любимец царицы Анны, родом курляндец, долго служивший ее величеству с величайшею верностью. В обращении он был весьма вежлив; имел хорошее воспитание; любил славу своей государыни и желал быть для всех приятным; но ума в нем было мало и потому дозволял другим управлять собою до того, что не мог отличать дурных советов от хороших. Несмотря на все это, он был любезен в обращении; наружность его была приятна; им владело честолюбие, с большею примесью тщеславия»[2]. Честолюбие, очевидно, и породило в регенте желание породниться с династией Романовых: по Петербургу поползли слухи о том, что Бирон заигрывает с претенденткой на трон — «дщерью Петровой» Елизаветой — и собирается женить на цесаревне своего старшего сына. Говорили также, будто регент намеревается удалить от дел кабинет-министра А. И. Остермана, Миниха и других влиятельных сановников. Опасаясь этого, вчерашние союзники Бирона наносят превентивный удар: в ночь на 8 ноября 1740 года регент был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Его обвинили во многих «противных проступках» («непочитании» родителей царствующего младенца, хищении казенных денег и вещей, «принижении» гвардии и пр.) и после пятимесячного следствия приговорили к смертной казни четвертованием.

Затем все же помиловали, и 13 июня 1741 года Бирон в сопровождении конвоя отправился в «вечную» ссылку в Пелым. К этому времени в городке имелось 30—40 домов и две церкви. Строения были обнесены деревянным палисадом с четырьмя башнями. Для знатного изгнанника выстроили специальный дом — по чертежу, подготовленному самим Минихом. Декабрист А. Ф. Бригген, в 1833 году оказавшийся на поселении в Пелыме, встретил здесь глубокого старика, крестьянина Антона Васильевича Казанцева, выразительный портрет которого оставил нам один из тобольских чиновников: «Крестьянин Антон Казанцов росту высокого, но зрение его потускло от старости; он смотрит на предметы как бы сквозь туман; ходит всегда с помощью посоха и вожатых; слух начинает притупляться, но память и чувства по летам его удивительны, говорит весьма твердо, иногда еще шутит с правнучками своими...»[3]. Ко времени приезда Бриггена Казанцеву было около 130 лет. Он хорошо помнил, как выглядела темница, в которой поселились опальный регент, его жена Бенигна Готлиб, дочь Елизавета и сыновья Карл и Петр: место заточения Бирона «видом походило более на низкую башню, нежели на дом; кругом сия тюрьма была обнесена тыном одной с нею вышины, пространство же между стенами тюрьмы и тыном было едва ли более сажени, так что сие жилище Бирона по всей справедливости может назваться темницей»; «с досады» ссыльный дважды пытался поджечь свою «квартиру»[4].

Но времена все же сильно изменились, и условия жизни Бирона в пелымском заточении мало напоминали те, в которых когда-то оказались здесь Романовы. Бывшему регенту разрешили взять с собой четырех служителей и еще «с особым окладом от двора его величества» лекаря, двух поваров и одного хлебника; на пропитание ему выделялось по 3 рубля в день. Караульным начальникам предписывалось покупать Бировам хотя и «без излишества», но «по их желанию» «пристойную пищу» у местных жителей или приезжих торговцев. Ссыльный имел возможность нанимать дополнительно слуг из числа пелымцев. В своей «тюрьме» он держал верховых лошадей и часто ездил за город на охоту. Не стесняли Бирона и в передвижениях по городу. По преданию, герцог «держал себя весьма гордо, так что местный воевода, встречаясь с ним на улице, разговаривал, сняв шапку, а в доме его не решался сесть без приглашения». Запомнили, что ходил он обычно «в бархатном зеленом полукафтанье, подбитом и опушенном соболями».

«Вечная» ссылка в Пелым на самом деле оказалась кратковременной. В ночь на 25 ноября 1741 года в столице произошел дворцовый переворот, вознесший к власти Елизавету Петровну. Новая императрица благоволила Бирону, так как в царствование Анны Иоанновны он спас ее от заточения в монастырь. Было предписано перевести опального регента из Пелыма в Ярославль. В Казани произошла знаменательная встреча: возвращавшийся из-за Урала Бирон увидел своего врага Миниха, который следовал в Пелым. Скрипели полозья саней, фыркали кони. Узнали друг друга, нехотя раскланялись и, не обронив ни слова, разъехались, чтобы увидеться вновь... через 20 лет.

Елизавета Петровна, считавшая Миниха своим политическим противником, не замедлила расправиться с ним. Бывшего фельдмаршала бросили в застенок Петропавловской крепости. Было следствие, затем суд. Миних уже готовился отдаться в руки палача, когда экзекутор объявил о монаршей милости — замене смертной казни ссылкой в Пелым, куда полгода назад осужденный упек поверженного Бирона. С ним отправлялись жена Барбара-Элеонора, друг и духовный наставник пастор Мартенс и 6 человек прислуги. В Пелыме к ссыльному семейству присоединился еще лекарь, который прежде обслуживал Биронов.

Выехали из Петербурга в сопровождении гвардейцев 19 января 1742 года, а к месту назначения прибыли 6 марта. Поскольку дом, в котором прежде жил Бирон, в конце декабря 1741 года сильно пострадал от пожара, Сенат отправил пелымскому воеводе указ о строительстве для нового узника особого помещения из «трех покоев с сеньми». Однако воевода нашел более простое решение: он поместил Минихов в своем доме, а сам, судя по всему, переселился в новые хоромы. Дом воеводы находился в небольшом внутреннем деревянном острожке («мерою кругом» 578 сажен), сохранившемся с 1623 года. Довольно точное описание его дал уже знакомый нам Казанцев, который «у Миниха живал в услужении». «Низменный дом, в коем он жил, — вспоминал старик, — был обнесен высокою стеною из срубов, по углам стояли четыре высокие башни с бойницами, а над воротами в остроге возвышалась 5-я башня. Пелымские жители его только тогда видали, когда он с супругою прогуливался по стенам, коих каждый фас простирался на 30 сажень... В остроге, кроме низменного дому и маленькой караулки, не было никакого другого строения. В сем доме жил Миних с частью своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирам в Пелыме... днем все имели свободный пропуск в острог, но по пробитии вечерней зари ворота оного запирались»[5]. Караул осуществляла команда из 18 человек под началом офицера Сибирского гарнизона.

Миниху с его верной Барбарой-Элеонорой суждено было прожить в Пелыме двадцать лет, до 18 февраля 1762 года. Опальный граф мог неторопливо воспроизвести в памяти основные факты своей биографии: детство в местечке Нойен-Гунтоф в графстве Ольденбург, входившем тогда в состав Дании; службу в гессен-дармштадтском корпусе и участие в войне за испанское наследство; французский плен и пребывание при дворе польского короля. Переехав в Россию в 1721 году, он быстро продвинулся по службе — в 1728 году пожалован в российские графы и назначен петербургским губернатором, в 1732 году стал прези-

дентом Военной коллегии и генерал-фельдмаршалом. Затем — блестящие победы под Данцигом и Ставучанами; придворные интриги, в которых он выказал не меньшее искусство; наконец, крах...

Однако Миних не опустил рук. Он добился разрешения вести переписку, обращался с посланиями, проектами и предложениями к императрице, наследнику престола Петру Федоровичу, канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, графу А. Г. Разумовскому, своему брату обер-гофмейстеру двора барону Х.-В. Миниху[6]. Бывший фельдмаршал активно занимался хозяйством. «...Читал и писал много, работал в маленьком саду, который в остроге развел, где любил сеять разные травы и цветы, также собственными руками насадил много дерев, кои впоследствии переросли и самые башни острога... держал много рогатого скота, для коего откупались луга, и своими работниками ставил сено, часто для сего же предмета делал и так называемые помочи, т. е. приглашал несколько десятков мужиков и баб на свою работу и потом вместо платы их угощал, — сообщал со слов Казанцева Бригтен. — ...В сем случае накрывали столы на дворе острога, и Миних с супругою своею, которая никогда ни на шаг от него не отходила, с высоты стены острожной приветствовал своих гостей, приказывал их потчевать, смотрел на их пляски и прозабавы и громко и от всего сердца смеялся, глядя на их проказы». В короткие зимние дни опальный граф перебирал и сортировал семена, вязал сети, «дабы тем вовремя навозные и другие огородные гряды от птицы, кур и кошек прикрывать». Жена шила и латала одежду, постельное белье, столовые скатерти и салфетки. В 1746 году пелымский узник писал брату: «...по истине могу Вас обнадежить, что нам ныне пятой год в нашей ссылке еще ни единого часа времени долго не казалось». Хозяйственные «упражнения», помимо прочего, служили существенным подспорьем для домашнего бюджета: хотя «кормовых» денег выдавалось немало (Миниху с женой по 2 руб. в день, каждому служителю по 3 руб. в месяц, пастору 150 руб. в год), все же их не хватало.

Люди, которые знали Миниха по Петербургу, писали о нем немало и лестного, и дурного. Личный адъютант фельдмаршала Х. Г. Манштейн вспоминал: «Граф Миних представлял собою совершенную противоположность хороших и дурных качеств: то он был вежлив и человеколюбив, то груб и жесток; ничего не было ему легче, как завладеть сердцем людей, которые имели с ним дело; но минуту спустя он оскорблял их до того, что они, так сказать, были вынуждены ненавидеть его. В иных случаях он был щедр, в других скуп до невероятия. Это был самый гордый человек в мире, однако он делал иногда низости; гордость была главным его пороком, честолюбие его не имело пределов, и, чтобы удовлетворить его, он жертвовал всем»[7]. Однако в памяти жителей Пелыма запечатлелся совсем другой образ. Тот же Казанцев уверял, что ссыльный вельможа «щедро платил крестьянам за работы и ласково обходился с нами. Пелымцы долго вспоминали о нем с любовью; отцы рассказывали детям, как он был милосерд к несчастным; мы все жалели о себе, когда он оставлял Пелым; говорят, прежде он был строг, а мы видели только его доброту». Он обучал пелымских ребятишек грамоте, оказывал нуждающимся материальную помощь. О жене графа составилось мнение, что она была «женщина чрезвычайно добрая... очень любила, снабдив хорошим приданым, выдавать крестьянских девушек замуж и обыкновенно сама наряжала их под венец, таким образом облагодетельствовала она здесь многие семейства».

Разные объяснения можно давать поведению петербургских изгнанников. Вполне допустимо, что Миних просто умело играл роль доброго «благодетеля». А может быть, в очередной раз оправдалась та истина, что страдания облагораживают человека.

Опальный фельдмаршал неоднократно обращался и к самой императрице, и к ее приближенным с просьбами о возвращении свободы. Но Петербург не реагировал. Только после смерти Елизаветы Петровны пришло освобождение — 17 января 1762 г. Петр III приказал вернуть из ссылки и заточения оставшихся в живых политических противников своей тетушки. 10 февраля курьер привез в Пелым указ об освобождении Миниха, а через 8 дней 78-летний граф и его супруга прощались с пелымцами. Казанцев вспоминал: «В день отъезда своего из Пелыма Миних в дорожном экипаже (это было зимою) три раза объехал Пелым, спускаясь же на реку, простился с жителями, которые в большом числе при спуске собрались: «Простите, мои пелымцы, вот и старик Миних со своею старухою от вас уезжает». «Прости, отец ты наш родной!» — закричал ему народ вслед, многие стали на колени». На радостях бывший узник раздал все свои пожитки местным крестьянам.

Скоро февральская метель замела и след от экипажа, уносившего в Петербург счастливых супругов. А в маленьком северном городке во время вечерних бесед еще долго перебирали даже мельчайшие детали из жизни ссыльных «знаменитостей». «Прочитав в «Северной пчеле», что портрет славного Миниха отыскали в церкви св. Петра в Петербурге, — писал Бригтен А. Е. Розену 15 ноября 1833 года, — ...я не мог удержаться, чтобы не схватить шапку и отправиться поклониться тому месту, на коем стоял дом, в коем знаменитейший изгнанник, покоритель Данцига и Очакова, здесь 20 лет прожил; на священном сем пепелище теперь мирно растет и завивается капуста, место бывшего острога, в коем он безвыходно заключался, занято огородами, видно только основание одной печи, на остатки коей я всегда с почтением взираю, ибо душевно уважаю мужа, который оказал столь великие и бессмертные услуги отечеству»[8].

Екатеринбург

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский В. О. Соч. в 9-ти томах. М., 1989. Т. IV. С. 272.
2. Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 252.
3. Воспоминания пелымского старожила//Маяк. 1842. Т. 2. № 4. С. 89.
4. Бригтен А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 104.
5. Там же. С. 106—107.
6. См. подробнее: Зуев А. С., Минеико Н. А. Секретные узники сибирских острогов (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1992. С. 117—124.
7. Манштейн Х. Г. Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 г. СПб., 1875. С. 238.
8. Бригтен А. Ф. Указ. соч. С. 105—106.

Представляем журнал «Современные записки»

РОССИЯ В ИЗГНАНИИ

Когда-то, в двадцатые, кажется, годы, П. Б. Струве с горестью сказал о двух Россиях — «в страдании» и «в изгнании». Со второй половины восьмидесятых та, что находилась «в изгнании», начала постепенно возвращаться. Но и сегодня есть еще немало таких мыслителей, которые, по сути, продолжают пребывать «в изгнании». Нередко это как раз самые необходимые. К таким самым необходимым, безусловно, принадлежит Петр Михайлович Бицилли (1879—1953), филолог, литературовед и литературный критик. Политический мыслитель. И, как все в России, — историософ.

Сотрудничество с журналом «Современные записки» оказалось важным событием в жизни П. М. Бицилли. Это было, наверное, лучшее русское печатное издание 20—30-х годов. «Современные записки» выходили в Париже с 1920 по 1940 год. Свет увидело семьдесят книжек. Журналом руководили известные политики и публицисты эсеровского направления — М. В. Вишняк, В. В. Руднев, Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фондаминский и, до своей смерти в 1925 году, А. И. Гуковский. На страницах «Современных записок» печатались люди самых разных политических и мировоззренческих ориентаций. Не было только крайне левых и крайне правых. Зато была лучшая поэзия, лучшая проза, лучшая публицистика, лучшая история, лучшая философия «России в изгнании». Причем как тех, кто уже «состоялся» до революции, так и тех, кто в двадцатые и тридцатые только начинал.

Вот только некоторые имена: Бунин, Цветаева, Набоков, Ходасевич, Вяч. Иванов, Газданов, Шмелев, Зайцев, Бердяев, Шестов, Федотов, Флоровский, Степун, Карсавин, Мережковский, Н. Лосский, Зеньковский, Вейдле, Ремизов, Муратов, Мочульский, Алданов, Осоргин...

И в этом ослепительном ряду имя П. М. Бицилли никак не меркнет. Он был одним из самых плодовитых авторов «Современных записок». Когда читаешь этот журнал (а мне в одном из заграничных «спецхранов» достался почти новый, почти никем не читанный комплект, и было какое-то сюрреалистическое ощущение себя — первым читателем «Дара», себя — участником всей этой сложной и трагической русской-европейской, парижской жизни), «П. М. Бицилли» мелькает чуть ли не чаще всех остальных. И причина этому, конечно, не одно лишь невероятное — «на разрыв аорты» в прямом, не поэтическом смысле — трудолюбие Петра Михайловича. «Современные записки», с известными оговорками и известными историями (глава о Чернышевском, редактирование Федотова, Шестова, Цветаевой), были все-таки журналом, пользуясь языком начала века, поверх «направленства». Или — стремились им быть.

Дело не только в том, что авторами «Современных записок» были люди разных взглядов. Журнал явился как бы лабораторией, в которой отечественная мысль и отечественная культура вырабатывали свое новое содержание, облик и форму. В сфере философско-исторической, социально-политической, правовой и хозяйственной русский ум пытался освободиться от обветшалых и ставших ему узкими «железобетонных» идеологий — неонародничества, марксизма, кадетизма и т. д. Рождался новый тип мыслителя и ученого. Таковым (по преимуществу) и становился П. М. Бицилли. Вот почему он оказался в «Современных записках» к месту и ко времени — как говорят англичане, the right man on the right place.

Вместе с традиционными для него темами (историческими, литературными) П. М. Бицилли обращается в журнале к культурологической и политологической проблематике. Постепенно в центре его внимания оказывается вопрос о политической культуре, которому посвящена и публикуемая ниже статья «Нация и государство».

Как и подавляющее большинство других эмигрантских авторов, П. М. Бицилли писал свои работы («Нацию и государство» — тоже), исходя из предположения, что когда-нибудь большевизм рухнет и русскому народу понадобится выбираться из той пропасти, в которую он свалился. Поэтому необходимо продумать, во-первых, почему свалился, и, во-вторых, что делать теперь. Далее. Статья эта — многосоставная, сложная по содержанию, густая. В ней затрагивается традиционная для нашей мысли тема о специфике исторического пути России. Но вот решается она весьма нетрадиционно. По существу, П. М. Бицилли порывает с очень влиятельной и в общем-то господствовавшей у нас «славянофильско-народнической» трактовкой проблемы соотношения «земли» и государства, культуры и политики, нации и государства. Причем не только порывает, но и принципиально по-новому толкует эти понятия, всю эту тему. Здесь у него лишь один прямой предшественник — П. Б. Струве.

Но следует также признать, что многое, о чем говорит П. М. Бицилли, мы, в свете нашего опыта, видим сегодня иначе. Проблема «нация — государство» требует другого языка. Его еще не было у П. М. Бицилли, нет в полной мере и у нас. Выработать язык, адекватный нашему уникальному опыту, язык, с помощью которого мы сможем более или менее точно описывать социальную действительность, — первостепенная задача отечественной науки. Одним из первых ее начал решать в двадцатые годы Петр Михайлович Бицилли.

ЮРИЙ ПИВОВАРОВ

ПЕТР БИЦИЛЛИ

НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

Нация есть объективирующаяся в культурных ценностях Идея, она есть творческое становление Идеи.<...> Нация оказывается неизбежно в каком-то разладе с собственным оформлением. Это оформление не есть сама Нация. Не может быть Нации без Государства, но Государство может быть и без Нации: есть государства и не национальные. Государство есть базис национальной культуры, но само оно — не есть Культура. Если сфера «чистой» Нации есть Культура, то сфера «чистого» Государства есть — Политика.<...>

Чем более «зрела», чем более «завершена», «готова» Нация, тем крепче она связана со своим оформлением. Чем сознательнее жизнь Нации, т. е. чем больше людей, образующих ее, втянуто в процесс национального становления, тем, естественно, живее их участие и в «политике». Не то чтобы здесь было больше «политиканства», больше желающих попасть в парламент и т. п.; но у такого народа сильнее чувство, что государство есть «res publica», выше «пафос государственности». В пределе всякое национальное государство есть демократия. В демократии, т. е. «готовом» Национальном Государстве, в котором «Нация» и «Государство» существуют «сращенно» (конкретно), образуя одно живое целое, различия между сферами «Культуры» и «Политики» не так бросаются в глаза, — именно потому, что «культура» здесь уже значительно «политизирована» и, в конечном итоге, как-то умалена. У Нации «неготовой», «незавершенной» «политика» и «культура» существуют разобщенно, несращенно («дискретно»), распределяются даже между различными социологическими пластами. И здесь особенно удобно наблюдать внутреннюю сущность этих величин, поскольку она раскрывается у каждой в своих тенденциях. Россия была таким «неготовым» национальным образованием, самым «неготовым», наименее «законченным» в Европе. В России «Государство» и «Нация» («общество») были разобщены не только с социологической точки зрения («общество» — почти исключительно «оскудевшее», деклассированное дворянство и «третий элемент», — некое логическое monstrum, «внеклассовый класс»), но даже и пространственно, подобно средневековым «чинам» и «телам»: «Нация» («общество») пребывала преимущественно в Москве, «Государство» — в Петербурге. Принципом индивидуации русского культурного развития была наличность совершенно особой социологической категории: интеллигенции. «Интеллигенция» — слово «варварское», и наши нынешние охранители «чистоты» русского языка подвергают его гонению. Но пусть они попробуют заменить его каким-нибудь другим, отечественным, которое выражало бы то же самое. Недаром же теперь это слово привилось у французов и у англичан. Осмыслить свое иной раз возможно только тогда, когда это «свое» усмотрено в более развитом виде у «чужого». Элементы «интеллигенции» имеются всюду в Европе, но в полной мере начало «интеллигенции» раскрыло себя только в России. «Интеллигенция» — это «общество» в «чистом» виде; «общество» мало того, что отброшенное от себя налично существующим, «эмпирическим» Государством, само себя отделившее от Государства, отделившее внутренно, духовно. «Интеллигенция» жила, казалось бы, «политикой», домогалась государственной власти, но, отнюдь не будучи вся целиком «анархической» (вообще, толки об «анархичности» «русского человека», а то и «славянина вообще», как о «национальном» или «расовом» свойстве, — просто глупость), она мечтала о какой-то «безгосударственной государственности», о «политике», которая бы нацело совпадала с «культурой». «Интеллигенция» была «чистой» Нацией, носителем «чистой» Идеи, которая, как таковая, в силу определения, всегда шире и больше эмпирически осуществившейся Нации: идея, сколь бы специфически национально ни было каждое единичное ее выражение, вместе с тем — и в том же самом выражении (а вне своих частичных выражений Идеи для нас не существует) и общечеловечна, универсальна: в Идее все люди потенциально объединяются, становятся братьями. Отсюда и ходячее представление о «ненациональности» русской интеллигенции. Интеллигенцию нередко сопоставляют с «Орденом». Это сопоставление очень удачно. Но что собственно под этим следует разуметь? Если то, что разумеется чаще всего — «идеализм», «жертвенность» и т. п., то слово «орден» будет не научным определением, а юбилейным комплиментом. Когда надо, ни у французов, ни у немцев недостатка в «идеализме» (в ходячем, нефилософском значении этого слова) и в «жертвенности» не оказывается, и они это засвидетельствовали в годы испытаний. Неверно и то, что наша интеллигенция сплошь была заражена каким-то «орденским», в смысле «сектантского», духом. И во всяком случае, если этот «дух» в ней и проявлялся, то это был «вторичный» и «производный» признак, — следствие постоянного риска для каждого хотя бы «легальнейшего» человека попасть в «нелегальное положение». «Ордена» в смысле сект существуют и в Зап. Европе: во всем англосаксонском мире. Здесь это именно «ордена», резко отграниченные сообщества, облюбовавшие, каждое, какую-либо одну, вполне выкристаллизовавшуюся форму объективации Идеи, с обязательным, закрепленным в систему понятий, в символику ритуала, мировоззрением; и здесь эти «ордена» существуют уже не в «обществе», а вне его, и вне положно друг относительно друга. Таким орденом русская интеллигенция, конечно, не была. Характерен факт постоянных и ожесточенных столкновений между «направлениями и течениями» внутри этой интеллигенции, — а какие возможны споры между «эсперантистами» и «антропософами»? Эти «интеллигентские» споры лучше всего показывают, что была какая-то общность между отдельными частями интеллигенции, — и именно общность мировоззрения, которое в интеллигенции доминировало над «программами» и «партийными credo». Что же такое было это общее, это specificum[1] русского «интеллигентского» мировоззрения? Это было именно то, благодаря чему вся интеллигенция, без какого-либо сговора, не добиваясь этого, стала «орденом»: ригористическое отношение к Идее, недопущение никаких компромиссов по отношению к ней, а следовательно, и неизбежная слепота по отношению к государственности и к «политике». В этом нет никакой «национальной» — в ходячем, ненаучном смысле этого слова — т. е. «этнической» или «расовой» — особенности русского народа. Эти черты есть не что иное, как выражение все той же «незавершенности» русского национального развития. Тому, что русское «Общество» было «чистым» Обществом, что его мировоззрение было не то чтобы сознательно «политичным» (как раз наоборот), но бессознательно «мета-политичным», соответствовало то, что Государство в России было «чистым» Государством, что русская государственность не просветлялась Идеею и что оно само обособило себя от «Общества». И опять-таки: и эта черта не была какой-либо специфически «расовой» или «национальной», — нужды нет, что апологеты русской самодержавно-бюрократической государственности как-то связывали ее с «народностью». Проблема пресловутой «оторванности» русской интеллигенции от «народа» с давних пор занимала русскую общественную и историческую мысль. Гораздо менее внимания привлекал к себе факт другого рода «оторванности» — Власти от Общества. О нем много говорилось как о главном пороке русской жизни, но его генезис как-то ускользал от исследования. Мы здесь имеем перед собою некоторое явление общего порядка. Было время, когда и Россия и Западные Государства были в большей степени Национальными Государствами, нежели впоследствии. В средние века государи были прежде всего военными вождями, и, как таковые, как предводители, лично водившие «народы» против внешних врагов, они были в известной степени национальными вождями. «Шарлемань», Фридрих Барбаросса, Эдуард Исповедник, Людовик Святой были мифическими величинами, воплощениями идеи Нации. Затем, когда жизнь усложняется, когда военный вождь становится правителем, а «дружина» «двором» или «штатом», когда «спутников» и «пэров» Государя вытесняют его «слуги» («министры»), когда Государство ставит себе «полицейские» задачи, «народы» обращаются из соучастников в общем деле в объекты «попечения», тогда первобытное стихийное единство Нации распадается, чтобы затем восстановиться уже при воздействии снизу — путем Революции. У нас Революция сорвалась в 1825 г. — и власть, слишком легко расправившаяся с нею, застыла в упоении призрачным всемогуществом. «Общество», окончательно и, казалось, бесповоротно вытесненное из «Государства», никак не соприкасавшееся с «политикой», превратилось в «интеллигенцию», орден адептов «чистой» Идеи. Крайне напряженное развитие Нации, могучий рост ее великодержавности, стремительное образование Великой России, мировой Империи, и пышное расцветание ее Культуры, — эти две линии одного и того же процесса национального развития тянутся, нигде не соприкасаясь и словно в разных плоскостях. «Общество» мало того, что проявляет, после 25 г., полнейшее равнодушие к проблеме государственной мощи, оно просто ее не видит. Из двух «политик», внешней и внутренней, интеллигенция признает только вторую, которая, взятая в отвлечении от первой, перестает уже быть «политикой». В XVIII веке мы еще имеем примеры наивного, «средневекового» «пафоса государственности», при котором Государство и Нация отожествляются с Государем. Такой «пафос» присущ Ломоносову, Державину. Но уже автор Полтавы, Медного Всадника, Клеветникам России не способен к державинскому «восторгу». Величайший национальный поэт просто приемлет факт русской государственности, как он приемлет жизнь вообще, трезво и мужественно, не обольщаясь на ее счет и преодолевая ее трагизм поэзией, «отделываясь от нее стихами», не «оправдывая» ее, но внося в ее хаос свою меру и свою гармонию. Поклонник «чистой» государственности и «охранительного» насилия, К. Леонтьев увлекался преимущественно эстетическими соображениями. Остальные из русских «интеллигентов», не отвращавшихся от «политики» и ценивших великодержавность, Ив. Аксаков, Достоевский и даже дипломат (неудавшийся) Тютчев, обращались с соответствующими вопросами чисто по-«интеллигентски»: внешнее могущество России превозносилось ими постольку, поскольку оно требовалось ее «миссией» — реализовать Идею, «спасти» коснеющее в грехе и в ереси человечество. Замечательно, что факт роста России, ее обращения в такое же «мировое царство», как Британская Империя или Америка, факт, — как бы его «философско-исторически» ни оценивать, — первостепенный, колоссальный по значению сам по себе, был все равно что просмотрен и русской исторической наукой. Отмечено было только одно: что «государство пухло, а народ хирел». Именам великих «политических» историков Запада, Ранке, Дройзена, Сореля, Сили, мы не можем противопоставить ни одного русского имени. Милюков прав, считая, что русская историческая наука началась с реакции против Карамзина. Превратить донаучную «историографию» Карамзина в науку политической истории у нас никто даже не попытался. И в этой области, следовательно, сказывается все тот же общий факт: распад русской нации в XIX в. на ее антитетические моменты, «Государство» и «Общество».

История России — многовековой процесс ее неуклонного роста, среди постоянных и страшных войн, история беспримерного напряжения народных сил на службе Государству; «государственное», «политическое» постоянно вторгались в народную жизнь, и тем не менее — как-то не проникали в народное сознание, не овладевали народной душой, остались для нее какой-то посторонней, чуждой сферой. Люди подвергались государственному воздействию, не переживая государственности. В этом — коренное отличие России от Европы. Для «среднего» европейца «государство» и «общество», «политика» и «идеи», при всем внутреннем антагонизме этих величин, все же как-то объединяются в сознании, переживаются совместно. Конфликты между ними разрешаются при помощи взаимных уступок, благодаря чему начало «Нации» в Европе осуществляется полностью. Каждый человек — «гражданин» и каждый, сколько бы он ни презирал «политику», так или иначе вовлечен в нее. Есть, разумеется, и в Европе люди, глядящие выше «политики», но целой общественной категории, которая бы видела свое назначение в противопоставлении Идеи «политике» и которая бы почти нацело совпадала со всей массой людей, живущих сознательной жизнью, — подобной общественной категории в Европе нет и не было.<...>

Задаваясь вопросом, почему в России не осуществилась «конкретность» нации, сращенность Государства и Общества, мы не столько спрашиваем о «причине», сколько стараемся подойти к более ясному усмотрению индивидуальных свойств предлежащего нам процесса русского исторического развития. Одним из наиболее близко подошедших к этому историков был Милюков. В своих Очерках по ист. русск. культуры Милюков поставил наново тот вопрос, о котором я говорил выше, — об «оторванности» русской интеллигенции от «народа». Милюков признает, что этот «разрыв совершился в России в области верований», и совершенно правильно замечает, что это обстоятельство «не составляет еще какого-либо отличия ее от других стран. Отличие заключается в том, как этот разрыв у нас совершался». Далее следует блистательная параллель между западной Церковью и западной религиозностью и русской. На Западе Милюков останавливается на двух типах развития: французском и английском: и там и тут Церковь была могучей духовной силой — с той разницей, что французский католицизм проявил чрезвычайную непокладистость и нежелание приспособить себя к новым запросам духа, когда они появились во Франции, тогда как английская церковность отличалась большой «гибкостью форм». Русское православие не совпадало с язычеством так, как католичество. Оно не ассимилировало его себе, оно и не истребило его, а потому и не сыграло той культурной, воспитательной роли, какую выполнило западное христианство. Не выполнив же этой роли, оно и само оскудело: «в обществе, которое должно было еще приучиться хотя бы к соблюдению внешних форм религиозности, вера должна была приобрести характер обрядового формализма». В соответствии с этими историческими воззрениями Милюков дает такую сравнительную характеристику современного отношения западного человека и русского к национальной вере: «...образованный англичанин до сих пор любит свою религию, ...образованный француз иногда до сих пор ее ненавидит, а иногда... мечтает о ней, как о потерянном рае... Образованный русский, в большинстве случаев, относится к своей вере совершенно безразлично». В построении Милюкова особенно ценно и значительно признание обусловленности каждой национальной культуры национальной религией, как и понимание того, что неизбежное перерастание вероисповедных рамок у каждого народа совершается по-своему и что в этом и заключается principium individuationis[2] его культуры. Но та сравнительная характеристика, из которой я сделал выписку, представляется мне не вполне точной. Во-первых, мне кажется, что, говоря здесь и во всей этой главе Очерков о национальной вере, Милюков не разграничил понятий вероисповедных форм и самой религии, которая формами не исчерпывается и целиком в них не вмещается. Что собственно «ненавидит» современный образованный француз? «Веру» ли, как утверждает Милюков? Чаще всего, не «веру», но «la pretraille»[3]; к вере же относится скорее именно безразлично или же с холодным любопытством скептика. Что касается русского, то он, как раз наоборот, «безразлично», относится — к духовенству, к обрядности, к «бытовому исповеданию»; к религии же проявляет скорее страстное отношение. Разумеется, надо условиться, кого собственно следует, при построении таких характеристик, иметь в виду, говоря об «образованных» русских, французах, англичанах.<...> Во Франции немногим несчастным, духовно-бесприютным людям противостоит сплоченная масса истинных представителей трезвого, ограниченного, но блестяще-умного и острого «латинского гения», потомков Монтеня и Энциклопедистов, продолжателей «классической» традиции: они-то и суть духовные вожди коллективного «образованного француза», который ни о каком «потерянном рае» не мечтает. Для Франции и здесь характерна непрерывность традиции, «органическая эволюция» духа — от традиционной веры к «светской» культуре. Трагизм же русского развития сказался как раз в том, что «интеллигенция» была здесь «оторвана» не только от «народа», не только от «власти», но и — от духовных вождей русской Нации, которые, тем самым, оказывались вождями без войска. Однако в эту общую формулу необходимо внести ряд коррективов. Дело обстоит неизмеримо сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Во-первых, надо отрешиться от упрощенного представления о русской «интеллигенции» как о каком-то «идеологически» однородном коллективе. Слишком часто, смешивая понятия и исторические моменты, ставят знаки равенства между величинами: «интеллигенция», «социализм», «марксизм» (материализм, атеизм, антирелигиозность). Не всегда русская интеллигенция была социалистической, и не вся русская социалистическая интеллигенция была марксистской. Во-вторых, нельзя к таким величинам, как «дух» или «гений» целого общественного слоя, подходить по-«следовательски», формально.<...> Для меня большой вопрос: была ли действительно безрелигиозность и даже анти-религиозность общей тенденцией, направлявшей развитие русской интеллигенции?<...> Важно не то, что «социализм» не исключает «религиозности» — это само собою понятно<...>, а то, что такое сочетание этих якобы несовместимых вещей действительно имело место у целого ряда вождей русской интеллигенции. Это весьма показательно и заставляет внимательнее присмотреться к тому, что отличает русскую «интеллигенцию» от «образованных французов». Надо поставить вопрос: как собственно люди делались и делаются у нас «интеллигентами», во Франции «образованными». Русский «интеллигент» и «образованный француз» — оба продукты школы. Русская школа была конфессиональной, французская школа — светская. Она дает французу, проводя его через education morale et civique[4], через соответствующие учебники, в которых, даже на начальной ступени, нравственные предписания сопровождены ссылками на §§ Гражданского Кодекса, законченное, выраженное в системе понятий и норм, закрепленных юридическими «санкциями», мировоззрение, мировоззрение по существу национально-демократическое и «светское», «позитивистическое», без- и даже противо-религиозное.<...> Русская «конфессиональная» школа обучала различным «учебным предметам», в том числе и «Закону Божию», который был тоже только таким «предметом» и к которому учащиеся поэтому относились точно так же, как к «словесности» или «чистописанию», т. е. в лучшем случае безразлично. Ни религиозного и никакого другого мировоззрения эта школа не давала. Духовного голода русскому человеку, прошедшему через школу, утолить было нечем. Известно, что как раз те «предметы», на которые эта школа особенно налегала и которые она подносила, предварительно вышелушив из них те ценности, которые с ними связаны, вызывали к себе у учащихся наиболее враждебное отношение. Кто хоть немного возвышался над «средним уровнем», того, как общее правило, и затягивал «орден». Люди, хоть сколько-нибудь религиозно-одаренные, т. е. способные томиться душой по чему-то, пусть и смутно сознаваемому, высшему, увлекались той идеологией, от которой не пахло набившими оскомину «учебными предметами». «Интеллигентская идеология» была для русского человека идеологией par excellence[5], через нее он впервые соприкасался с Идеей. Выбор оттенков в «идеологии» был чаще всего случайным: человек делался «марксистом» или «народником», смотря по тому, в какое «землячество» он попадал. «Безрелигиозность» рядового русского «интеллигента» далеко не всегда была тем же самым, что и безрелигиозность «образованного француза»: не результатом вековой эволюции в соответствующем направлении, но своеобразным выражением религиозного в своей основе томления. Подлинно образованный француз знает, что такое религия, и, зная историческую роль своей религии, сознательно становится против нее. Образованный русский за «законом божьим» не видел религии и потому нередко, когда его тянуло к религии, брел к ней через что угодно, лишь бы не через «закон божий». Параллели Милюкова я бы противопоставил, таким образом, следующую: англичанин (и немец) отходили от «исторической» веры вместе с постоянно преобразовывавшейся, постоянно менявшей свое религиозное содержание и отходившей от того, что в вере принадлежит «истории», Церковью; француз, отходя от Церкви, отходил и от веры; русский, отходя от Церкви, зачастую уносил с собою веру или — отправлялся в скитанья на поиски веры.

Эти различия в ходе и в смысле «секуляризации» культуры в России и на Западе связаны с различиями в судьбах обеих Церквей. Укажу прежде всего на отличие русской Церкви от Западной по структуре. Для западной Церкви характерно то, что она была в своей основе церковью монашествующих. «Светский клир» в средние века стремился приблизиться к монашествующему, как к своей норме. Недаром слово «religiosus» обозначало монаха. Поэтому реформация, уничтожив монашество, обратила клир в «общественный класс» как все прочие, в часть «общества», и Церковь — в «гражданский институт», такой же как суд, школа, армия, законодательная палата. Католическая же Церковь, как целое, в своей «идее» пребыла навсегда «вне» гражданского общества, «над» ним, «по ту сторону» от него, — в то же время стремясь охватить его со всех сторон, воздействовать на него извне, регулировать всю его деятельность. Для восточной Церкви характерно резкое разделение ее на «белое» и «черное» духовенство. В противоположность Западу, где монашество, т. е. в сущности вся Церковь, обособляясь от гражданского общества, жило и действовало среди «мира» и для «мира», Церковь восточная предоставила эти функции единственно «белому» духовенству во главе с призрачными монахами, иерархами, извлеченными из монастыря. Монастырь же стал здесь «скитом», «пустынею», поместился не только вне «мира», но и пространственно и духовно вдали от «мира» и — от всей остальной Церкви. В результате Церковь, оскудев духовно, стала частью «быта», а с XVIII в. еще кроме того и «ведомством», органом государственного «усмотрения» и орудием государственного «воздействия», впрочем, только весьма второстепенным и т. сказ. подсобным.<...>

Так на судьбах русской Церкви обнаруживается та же двойственность русского культурного процесса, о которой говорилось выше, — та же «дискретность» «сущности» и «внешнего оформления», «духа» и «материи», Культуры и Государственности, «Идеи» и «политики», — подобно тому как на судьбах Церкви Западной обнаруживается их «конкретность», сращенность.<...> Благодаря Церкви и созданной ею цивилизации (в буквальном смысле слова, т. е. «гражданственности»), в Европе установилось известное соглашение между «политикой» и «культурой», при котором «народы» никогда не обращались исключительно в материал для осуществления «поли-

тических» целей, при котором, следовательно, «политика» никогда не угрожала уничтожить то, ради чего она возникла, ради защиты Нации, никогда не стремилась ввергнуть последнюю снова в состояние безликого и сплошного «народа». Вновь настаиваю на том, что, ставя особенности русского национального развития — в его отличии от з.-европейского — в связь с структурою и духом русской Церкви, я не хочу сказать, что последнее было «причиной» первого в том смысле, в каком можно говорить о географическом факторе (громадность русской территории, слабая населенность, отсутствие сообщений и сравнительно небольшой размер территорий западных государств, сравнительно резкая очерченность «естественных» границ, удобство внутригосударственных сношений) как о «причине» различного хода культурного процесса у нас и на Западе. «Географическая среда», сколько бы ни испытывала она на себе воздействие со стороны человека, все же противостоит ему, как нечто «мертвое», «косное» и относительно «неподвижное», тогда как «общество» поддается наблюдению исследователя только тогда, когда он взглянет на него как на живой процесс.<...> Поэтому лишь условно и в целях чисто описательных можно говорить о «влиянии» Церкви на культуру, ибо «Церковь» сама есть часть «культуры». С этой оговоркой мы и вправе говорить о воспитательной роли Церкви на Западе, как и о том, что в России Церковь такой воспитательной роли не сыграла. А констатировав это, тем самым констатируем и то, что основным пороком русского развития было бесправие, господство в отношениях между властью и народом «чистой политики» без умеряющего влияния «цивилизации», которой Россия, при всей высоте ее культуры, не знала никогда. Наиболее разительно это сказалось после Революции. В терминах, смысл которых я пытался раскрыть здесь, это можно выразить так: сознательно поставленной в октябрьскую революцию целью было — полное вытеснение «Государства» «Обществом» и «политики» — «культурою» (Идеею). Для достижения же этой цели сперва одна часть народа, затем, по прекращении гражданской войны, уже весь народ был поставлен в положение «внешнего» врага, так, как это было при Иване Грозном. Другими словами, «политика» получила безраздельное господство. А тем самым Идея, которая номинально восторжествовала, обратилась, сохранив всю символику и свои формы реализации, в свою противоположность. Всего чаще это истолковывают так: Идея с самого начала была Идеей только по внешности, ибо всякая подлинная Идея есть лик Истины, Бога. Идея же социализма, «земного рая» есть идея анти-религиозная, анти-христианская, антихристова, отрицание Идеи. На это следует ответить, что в основе Социализма лежит вовсе не мечта о «земном рае без Бога» и вообще не какая-либо иная мечта, но нравственный постулат, постулат социальной справедливости. Это вытекает из раскрытия понятия Социализма, взятого в своем самом общем значении, — и никакого иного «обоснования» поэтому и не требует. Перерождение же Идеи социализма в мечту о «земном рае» — это и есть тот переход Идеи в свое отрицание, о котором я говорил. Говорят далее, что такое вырождение Социализма характерно именно для Запада и что, с этой точки зрения, Октябрьская Революция являет собою «отпадение» русского народа от национальной культурной традиции, вернее, кару за такое отпадение, совершившееся уже много ранее. Не касаясь уже того, что о «влияниях», когда речь идет о культурных процессах, можно говорить столь же условно, как и о «причинах», следует задаться вопросом: пусть теоретически перерождение социализма в антихристовый бред произошло уже на Западе; почему же первый — и пока единственный — опыт реализации этого бреда произошел как раз в России? И кто добросовестно отправится на поиски «причин» этого, придет в конце концов к усмотрению тех индивидуальных особенностей русского культурного развития, которые я формулировал как «дискретность» «политики» и «культуры», или, что то же, Государства и Нации.

«Современные записки», № 38, 1929.

ПРИМЕЧАНИЯ ПУБЛИКАТОРА

1. Специфика.
2. Принцип индивидуализации.
3. Попы, духовенство (*презр.*).
4. Моральное и гражданское воспитание.
5. По преимуществу, преимущественно.

Публикация ЮРИЯ ПИВОВАРОВА

Фото Геннадия Бодрова

АНАТОЛИЙ АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук

КОНТУРЫ ИДЕОЛОГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье доктора философских наук Анатолия Аверьянова много бесспорных истин: «Все люди должны быть равны перед законом»; «Ни один этнос, ни один народ не может претендовать на превосходство над другим»; «Важно учитывать историческую традицию». Но эти бесспорности сочетаются в статье А. Аверьянова с формулировками вроде «чуждой идеологии», «разлагающего влияния», «культурно-нравственных диверсий» Запада, а также «могучего государства», которое нас от этих диверсий убережет и с «низкопоклонством» покончит — в том числе и с помощью цензуры.
Многие читатели похолодеют от таких формулировок, но, будем надеяться, разберутся в них. Разберутся и в том, действительно ли западное общество выстроилось на чистом «культе наживы», действительно ли в России, давшей миру Разина, Пугачева и Пестеля, не было «ни одной революции», действительно ли Протагор был так уж безграмотен.
И все же мы печатаем статью А. Аверьянова. Почему? Отчасти он сам объяснил это: «Есть большая группа людей в любом обществе, которая не способна к риску, предпочитает регламентированный и размеренный образ жизни». Имеют право. Продолжая эту мысль А. Аверьянова, скажем так: есть большая группа читателей, думающих так же, как он. Их точка зрения тоже должна быть отражена на страницах журнала. Потому и печатаем.

Опыт последних лет показал бесперспективность как разгула стихийности, так и сознательной, но жестокой шоковой терапии. По существу, сегодня народы России находятся в состоянии национальной катастрофы. И как это уже не раз бывало в нашей истории, для возрождения необходимо иметь объединяющее духовное начало — важнейшими частями которого являются целеустремленность и идеология.

Сегодня великой целью для русского и других народов бывшего СССР является восстановление могучего государства и построение общества социальной справедливости.

Наши народы веками жили вместе, и это доказало их национально-культурную совместимость. Казаху и русскому, азербайджанцу и украинцу, всем народам бывшего Союза одинаково чужды и цивилизация Запада, и образ жизни Востока. Мы создали свою оригинальную цивилизацию и в ее пределах чувствуем себя дома. Только мы способны совершенствовать свой общий дом, и никто более.

Цивилизация Запада противоположна цивилизации, сложившейся на территории бывшего Союза. Если на Западе господствует культ наживы, силы, индивидуализма и эгоизма, то у нас издревле существовала взаимопомощь, взаимоподдержка, коллективизм, целеустремленность и духовность. Нажива была не самоцелью, а средством к существованию. Устремления людей были направлены преимущественно на укрепление государства, обеспечивающего безопасность граждан, а не на достижение индивидуальной свободы. Индивидуальная свобода формировалась в рамках государственной необходимости.

Как Запад, так и Восток (Япония, Китай, Индия, Пакинстан, Иран, Арабский мир) — особые культуры, с которыми культура народов бывшего Союза, находясь во взаимодействии, не может слиться воедино, как это, допустим, сегодня происходит с культурами Франции, Германии, Италии, Англии, Америки. И не потому, что разные уровни культуры, а по причине их этно-психологического отличия. В принципе ничего предосудительного в этом нет, если бы со стороны Запада не шла непрерывная и настойчивая силовая экспансия на Восток, и прежде всего в Россию.

Вот и сегодня чуждая нам идеология наживы ради наживы активно насаждается апологетами Запада в России и в республиках бывшего СССР. Эта идеология уже разъедает нашу нравственность, традиции, жизненный уклад, общественные и человеческие отношения. Если мы не воссоздадим сильное государство, то исчезнем с планеты Земля как особая, неповторимая культура.

Новое, восстановленное государство станет государством реализации идеи построения общества социальной справедливости. Оно обеспечит безопасность жизни граждан и свободу их деятельности, материальный достаток и духовное совершенствование. Сильное государство не допустит межнациональной и классовой междоусобицы, обеспечив действенность законов и системы волеизъявления народа. Сильное государство защитит духовный мир народа от разлагающего влияния агрессивных учений и культурно-нравственных диверсий. Это одна из составных частей великой цели русского и всех народов, входивших в СССР. Другая, неразрывно с ней связанная, — создание общества социальной справедливости.

Идея социальной справедливости живет в нашем народе издавна, имея в разных социальных группах разное толкование. Однако главное содержание справедливости как соответствия истине все понимают одинаково. «Поступай по справедливости», то есть согласно нравственным принципам Христа, а не по субъективному произволу, корысти, злобе, кастовости, социальной и административной иерархии.

Понятие о справедливости было искажено в СССР. Акцент был смещен на равенство как критерий справедливости. Если все, независимо от количества затраченного труда, меры ответственности, таланта и других отличительных качеств человека, будут получать примерно одинаковое вознаграждение, жить в одинаковых домах, одинаково одеваться, одинаково питаться, то такое состояние, по мнению многих, и есть высшая справедливость. Это глубокое и опасное заблуждение или сознательная ложь. Опасным заблуждением является и известный буржуазный, а точнее, мелкобуржуазный лозунг: свобода, равенство, братство. Потому, что невозможно всеобщее равенство — ибо всеобщее равенство есть смерть. Невозможно всеобщее братство, ибо никто не знает, что это такое. Невозможна всеобщая свобода — ведь мир взаимозависим, и никуда от этого живым не уйти.

Принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» успешно реализуется современным капитализмом. Принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» лишен и здравого смысла, и научного обоснования, ибо в скрытой форме таит в себе все тот же принцип всеобщего равенства.

Мир жив неравенством. Неравенство, конкуренция, соревнование, разность, многообразие — вот источник движения, развития, прогресса. Ни одно колесо не закрутит стоячая вода, а если на Земле сгладятся холмы и горы, то она превратится в гниющее болото, так как исчезнут реки, ибо им неоткуда и некуда будет течь.

Итак, неравенство — двигатель прогресса. Но нравственно ли это с точки зрения норм человеческого общежития? Как ни прискорбно, но мы должны признать, что неравенство есть положительная нравственная категория, тяготеющая к добру, а не к злу. Почему? Да потому, что неравенство и есть проявление высшей справедливости. Если я добросовестно учусь, набираюсь знаний, затем столь же добросовестно и творчески работаю, затрачиваю массу энергии, времени, умственных и физических сил, то разве справедливо будет оплачивать мой труд так же, как, скажем, труд человека, который ленится учиться, отлынивает от работы. Нет, это несправедливо. Если разный по затраченной энергии на приобретение квалификации и по интенсивности труд будет оплачиваться одинаково с трудом неквалифицированным, то их производительность в конце концов уравняется. И никакими призывами к долгу и совести невозможно побудить человека работать лучше, если оплата его труда не соответствует затраченной на него совокупной энергии (учеба, квалификация плюс текущая умственная и физическая работа). Мир развалится, если вводить всеобщее равенство. Такова реальность.

Однако неравенство предполагает равенство. И в этом нет противоречия, ибо без равенства теряет смысл само понятие неравенства. Равенство присуще мирозданию с такой же неумолимой силой изначального, природного закона его существования, как и неравенство.

И в человеческом общежитии равенство должно присутствовать как необходимый элемент жизни. Но в чем равенство? У каждого человека должны быть равные юридические права на участие в трудовой и общественно-политической деятельности, на социальную защищенность, на собственность и т. д. Иначе говоря, все люди, общественные структуры, в том числе и властные, должны быть равны перед законом.

Таким же образом мы должны вести речь о политическом и социальном равенстве всех групп и классов общества. Ни один класс, ни одна социальная группа не может претендовать на превосходство перед другой, и никто не может быть преследуем как социальный враг, кроме преступивших законы, охраняющие целостность и свободу народа.

Все социальные группы равны по своему значению в жизнедеятельности общества.

Не выделение роли одного класса, одной социальной группы, а предоставление прав проявиться творческим, инициативным людям из рабочих, крестьян, интеллигенции, духовенства, всех социальных групп общества — вот путь выхода из сегодняшнего далеко не простого положения нашего общества. Вместе с тем каждая социальная группа имеет право на самозащиту своих интересов и на такой уровень жизни, какой позволяет достигнуть ее творческий потенциал. Разумная дельта в уровнях жизни населения есть нормальное состояние общества и не является причиной классовой борьбы. В основе социальных конфликтов лежит нарушение социальной справедливости, то есть преступность, вседозволенность, игнорирование закона.

Искусство разумного взаимодействия состоит в умении самосохранять себя, сохраняя других, находить основы для взаимодополнения и взаимопомощи и не переходить границы здоровой, естественной конкуренции, за которыми наступает взаимоуничтожение. Борьба должна вестись не между классами, а с преступниками, нарушителями закона, независимо от их социальной принадлежности. При этом преступником следует считать и того, кто разжигает классовую вражду и потворствует ей. Классы и социальные группы могут и должны жить мирно при условии наличия разумных законов и механизма их реализации. Кроме того, должен быть создан и работать экономический механизм взаимопомощи классов и социальных групп.

Необходима ясность и в межнациональных отношениях. От природы равны между собой все нации и народности. Ни один этнос, ни один народ не может претендовать на превосходство перед другим. Национальные культуры автономны и взаимодополняют друг друга. Место нации, народности, этноса в историческом процессе зависит только от таланта и трудолюбия его граждан. Высшие достижения человеческого разума, морали, культуры являются достоянием всего человечества и, следовательно, составной частью культуры любого этноса. Каждый народ вправе защитить свою культуру и образ жизни от насильственного навязывания чуждых ему идей и идеалов. И в то же время никто не вправе препятствовать культурному, духовному сближению народов.

Национальная вражда, национализм должны быть признаны преступными деяниями и преследоваться по закону. Если национализм признан социально-психологической болезнью нации, то патриотизм, напротив, есть проявление здоровых начал народа. Он не противоречит и интернационализму, ведь патриотически сплоченная нация может внести более существенный вклад в цивилизацию, нежели народ, не имеющий своего «лица», своих интересов и своих достижений.

Одно из важнейших теоретических и практических положений, вытекающих из принципа единства неравенства и равенства в жизни общества, — признание многообразия форм собственности.

Формы собственности соответствуют различию социальной психологии индивидуумов. Есть большая группа людей в любом обществе, которая не способна к риску, предпочитает регламентированный и размеренный образ жизни. Они явно тяготеют к государственной форме собственности.

Другие же склонны к коллективизму, совместной ответственности за дело, добровольному взаимодействию... А значит, отдадут предпочтение форме коллективной собственности.

Третья группа людей может проявить себя лишь в самостоятельной работе. Они не терпят ни регламента государственной службы, ни коллективных ограничений. Наиболее приемлема для них частная собственность.

Для общества многообразие форм собственности — благо. В этом случае существенно снижается социальная напряженность, каждая социальная группа или индивид имеют возможность найти в общественном организме наиболее благоприятную нишу для своего существования. При этом важно, чтобы государственная собственность составляла бóльшую долю, нежели иные формы собственности. Наличие большого объема государственной собственности позволяет самортизировать неизбежные банкротства коллективных и частных предпринимателей в конкурентной борьбе.

Вместе с тем важно отметить, что все многообразие форм собственности в своей совокупности составляет национальную собственность народа или союза народов, образующих государство.

В общественных отношениях должны господствовать не личные амбиции и корпоративные интересы, а высшие цели государственности. Только так можно обеспечить стабильный, всесторонний прогресс общества.

Общество, государство, в широком смысле этого слова, может выйти из кризиса и иметь перспективу развития только в том случае, если будет организовано и упорядочено.

Порядок в государстве обеспечивается строгим соблюдением законности и не противоречит демократии. Конечно же, он ограничивает свободу, но ведь абсолютной свободы в природе не существует. Порядок предполагает сильную политическую власть и экономическую свободу. Такое единство и взаимодополнение — путь к прогрессу. Если правительство не может навести порядок в обществе, создать в нем приемлемые условия жизни, то его надо заменить.

Человечество за свою историю испробовало множество различных вариантов власти: олигархию, тиранию, демократию, аристократию, монархию, теократию, различные республиканские и смешанные виды власти, многообразие диктатур...

Чаще всего выбор народа останавливается на той форме власти, которая, во-первых, обеспечивает могущество государства, безопасность его граждан, представляет и защищает интересы всех социальных слоев, групп, классов, выступает гарантом законности, свободы волеизъявления в рамках Конституции каждого человека. Очевидно, что такая форма власти должна содержать в себе отдельные элементы большинства существовавших и существующих властных структур. При этом крайне важно учитывать историческую традицию и сложившуюся национальную психологию народа. Если взять русский народ, то он исторически ориентирован на сочетание твердой централизованной власти и местного самоуправления. При этом безразлично, кто будет представлять центр — индивидуум или коллегия, совет или система, состоящая из личности и коллективных властных структур. Важно, чтобы действия власти соответствовали вышеизложенным требованиям. Во-вторых, все части единой власти должны уравновешивать и взаимодополнять друг друга. По Конституции ни одна из них не должна иметь преимущества перед другой. Нарушение указанного принципа неизбежно приведет к узурпации власти, произволу и перекосу в общественном развитии. Власть полноценна и законна только в единстве своих частей (законодательной, исполнительной, судебной, контрольной, духовной). Отсутствие какой-либо из перечисленных частей в системе власти или подавление одной частью всех остальных — преступление перед народом, перед государством.

Организованность общества прямо влияет на психическое здоровье его людей. Сегодня же, к сожалению, вместе с разрастающимся хаосом, который издевательски назвали «свободой», мы наблюдаем духовную и физическую деградацию человека и общества.

В современном обществе особое место в воздействии на психику народа и отдельного человека имеют средства массовой информации: телевидение, радио, газеты, журналы, фильмы, музыка.

Да, несомненно должны удовлетворяться информационные и эстетические потребности разных социальных групп. Но эта информационная свобода в то же время предполагает и систему запретов. Совершенно недопустима массовая пропаганда человеконенавистнических теорий, насилия, национализма, расовой исключительности. Особо опасна массовая дезинформация, стремление мафиозных и коррумпированных властных структур оболванивать население в собственных корыстных, преступных интересах.

Категорически нельзя согласиться с сознательным отождествлением свободы со вседозволенностью, с полным отрицанием права цензуры со стороны государства. Последней должна подвергаться информация, предназначающаяся всему населению государства. Поэтому государственные средства массовой информации (СМИ) должны контролироваться народом и законом.

Другие же СМИ — партийные, независимые, частные и прочие — обязаны нести ответственность перед законом за разжигание социальной вражды, дезинформацию, пропаганду безнравственности, национальной и религиозной розни — всего, что наносит физический и моральный ущерб обществу.

Здесь нет нарушения ни демократии, ни свободы. К тому же средства массовой информации не представляют собой ветвь власти, а являются всего лишь механизмом передачи информации.

Ни одна система не может быть полностью свободной. Как это ни парадоксально звучит, но именно самоограничение собственной свободы делает человека свободным.

Россия идет своим историческим путем. Она сложнее и своеобразнее любой другой страны мира. Следовательно, и отношения свободы должны быть в ней многообразнее и богаче, чем где бы то ни было. Нам не подойдет свобода Европы или Китая, Америки или Африки.

Я не могу согласиться с лукавым лозунгам «все для человека» или безграмотным заявлением, что «человек есть мера всех вещей»*. Все это благопристойное прикрытие политических махинаций, цель которых — власть и деньги. В действительности за этими лозунгами скрываются интересы только определенной, ограниченной группы людей, но отнюдь не интересы каждого человека. Для нас, русских, истинные интересы каждого человека могут быть реализованы только в условиях сильного, могучего государства. На самом деле под аккомпанемент дифирамбов абстрактному человеку происходит разрушение российской государственности, русского государства и тем самым уничтожается русский человек как таковой. Сегодня для нас, для нашего возрождения необходимо поднять знамя Отечества, освободить государственное мышление русского от мусора зловредной болтовни о приоритете только ценностей человека и замалчивании приоритета ценностей Родины, отказаться от угодничества и низкопоклонства перед Западом. Восстановим государство — вздохнет свободно и русский, и другие народы, исторически и территориально связанные с ним. Не болтовня о приоритете ценностей человека, а сильное государство возвысит человека.

Еще раз подчеркиваю: нельзя удовлетворить потребности человека, создать ему достойные условия жизни без сильного государства. Но нельзя создать сильное государство, сознательно разрушая духовные ценности человека, его нравственное начало, отбрасывая его назад к пещерной борьбе за кусок мяса в очередях, возбуждая в нем низменные инстинкты через средства массовой информации и всеобщий беспредел. Вот это последнее, господа радетели за человека, и есть несвобода, насилие и издевательство над человеком.

Русские должны возвысить и спасти себя, укрепляя свое государство.

Государственность нам нужна не заемная, а русская, народная, продолжающая и развивающая лучшие традиции и институты государства Российского, основой которого была сильная политическая власть, экономическая свобода и Православие.

Сильная политическая власть — это отнюдь не диктатура, не произвол, не бюрократия и не насилие. Сильная политическая власть есть такая система управления общественными процессами, которая исключает проявления беззакония, способствует развитию экономики и культуры, творчества и инициативы людей, на деле реализует идею социальной справедливости, обеспечивает свободу и безопасность своих граждан внутри страны и за рубежом, заботится о достоинстве гражданина и государства.

Экономическая свобода дает возможность каждому человеку, коллективу и государству производить материальный и духовный продукт, иметь на него право собственности и право его реализации на условиях закона или договора. Экономическая свобода предполагает также многообразие форм собственности и антимонопольное законодательство. Гарантом стабильности государства должна быть государственная собственность. Именно она способствовала расцвету и могуществу государства. Нынешние экономисты игнорируют русский исторический, экономический опыт, слепо накладывая западные схемы на нашу действительность. Ну неужели опять русский народ будет биться в сетях чуждой ему политической и экономической структуры, чуждой идеологии и морали?

Посмотрите, как развивалась Россия до XX века. Ни одной революции. Запад сотрясался от революций и контрреволюций, мучительно преобразовывая свои политические и экономические структуры. Россия же двигалась к прогрессу путем реформ. И именно такой способ поступательного движения русского общества и позволил ему создать великое государство.

Контуры идеологии сотрудничества — духовная основа возрождения русского народа, русского государства. Все, кто болеет душой за судьбу России, пусть внесет свою лепту словом, идеей, делом в восстановление и развитие русского национального самосознания. Русские никогда не отгораживались стеной от других народов, особенно тех, с которыми тысячелетиями жили вместе. Мы близки духовно и психологически, и интересы русского народа совпадают с интересами народов Великой России. Воспрянем же духом, русские! Перед нами будущее! Сильное государство, взаимное сотрудничество, идеология социальной справедливости — вот путь возрождения России.

* Еще Аристотель доказал, что это протагоровское «изречение ничего не содержит, хотя кажется, что содержит нечто особенное» (Аристотель. Соч. Т. 1. М., 1976. С. 225.).

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

СТРАСТИ У ТРОНА

Глава II
ПЕТР ВТОРОЙ

Нарисовать обстоятельный портрет Петра II вряд ли возможно — мы имеем дело с подростком, у которого характер только формировался. Потому уместно говорить лишь о контурах портрета, о личности, находившейся под сильным сторонним воздействием. Именно об этом в распоряжении историков более всего данных.

Современники оставили нам несколько зарисовок внешнего облика Петра II. Самая ранняя из них принадлежит французскому дипломату Лави, наблюдавшему великого князя в четырехлетнем возрасте (1719). По его мнению, Петр был одним «из самых красивых принцев, каких только можно встретить. Он обладает чрезвычайной миловидностью, необыкновенной живостью и высказывает в такие молодые годы страсть к военному искусству».

Десять лет спустя другой французский дипломат, Маньян, полагал, что Петр выглядит старше своих лет. Высокого роста и довольно плотного телосложения, он походил на 16—18-летнего юношу, в то время как ему шел лишь четырнадцатый год. Внешность Петра привлекла внимание и испанского посла де Лирия: «Собою он был очень красив и росту чрезвычайного по своим летам».

Еще один современник, английский консул в России Уорд, в самых общих чертах отозвался об ум-

ственных способностях Петра: «...природа, правда, его не обидела, но и лучшая почва остается бесплодной, если к ее обработке не приложить хотя бы некоторого труда».

Судьба не была благосклонной к Петру — вскоре после рождения он лишился матери. Непутевый отец, царевич Алексей Петрович, непрестанно бражничал с приятелями и, видимо, не уделял должного внимания сыну. В трехлетнем возрасте он потерял и отца и с 1718 года оказался на попечении сурового деда — Петра Великого, — у которого нежные чувства к внуку сменялись настороженностью и даже враждебностью.

Цитированный выше Лави в октябре 1719 года записал: «Царь нежно любит юного принца»... Из донесения другого французского дипломата, Кампредона, отправленного два года спустя, явствует, что царь не намеревался передать трон внуку. Этот же Кампредон в 1723 году писал «о ненависти царя к сыну царевича».

После того, как в 1727 году одиннадцатилетний отрок был объявлен императором, он сделался игрушкой в руках вельмож, использовавших его в своих честолюбивых целях. Все усилия А. Д. Меншикова и особенно А. Г. Долгорукого были нацелены на реализацию матримониальных планов.

Это не лучшим образом отразилось на характере Петра — он рос замкнутым и скрытным мальчиком. Австрийский дипломат граф Вратислав так отзывался о важнейшем свойстве молодого императора: «Искусство притворяться составляет преобладающую черту характера императора. Его настоящих мыслей никто не знает» (Сб. РИО. Т. 75. СПб., 1889. С. 56; Брикнер А. Русский двор при Петре II по документам Венского архива// Вестник Европы. 1896. № 1. С. 100, 102 и др.).

В этих условиях естественной была тяга Петра к самой близкой родственнице — старшей сестре Наталье Алексеевне, такой же одинокой, как и он сам. Между Петром и Натальей установились доверительные отношения.

Помимо скрытности, современники обнаружили еще одну черту характера Петра — рано пробудившуюся тягу к деспотичности, желание властвовать. Саксонский резидент Лефорт в депеше, отправленной две недели спустя после смерти Екатерины I, доносил о намерении Петра побыстрее совершить акт коронации, так как он стремится «действовать полным властелином». Это не случайная обмолвка дипломата, а плод пристального наблюдения за поведением императора, которое он подтвердил в депеше летом того же 1727 года: «Он не терпит пререканий, делает что хочет, разговаривает в тоне властелина». Повелительный тон обращения с окружающими, грубость по отношению к ним отметил и австрийский дипломат граф Рабутин.

Оговоримся, повеления царя не простирались далее удовлетворения его личных надобностей — он, например, прибыв в начале февраля 1728 года на коронацию в Москву, провел там около года: подмосковные поля и леса были несравненно богаче дичью, чем охотничьи угодья вблизи новой столицы.

Екатерина I скончалась 6 мая 1727 года. Донесения Маньяна регистрировали постепенное угасание императрицы. 12 апреля он извещал версальский двор, что она за последние два месяца лишь единственный раз покинула покои дворца и большую часть времени проводила в постели. Неделю спустя он сообщал: императрица до того ослабела и так изменилась, что ее почти нельзя узнать. Тяжелое состояние Екатерины подтверждает ее отказ от пышных празднеств по случаю дня своего рождения. Его она отмечала в узком семейном кругу — в присутствии герцога Голштинского с супругой и дочери Елизаветы. Из посторонних присутствовал только Меншиков, выполнявший обязанности гофмаршала. Даже епископу Любскому, под руку сопровождавшему свою будущую невесту цесаревну Елизавету, стража преградила путь к обеденному столу.

В конце апреля появилась надежда на выздоровление, которой, однако, не суждено было сбыться: Екатерина то и дело теряла сознание и задыхалась от удушья. Смерть императрицы, двухлетнее правление которой ничем примечательным не ознаменовалось, не вызвало в стране глубокой скорби; слезы проливали лишь ее дети.

На следующий день, в воскресенье 7 мая, в присутствии вельмож и генералитета секретарь Верховного тайного совета Василий Петрович Степанов огласил «Тестамент» — завещание.

Первым пунктом Тестамента Екатерина завещала трон Петру Алексеевичу. Остальные пункты определяли порядок наследования престола в случае смерти Петра II бездетным, а также суммы, выделяемые на содержание дочерей. Особым пунктом Екатерина выразила свою волю по поводу брачных союзов: дочери Елизавете надлежало выйти замуж за епископа Любского, а императору жениться на одной из дочерей А. Д. Меншикова.

Маньян сообщает любопытный казус, происшедший во время чтения Тестамента. Как только был зачитан его первый пункт, раздался властный голос Дмитрия Михайловича Голицына: «Довольно, довольно, другие статьи обсудятся на досуге». Этой репликой Дмитрий Михайлович четко выразил пренебрежение к покойной императрице, по его мнению, узурпировавшей власть после смерти своего супруга.

В кратковременном царствовании Петра II можно вычленить два периода: первый из них охватывает время от 6 мая до 7 сентября 1727 года, когда А. И. Остерман зачитал в Верховном тайном совете царский указ, которым Петр освобождал себя от опеки этого учреждения и становился полновластным императором: «Поныне мы восприяли всемилостивейшее намерение от сего дня собственною особою председать в Верховном тайном совете и все выходящие от него бумаги подписывать собственною нашею рукою, то повелеваем под страхом царской нашей немилости не принимать во внимание никаких повелений, передаваемых через частных лиц, хотя бы и через князя Меншикова».

Отмеченная грань совпадает и с другим важным в жизни отрока событием: до 7 сентября он находился под влиянием Меншикова, являясь его марионеткой; отныне до самой смерти император оказался во власти князя Алексея Григорьевича Долгорукого и его сына Ивана. Однако если Меншиков требовал от отрока, чтобы тот учился, и умел укрощать его своеволие и капризы, то Долгорукие, напротив, не только потакали его прихотям, но и усердствовали в изобретении забав, предосудительных для его возраста. Если вначале Петр прислушивался к советам своей старшей, не по летам рассудительной, сестры Натальи Алексеевны, то со временем наставления сестры и ее призывы к сдержанности стали тяготить императора, он стал избегать встреч с нею, все более и более подчиняя свою волю разгульному Ивану Долгорукому.

По обычаям того времени совершеннолетие наступало по истечении 17 годов. Эту традицию, однако, игнорировали А. Д. Меншиков и А. Г. Долгорукий. Оба прочили 12—14-летнего юношу в мужья своим дочерям и ради достижения честолюбивой цели поступались нравственностью и обычаями.

23 мая в соответствии с волей императрицы, навязанной ей Меншиковым, одиннадцатилетний Петр явился в княжеский дворец, чтобы просить руки дочери светлейшего, которая была старше жениха на четыре года. Вслед за помолвкой на князя и членов его семьи посыпались пожалования: Александр Данилович стал полным адмиралом и генералиссимусом, сын его Александр был возведен в обер-камергеры и за неведомые заслуги награжден орденом Андрея Первозванного. Марин, невесте царя, навесили орден св. Екатерины, а младшей дочери Александре — орден св. Александра. В штате двора, обеспечивавшего покой и комфорт княжеской семьи, числилось немыслимое количество самых разнообразных слуг — 322 человека!

Князь позаботился о полной изоляции жениха, чтобы, упаси Бог, никто не имел возможности оказать на него неугодное влияние. С этой целью он поселил будущего зятя в своем дворце, где с него не спускали глаз. Все шло наилучшим образом, но неожиданно стряслась беда — 19 июня 1727 года у Меншикова появились первые симптомы болезни, с 22-го он уже не выходил из дома, хотя еще и не слег, а с 26-го ему был предписан постельный режим и запрещены визиты посторонних. Саксонский посол Лефорт доносил в Дрезден 12 июля: «Кроме харканья кровью, сильно ослабляющего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставлявшая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, пароксизмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что думали о его близкой смерти» (Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 484). Сам Данилыч, видимо, не рассчитывал выкарабкаться и был озабочен составлением завещания и предсмертных распоряжений. Светлейшему, однако, удалось и на этот раз победить болезнь, и 29 июля врачи разрешили ему выезжать из дому.

За время болезни, продолжавшейся менее полутора месяцев, будущий зять отбился от рук и успел избавиться от тяготившей его опеки тестя. Более того, 8 сентября Меншикову было запрещено выезжать со двора, а на следующий день курьер Верховного тайного совета привез именной указ о высылке князя и его семьи из столицы. Кто же сумел расстроить так старательно вынашиваемые планы светлейшего?

Двое: барон А. И. Остерман и отчасти сестра императора Наталья Алексеевна, враждебно относившаяся к светлейшему. Решающая роль в опале Меншикова несомненно принадлежит Остерману. Так утверждать нас уполномочивает поведение Андрея Ивановича накануне падения светлейшего (см.: Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1991), а также свидетельство английского дипломата К. Рондо, не без основания полагавшего, что Остерман был полностью лишен такого человеческого качества, как благодарность. Обязанный своей карьере барону Петру Павловичу Шафирову, он переметнулся на сторону его противников, когда убедился, что они, а не Шафиров победят в схватке. Остерман близко сошелся с Меншиковым, обрел в его лице нового покровителя и благодаря этому был возведен в вице-канцлеры. По представлению Меншикова Верховный тайный совет назначил Остермана воспитателем Петра. «Меншикова же, — утверждал Рондо, — Остерман отблагодарил, подготовив его падение в прошлое царствование, что хорошо известно всему свету» (Сб. РИО. Т. 66. СПб., 1889. С. 161).

У нас нет оснований сомневаться в правильности наблюдения английского дипломата — дело в том, что ко времени, когда произошло роковое для князя событие, Остерман и великая княгиня Наталья Алексеевна были единственными людьми, кто мог внушить императору неприязнь к Меншикову. Что касается Ивана Долгорукого, то он еще не пользовался тогда безоговорочным доверием Петра, характерным для последующего времени. Придворная карьера князя Ивана началась при Екатерине I, назначившей его гофюнкером к великому князю. Князь М. М. Щербатов поведал потомкам об обстоятельствах сближения Петра с Иваном Долгоруким: «В единый день нашед его (великого князя Петра. — *Н. П.*) единого, Иван Долгорукий пал перед ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род к деду его, Петру Великому, имеет и к его крови, изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает законным наследником Российского престола, прося, да уверится в его усердии и преданности к нему» (Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. Соч. Т. 1. М., 1902.)

Поручиться за достоверность описанной Щербатовым сцены, после которой наступило сближение двух юношей, вряд ли можно — князь не был современником событий. Думается, однако, что сверстников великого князя, готовых поклясться в верности, было предостаточно, и если Иван Долгорукий был выделен среди них и удостоен дружбы, то благодаря свойствам своего характера, импонирующим будущему императору: веселому и беспечному нраву, горазд ому на выдумки и далеко не невинные развлечения, которые ему удалось наблюдать при дворе польского короля

Августа II. Дело в том, что князь Иван до 15-летнего возраста жил в доме своего деда Григория Федоровича и дяди Сергея Григорьевича Долгоруких. Оба они были послами в Варшаве, где шляхта и магнаты прожигали жизнь при пышном дворе своего короля.

Меншиков, зорко следивший за поведением великого князя и его окружением, видимо, обнаружил нежелательное для себя влияние на него со стороны Ивана и постарался удалить его от двора — он был причастен к делу Толстого—Девиера и отправлен поручиком в армейский полк.

Тянуть лямку провинциального офицера Ивану Долгорукому довелось недолго — по восшествии на престол Петра II гофюнкер был возвращен ко двору. С этого времени князь Иван вполне завладел умом, сердцем и привязанностью отрока-императора, и жизнь последнего пошла кувырком.

После падения Меншикова начинается фантастическое возвышение Долгорукого — в 19 лет он становится гвардии майором, обер-камергером, награждается орденами Андрея Первозванного и Александра Невского. Привязанность императора к фавориту стала настолько сильной, что, по свидетельству современника, он «не может быть без него ни минуты. Когда на днях его ушибла лошадь, его величество спал в его комнате». Не обойден был вниманием и его отец. В январе 1728 года перед отправлением двора в старую столицу на коронацию Петра II Верховный тайный совет, в составе которого оставалось всего четыре персоны (Г. И. Головкин, А. И. Остерман, Ф. М. Апраксин, Д. М. Голицын), пополнился двумя Долгорукими: отцом Ивана Алексеем Григорьевичем и Василием Лукичом, опытным дипломатом, образованным и достаточно энергичным, чтобы выполнять роль лидера в Верховном тайном совете. Но эта роль по обычаю того времени должна была принадлежать фавориту либо его отцу.

Петр находился в том возрасте, когда приспело время впитывать, подобно губке, знания, приобщаться к нелегкому труду управления империей. Воспитатель отрока А. И. Остерман составил обширную программу обучения и воспитания императора с включением в него всего комплекса знаний, которыми располагала первая половина XVIII века: сведения о древней и новой истории, военном искусстве, политике, архитектуре, арифметике и геометрии, физике, правилам поведения и т. д.

В июне 1727 года Верховный тайный совет утвердил расписание ежедневных занятий в течение недели. Овладению знаниями отводилось три-четыре часа в день, в воскресенье надлежало отдыхать, а до полудня по средам и пятницам — присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета. В соответствии с педагогическими воззрениями того времени Остерман составил расписание так, чтобы «часы к наукам и забавам всегда переменяться имеют». В понедельник, как, впрочем, и в остальные рабочие дни недели, занятия начинались в 9 утра — в течение часа изучалась древняя история, а с 10 до 11 «может е. и. в. отдохнуть или, по соизволению, в своих покоях забавляться». С 11 до 12 вновь занятия историей; время с 12 до 2 отводилось на обед и отдых, после чего час надлежало заниматься музыкой и танцами. С 3 до 4 часов воспитаннику сообщались сведения по географии. С 4 часов и до сна — прогулки и забавы.

Во вторник надлежало изучать наряду с новой историей также арифметику и геометрию, а вместо музыки и танцев — заниматься стрельбой по мишени. В другие дни недели среди развлечений помимо музыки, танцев и стрельбы встречаем ловлю рыбы, игру в бильярд, верховую езду. По средам и пятницам, когда намечалось присутствие императора в Верховном тайном совете, овладению знаниями отводился один час. В субботу занятия продолжались только до полудня, в эти часы следовало заниматься повторением и закреплением знаний, приобретенных в течение недели. Распорядок дня, как видим, не требовал особого напряжения умственных и физических сил царя.

С появлением при дворе Ивана Долгорукого расписание при попустительстве воспитателя мало-помалу стало нарушаться, а затем и вовсе было забыто. Остерман не желал портить отношений с отроком и навязывать ему свою волю, император же предался страсти к охоте. Его жизнь превратилась в сплошной праздник. Особую роль в разжигании страсти к охоте сыграл отец Ивана Алексей Григорьевич Долгорукий. Человек невежественный, недалекий, но крайне тщеславный, ревновавший своего сына к фавору у императора, был приставлен вторым воспитателем к Петру и уже сам, а не через Ивана превратил охоту в главное занятие отрока. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с донесением испанского посла де Лириа. Почти каждая его депеша содержит сведения либо о пребывании Петра на охоте, либо о подготовке к ней, либо о возвращении с охоты. Столь часто слово «охота» встречается и в донесениях английского и французского дипломатов.

Похоже, на первых порах князь Иван не преследовал честолюбивых замыслов. Он довольствовался тем, что безнаказанно, в свое удовольствие мог совершать разнообразные поступки.

Английский резидент Клавдий Рондо отзывался о нем так: «...князь Долгорукий, молодой человек лет двадцати. С ним государь проводит дни и ночи, он единственный участник всех очень частых разгульных похождений императора». Поверенный в делах Франции Маньян вскользь коснулся интеллекта князя Ивана: «умственные способности у этого временщика, говорят, посредственные и недостаточно живые, так что он мало способен сам по себе внушать царю» (Сб. РИО. Т. 66. СПб., 1889. С. 5).

Перед нами множество свидетельств о его похождениях. Современник Феофан Прокопович писал, что Иван Алексеевич «на лошадях, окружен драгунами, часто по всему городу необычным стремлением, как бы изумленный скакал и по ночам в честные дома вскакивал — гость досадный и страшный». Князь М. М. Щербатов сообщил некоторые подробности похождений Ивана, писал о его интимных связях с супругой князя Никиты Юрьевича Трубецкого, рожденной Головкиной, дочерью канцлера: «Князь Иван не только без всякой закрытности с нею жил, но и при частых съездах у князя Трубецкого с другими своими младыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругал сего мужа, бывшего тогда офицером кавалергардов, имеющего чин генерал-майора и с терпением стыд свой от своей жены сносящего. И мне самому случалось слышать, — продолжал Щербатов, — что единожды он в доме кн. Трубецкого, по исполнении многих над ним ругательств, хотел наконец выкинуть его в окошко и если бы Степан Васильевич Лопухин, свойственник государя по бабке его Лопухиной, первой супруге Петра Великого, бывший тогда камер-юнкером у двора и в числе любимцев князя Долгорукого, сему не воспрепятствовал, то бы сие исполнено было» (Щербатов М. М. Указ. соч. Стлб. 178—179).

Со временем охотничья страсть, искусственно подогреваемая отцом фаворита, приобрела целевое назначение. Ближайшая цель охотничьих экспедиций состояла в том, чтобы отвадить юнца от Елизаветы Петровны — в Москве ходили слухи, что племянник якобы поддерживал интимные связи с не отличавшейся скромностью тетушкой. «Все негодуют на князя Алексея Долгорукого, отца фаворита, — писал де Лириа в депеше, — который под предлогом развлечь е. и. в. и удалить его от случаев видеть принцессу каждый день, выдумывает для него новые забавы и новые выезды» (Осмнадцатый век, кн. 2. С. 150). Даже 29 декабря 1729 года, уже после помолвки с Екатериной Долгорукой, ее отец снарядил жениха на охоту, чтобы таким образом избавиться от необходимости присутствовать на обеде по случаю дня рождения Елизаветы Петровны.

Но на охоту возлагалась еще одна, причем самая главная надежда, возникшая после того, как у Алексея Григорьевича созрел план женитьбы императора на своей дочери. Замысел не был оригинальным. Различие состояло в том, что Меншиков избрал местом изоляции Петра собственный дворец, а князь Алексей — поля и леса столицы и Подмосковья. Ради этого А. Г. Долгорукий тащился на охоту не только сам, но привлекал и членов семьи, включая супругу и двух дочерей — последние по вечерам составляли компанию будущему зятю в игре в карты.

Страсть к охоте — не худшая страсть, прививавшаяся Долгорукими императору. Поприще, на котором подвизался князь Иван помимо охоты, были разврат и разгул. Попойки во время охоты, посещения домов министров и придворных стали обычным явлением. Об обучении не отваживались даже напоминать: в свободное от охоты, верховой езды, танцев и обедов время царя развлекали житейскими рассказами о былях и небылицах.

Несколько слов об отношениях, сложившихся между цесаревной Елизаветой Петровной и Петром II. Цесаревна в годы молодости отличалась не только необыкновенной красотой, но и необыкновенным поведением, шокировавшим степенных вельмож и людей, представления о нравственности которых уходили в семнадцатое столетие. Оставшись без родителей, предоставленная самой себе, молодая девушка не смогла удержаться от множества соблазнов, в том числе и от испытания на прочность нравственных устоев.

Тринадцатилетний царь воспылал страстью к красавице. Увлечение было кратковременным и продолжалось примерно год — с августа 1727 года по сентябрь 1728-го. В августе 1727 года Рондо доносил в Лондон о Елизавете: «Она очень красива и, кажется, любит все, что государю по нраву: танцы и охоту». В сентябре того же года Маньян поведал о том, что Петр «явно выказывает с некоторых пор необыкновенную привязанность к Елизавете Петровне». Спустя пару месяцев тот же Маньян извещал министра иностранных дел о том, что «царь до того всецело отдался своей склонности и желаниям, что поставил в затруднительное положение Остермана, опасавшегося оставлять наедине царя с цесаревной. Было решено, чтобы кто-либо из членов Верховного тайного совета постоянно сопровождал царя. Но от надзора старших Петр освобождался простым способом: на охоту или в загородные дворцы он приглашал только Елизавету и своего фаворита» (РИО. Т. 66. С. 5; Т. 75. С. 138, 196).

В сентябре 1728 года появились первые симптомы охлаждения, зарегистрированные Маньяном: «холодность царя к принцессе Елизавете растет изо дня на день» (Т. 75. С. 241). Виновницей охлаждения оказалась сама барышня, позволившая себе увлечься каким-то гренадером. Отношения между ними зашли так далеко, что перестали быть тайной, и вызвали гнев царя, особенно после того, как она пешком отправилась в Троице-Сергиев монастырь с целью испросить у Бога исцеление гренадера от недуга (Т. 75. С. 237).

Предпринимались ли какие-либо меры, чтобы отвлечь Петра от охоты, праздности, пиршеств и развлечений, несовместимых его юному возрасту? Тяге к безделью и увеселениям противопоставила свои слабые силы сестра царя Наталья Алексеевна. Поначалу он прислушивался к ее суждениям и увещеваниям, но со временем он все более отчуждался от нее. Страдая чахоткой, на исходе дней своих она, как доносил Рондо, в самых горячих выражениях представила брату дурные последствия для него самого и для рода следования советам и образу жизни молодого Долгорукого, «поддерживающего и затевающего всякого рода разврат». Великая княгиня добавила, что она и заболела от того, что наблюдала, как он «отдается разгулу». Царь дал сестре обещание порвать с князем Иваном, но как только она скончалась (в конце ноября 1728 года), он пуще прежнего привязался к фавориту.

Образ жизни монарха и его фаворитов, отца и сына Долгоруких, пагубно отражался на положении страны — на троне продолжалось безвременье, начавшееся при Екатерине I. Конечно, тщетно ожидать мудрых поступков и проницательных решений от отрока-императора. От его имени должны были действовать наделенные опытом вельможи, готовые радеть о благополучии России. Таковых, однако, не оказалось. Сложившуюся при дворе ситуацию лаконично охарактеризовал в одном из своих донесений Рондо: «Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а са-

новники о том, как бы сгубить один другого» (Т. 66. С. 19).

Напомним, Петр II вскоре после вступления на престол прибыл на заседание Верховного тайного совета, чтобы изложить программу своего царствования. Он заявил: «...Наивящее мое старание будет, чтобы исполнять должность доброго императора, т. е., чтоб народ, мне подданный, с богобоязненностью и правосудием управлять, чтоб бедных защищать, обиженным вспомогать... никого от себя печальным не отпускать».

Эти слова, несомненно внушенные императору Остерманом, были забыты тотчас после того, как были произнесены.

Последствия безвременья многократно отмечали иностранные наблюдатели. Саксонский резидент Лефорт доложил в ноябре 1727 года: «Можно составить себе понятие о будущем состоянии России, видя молодого монарха, не принимающего никаких советов, действующего по своей собственной воле и по внушениям своего друга, Ивана Долгорукого, самого нуждающегося быть под строгим надзором». Восемь месяцев спустя саксонец сравнивал современное положение в стране с тем, что было при Петре Великом, воспринимая происходившее как сон: «Все живут здесь в такой беспечности, что человеческий разум не может понять, как такая огромная машина держится без всякой подмоги» (Брикнер А. Указ. соч. Кн. 2. С. 595 и др.).

Лефорт доносил: «Все идет дурно, царь не занимается делами; да и не думает заниматься, денег никому не платят, и Бог знает, до чего дойдут здешние финансы». Отзывы прочих иностранных дипломатов подтверждают наблюдения Лефорта. Его коллега из Вены граф Вратислав отмечал падение международного престижа России, с которой не было смысла устанавливать союзнические отношения: ее войско ослабевает, дисциплина исчезает, а финансы находятся в полном расстройстве.

30 декабря 1729 года состоялось обручение Петра II с Екатериной Долгорукой. Оно было столь же торжественным, как и обручение с Марией Меншиковой: на нем присутствовала вся царская фамилия, министры, генералитет, послы иностранных государств, высшие духовные чины с Феофаном Прокоповичем во главе, пышные свиты императора и его будущей супруги. На всякий случай все входы и выходы во дворце были заняты войсками, а в самом зале, где происходило обручение, стояли гренадеры с заряженными ружьями. Невесту императора с этого часа стали называть великой княжной и высочеством.

До финиша Алексею Григорьевичу осталось сделать лишь один шаг — свадьба была назначена на 19 января 1730 года. В осуществлении матримониальных планов Долгорукие, как видим, продвинулись дальше своего предшественника — тот довольствовался всего лишь помолвкой, а эти уже готовились подвести Екатерину под венец.

Притязания на родство с царствующей фамилией вызывали недоброжелательные толки. Одни утверждали, что Долгорукие идут по стопам Меншикова и в конечном счете разделят его участь, другие толковали о насильной женитьбе малолетнего императора, не выказавшего никаких чувств к невесте, третьи предсказывали не падение Долгоруких, а новые назначения: князь Алексей Григорьевич якобы претендовал на чин генералиссимуса, его сын Иван — великого адмирала, а Василий Лукич — на должность канцлера.

Сбылись худшие пророчества — Долгоруких, как и Меншикова, постигла неудача: образ жизни отрока ослабил его сопротивляемость болезням. Первый раз Петр заболел в августе 1729 года. «Опасались, — свидетельствовал полковник Манштейн, — за его жизнь, так как горячка, в которую он впал, была очень сильная. Однако на этот раз он избежал смерти. Недруги любимца (Ивана Долгорукого. — *Н. П.*) тотчас же отнесли на его ответственность эту болезнь, уверяя императора, что его заставляют делать слишком много движения и от недостатка в отдыхе силы его слабеют; от того, если он не переменит своего образа жизни, здоровье его окончательно расстроится» (Манштейн. Записки о России. СПб., 1875. С. 11).

6 января 1730 года Петр, стоя на запятках саней, в которых восседала невеста, прибыл на водосвятие на Москве-реке. Стоя долгое время без движения и с непокрытой головой, он простудился и почувствовал недомогание на следующий день. Врачи полагали, что наступила очередная горячка, но ошиблись в диагнозе. Лишь на третий день они установили, что император заболел оспой.

В ожидании скорой развязки Алексей Григорьевич пригласил в Головинский дворец, где он жительствовал, всех взрослых представителей рода Долгоруких для совещания, как им быть в случае смерти императора. У князя Алексея ответ был готов: при поддержке своих братьев Ивана и Сергея Григорьевичей и сына Ивана он предложил объявить государыней обрученную невесту, княжну Екатерину Алексеевну. «Вот де его величество весьма болен, — обратился он к присутствовавшим, — и нежели де скончается, то надобно как можно удержать, чтоб после его величества наследницей Российского престола быть обрученною его величества невесте Екатерине». Однако князь Василий Владимирович решительно возразил:

— Неслыханное дело вы затеваете, чтоб обрученной невесте быть Российского престола наследницею. Кто захочет ей подданным быть? Не только посторонние, но и он, князь Василий, и прочие нашей фамилии никто в подданстве ей быть не захотят. Княжна Катерина в государыни не венчалась.

Князь Алексей твердил свое:

— Хоть не венчалась, но обручалась.

Князь Василий возразил:

— Венчание иное, а обручение иное.

И добавил:

— Да ежели бы она за его величеством и в супружестве была, то и тогда бы во учинении ее наследницей не без сомнения было. Ссылаться на пример с Екатериной Алексеевной не следует, ибо хотя она и царствовала, но только ее величество государь-император при животе своем короновал.

Князь Алексей не сдавался:

— Мы уговорим к тому графа Головкина и князя Д. М. Голицына, а ежели они в том заспорят, то мы будем их бить, и при этом, как не сделаться по-нашему? Ты в Преображенском полку подполковник, а князь Иван майор, и в Семеновском полку спорить о том будет некому.

Князя Василия эти доводы не убедили.

— Что вы ребячье врете, как тому можно сделаться, и как ему, князю Василию, полку объявить? Что услышав от него об том объявлении, не только будут его, князя Василия, бранить, но и убьют.

Позиция князя Василия Владимировича и его брата Михаила, сразу же после этого покинувшего собрание, показала, что рассчитывать на поддержку гвардии не приходится. Тем не менее Алексей Григорьевич с братом и сыном не расстались с мыслью возвести на престол Екатерину. Не остановило его и суровое предупреждение Василия Владимировича, что он погубит не только себя, но и свой род. Князя Алексея воодушевило то, что его поддержал Василий Лукич, около 20 лет успешно выполнявший дипломатические поручения Петра Великого. Спустя несколько лет тот признается, что из-за трусости не мог противостоять напору Алексея Григорьевича.

Было решено сочинить духовную, в которой император завещал трон невесте. Ее диктовали князья Алексей Григорьевич и Василий Лукич, а записывал Сергей Григорьевич. Сначала составили черновик, а затем князь Сергей переписал его в двух экземплярах набело: один предназначался для подписи императором, если к нему вернется сознание; другой — на тот случай, если император скончается в беспамятстве и не сумеет поставить подпись. Тогда духовную подмахнет князь Иван.

Согласно более поздним показаниям Ивана Алексеевича, он научился имитировать царскую подпись во время охоты под Тулой: «Во время большой охоты в окрестностях Тулы государь для шутки стал писать свое имя по-французски и по-русски и для той забавы при его величестве я писал имя его величества таким же почерком, как его величество писать изволил».

Когда приспело время подписывать один из экземпляров духовной, Иван Долгорукий вытащил из кармана черновики своих забав под Тулой, заявив: «Посмотрите клеймо государево и моей руки, слово в слово, как государево письмо». Долгорукие сличили обе подписи и обнаружили полное сходство. Иван подписал один экземпляр духовной. Он, надо полагать, сомневался в успехе. Если бы он верил в нее, то дал бы духовной ход, но он ее держал при себе и отдал отцу на следующий день после смерти Петра II, и тот ее сжег.

Поздно вечером в день несостоявшейся свадьбы, 19 января 1730 года, в Лефортовский дворец, где агонизировал отрок-император, прибыли члены Верховного тайного совета или, как тогда говорили, министры. После смерти в 1729 году Ф. М. Апраксина их осталось пять: Г. И. Головкин, А. И. Остерман, Д. М. Голицын, А. Г. и В. Л. Долгорукие. Они увеличили состав высшего правительственного учреждения, введя в него двух фельдмаршалов: Михаила Михайловича Голицына и Василия Владимировича Долгорукого. Восьмым членом Верховного тайного совета стал сибирский губернатор князь Михаил Владимирович Долгорукий, прибывший из Тобольска на свадебные торжества.

Кооптация новых членов в Верховный тайный совет была акцией противозаконной, ибо это была прерогатива верховной власти. Как бы то ни было, но четыре из восьми мест в Верховном тайном совете принадлежали Долгоруким и только два Голицыным. В целом же облик Верховного тайного совета существенно изменился: первоначально аристократия была представлена в нем одним Голицыным, теперь ей принадлежало целых шесть голосов, новая знать в лице Г. И. Головкина и А. И. Остермана оказалась в тени.

Собравшимся надлежало избрать преемника, точнее преемницу, ибо на корону могли претендовать лишь потомки Петра Алексеевича и его брата Ивана Алексеевича по женской линии. А. Г. Долгорукий заикнулся было о духовной в пользу своей дочери, но его претензии тут же были пресечены Д. М. Голицыным и двумя фельдмаршалами.

Кандидатуру дочери Петра Великого Елизаветы Петровны решительно отклонил Дмитрий Михайлович Голицын на том основании, что ее мать была женщиной подлой породы, не имевшей никаких прав на престол и тем не менее узурпировавшей трон. По той же причине не могла претендовать на скипетр и ее дочь, родившаяся к тому же до оформления брачных уз ее матери с Петром Великим. Кстати, и сама Елизавета Петровна не проявляла интереса к короне — она была целиком занята любовными утехами. В 1729 году испанский посол де Лириа высказал предположение, «что в непродолжительном времени она попадет в монастырь — наказание, которого она вполне заслуживает своим дурным поведением».

Пророчество не оправдалось, в монастырской келье Елизавета Петровна не оказалась, но репутацию свою подмочила изрядно.

Старшая дочь Ивана Алексеевича Екатерина, герцогиня Мекленбургская, не подходила верховникам на том основании, что ее супруг, отличавшийся сумасбродным характером, появившись в России, мог вызвать недовольство и распри среди русских вельмож.

Младшая дочь царя Ивана Прасковья росла хилой (ее не удалось пристроить замуж даже за какого-либо захудалого принца) и была настолько больной, что ее кандидатура в расчет не принималась. Оставалась средняя дочь, Анна Иоанновна, к которой и были обращены взоры верховников...

Продолжение следует

В последнее время в средствах массовой информации проскальзывает мнение, что Л. П. Берия был чуть ли не предвестником горбачевской перестройки. Так ли это?

БОРИС СТАРКОВ,
доктор исторических наук

СТО ДНЕЙ «ЛУБЯНСКОГО МАРШАЛА»

Если быть предельно точным, то судьба отвела ему несколько больший срок — 112 дней. Этот период — с 5 марта по 26 июня 1953 года — фактически не исследован историками и политологами. Впрочем, это легко объяснимо. Ведь до сегодняшнего дня исследователи располагают лишь весьма противоречивыми воспоминаниями «реформаторов» 50—60-х годов да стенограммой июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, который и вынес вердикт по делу «лубянского маршала». В Государственном архиве Российской Федерации, где хранятся документы и материалы секретариата Берии, — это наиболее бедный в документальном отношении период. Порой кажется, что чья-то рука умышленно и безжалостно вырвала целую страницу отечественной истории.

БОРЬБА ДИАДОХОВ*

5 марта 1953 года в 21 час 50 минут скончался величайший диктатор XX столетия Иосиф Виссарионович Сталин. Его последние часы были ужасными. У постели умирающего толпились врачи, пытаясь облегчить страдания. На диване и в креслах сидели Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Л. М. Каганович. Несколько раз появлялся пьяный Василий и выкрикивал одну и ту же фразу: *«Сволочи, загубили отца!»*. Словно окаменев, стояла у изголовья умирающего дочь Светлана. Его верные диадохи были, казалось, подавлены происходящим. Л. П. Берия периодически подходил к дивану, где лежал Сталин, и говорил: *«Товарищ Сталин, здесь находятся все члены Политбюро, скажи нам что-нибудь»*.

Однако умирающий ничего не сказал. Лишь в последнюю минуту он открыл глаза, обвел всех то ли безумным, то ли гневным взглядом и поднял вверх левую руку. Это был последний жест великого диктатора. По свидетельству С. И. Аллилуевой, *«когда все было закончено, он* (Берия. — *Б. С.*) *первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все молча стояли вокруг, был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества: «Хрусталев! Машину!»*[1] Он срочно выехал в Кремль. Кто-то из присутствующих членов Бюро Президиума ЦК КПСС сказал, что Берия поехал *«брать власть»*.

Очевидно, эта фраза и послужила отправной точкой в формировании очередной мифологемы отечественной истории о том, что после смерти Сталина Л. П. Берия поставил своей целью захватить власть в партии и государстве.

Что же, борьба за власть после смерти создателя великой империи — явление не новое в мировой истории. Однако, оговоримся заранее, серьезными документальными источниками эта версия не подтверждается.

Берия, может быть, как никто другой в политическом руководстве, реально оценивал не только свое истинное положение в партийно-государственной иерархии власти, но и отношение к нему большинства населения страны. Для народа он был сталинским монстром, палачом.

В послевоенные годы Л. П. Берия неизменно оставался в центре политической жизни страны. С 1944 года он был заместителем Председателя Совета Министров СССР. 20 августа 1945 года при Государственном Комитете Обороны был образован Специальный комитет под его председательством. На комитет возлагалось, кроме прочего, *«руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана»* (в дальнейшем преобразован в Специальный комитет при Совете Министров СССР). В день ареста Берии — 26 июня — комитет был ликвидирован, а его аппарат передан в только что образованное Министерство среднего машиностроения СССР.

У Лаврентия Павловича сложились непростые отношения с коллегами по ближайшему окружению Сталина. Все они ясно представляли, что этот лысый человек в пенсне знает о них очень много, гораздо больше, чем следовало, и в любой момент может «превратить в лагерную пыль», попросту уничтожить. Его боялись. В годы войны он особенно сблизился с Г. М. Маленковым. Отношения с Н. С. Хрущевым были сложнее — его природную сметку Берия все-таки недооценил.

Перечитывая воспоминания Никиты Сергеевича, невольно думаешь, что все-таки он лукавил, описывая отношения в политическом руководстве после смерти Сталина. Основная борьба за власть разворачивалась между Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым. Л. П. Берия оказался между ними, имея в руках большую силу в виде разветвленного аппарата МВД и МГБ (численность аппарата Министерства внутренних дел до объединения его с МГБ составляла по штату 374 800 человек[2]). Авторитет Берии в этих органах был достаточно высок. Профессор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов А. С. Наринский, работавший в экономических структурах МВД, вспоминает, что возвращение Берии к руководству объединенным МВД СССР в 1953 году было воспринято многими сотрудниками как «большой праздник».

За 1 час 10 минут до смерти И. В. Сталина состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором предварительно оговорили все организационные вопросы и признали необходимым *«иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК — Президиум и Бюро Президиума один орган — Президиум Центрального Комитета КПСС, как это определено Уставом партии»*. Перед заседанием Н. С. Хрущев предложил Г. М. Маленкову *«побеседовать, как мы дальше жить будем...»*. Однако получил холодный отказ: *«А что сейчас говорить? Съедутся все, тогда и будем говорить. Для этого и собираемся»*. По признанию Н. С. Хрущева, он почувствовал себя *«вне игры»*[3].

Действительно, на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР 5 марта важнейшие организационные вопросы уже были решены. Берия выдвинул кандидатуру Г. М. Маленкова на пост Председателя Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК КПСС. Г. М. Маленков предложил объединить два министерства — МГБ и МВД в одно — Министерство внутренних дел СССР и назначить Л. П. Берию министром внутренних дел и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Заместителем Председателя Совета Министров стал Л. М. Каганович, а К. Е. Ворошилов — Председателем Верховного Совета СССР. Н. С. Хрущева утвердили председателем комиссии по организации похорон И. В. Сталина, ему рекомендовали сосредоточиться на работе в ЦК КПСС.

Так 5 марта 1953 года начались «сто дней» Л. П. Берии.

«НАДО ВОССТАНОВИТЬ ЗАКОННОСТЬ...»

Став министром объединенного Министерства внутренних дел СССР, Л. П. Берия сосредоточил в своих руках огромную власть. Он непосредственно курировал работу следующих управлений: 3-го (разведка и контрразведка в СА и ВМФ), 8-го (шифровальное), 9-го (охрана правительства), 10-го (управление коменданта Московского Кремля), кадров, а также следственной части, контрольной инспекции, секретариатов МВД и Особого совещания.

Каким образом Берия намеревался использовать свою власть? Собирался ли он изменить положение в стране, вывести ее на путь развитых европейских стран? Документально это не зафиксировано. Однако в разговоре с Микояном он изложил свое кредо так: *«Надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря. МВД надо сократить, у нас не охрана, а надзор за нами»*[4]. А 9 марта 1953 года, выступая на похоронах Сталина, с трибуны Мавзолея он заявил о гарантировании каждому гражданину СССР дарованных ему Конституцией прав личности. Такое заявление в устах палача прозвучало лицемерно. И тем не менее представляется, что это действительно была серьезная заявка на программу оздоровления страны, которая и начала претворяться в жизнь.

Во исполнение поручения Берии секретариат МВД в марте 1953 года подготовил и направил в ЦК КПСС и Совет Министров ряд предложений, подтверждаю-

* Диадохи — полководцы Александра Македонского, разделившие после его смерти (323 г. до н. э.) созданную им империю. — *Ред.*

щих серьезные намерения «маршала Лубянки». Прежде всего это касалось прекращения следственных дел. Арестованные по «делу врачей» были освобождены уже в марте 1953 года. На заседании Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия добился опубликования в «Правде» специального коммюнике о полной реабилитации лиц, арестованных по этому делу. Такое в практике «самого демократического в мире государства» было впервые. Поэтому партбюрократы встретили это нововведение в штыки. *«Надо сказать, что все это на нашу общественность произвело тягостное впечатление. Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства»*[5], — заявил секретарь ЦК КПСС Н. Н. Шаталин.

Было пересмотрено и так называемое «мингрельское дело». В свое время, 8 ноября 1951 года и 27 марта 1952 года, ЦК ВКП(б) приняло постановления о якобы раскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. И. Барамия. 10 апреля 1953 года по представлению МВД СССР Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос о реабилитации осужденных по этому делу и принял постановление *«О нарушении советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР»*. Партийные бюрократы увидели в этом еще одну попытку дискредитировать имя И. В. Сталина.

Министерство внутренних дел СССР подготовило и направило на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева представление с предложением амнистировать всех осужденных внесудебными органами, прежде всего «тройками». Другим представлением предлагалось ограничить компетенцию Особого совещания при министре (тоже внесудебного органа) правом заключения в лагерь сроком до 10 лет. Однако при обсуждении этого вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев при поддержке В. М. Молотова и Л. М. Кагановича выступил против. Он мотивировал это так: *«Категорически против этого, потому что надо пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики. Она произвольна. А вопрос, на 20 или на 10 лет осудить, — особого значения не имеет, потому что можно осудить сначала на 10 лет, а потом еще на 10 лет, и еще раз на 10. Такое уже было. К нам поступают документы, гласящие, что подобные методы практикуются. Поэтому я категорически против»*[6].

И Берия отозвал свое предложение...

27 марта 1953 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР специально рассматривался вопрос *«Об амнистии»*. На основании указа, опубликованного в «Правде» 28 марта 1953 года, из мест заключения освобождалось более миллиона человек. Под действие указа попадали лишь осужденные на срок до пяти лет. Амнистия коснулась и осужденных на основании указа *«Об охране государственной и личной собственности»* от 4 июня 1947 года. **Все радикальные предложения Министерства внутренних дел относительно амнистии репрессированным в 30—40-е годы были отклонены.** Берии же указали на то, что он проводит эти мероприятия *«с излишней торопливостью»*[7].

Восстановить социалистическую законность можно было лишь решив центральную проблему — кадровую. Приказы по личному составу НКВД—МВД, а также документы и материалы Организационного отдела ЦК партии раскрывают механизм постоянной ротации кадров карательно-административных органов за счет партийно-комсомольских наборов. В первые годы создания советской государственности это оправдывалось дефицитом профессиональных кадров. Приходилось мириться с низким уровнем подготовки новобранцев. Позднее на работу «в органы» стали направлять детей ответственных партийных и советских работников.

При всех отрицательных качествах Берия, безусловно, был высокопрофессиональным разведчиком и контрразведчиком. Он ясно представлял, какой вред делу приносят такие кадры. Но и понимал, что лобовая атака для него окончилась бы плачевно. Поэтому он избрал другой путь — путь перемещений из одной организационной структуры в другую, а затем, при удобном случае, и вывода за пределы системы МВД. Прием не новый. Но Берия впервые поставил вопрос о ликвидации и выводе из системы МВД **целых структурных подразделений**. Только в марте 1953 года из состава МВД были выделены и переданы в другие ведомства 18 структурных подразделений МВД СССР, среди них Дальстрой, Спецстрой, Главспецнефтестрой, Гидропроект и другие. А 28 марта 1953 года постановлением Совета Министров СССР № 934—400сс был передан из ведомства МВД СССР в Министерство юстиции СССР Гулаг.

КАК ШЕФ МВД СТАЛ АГЕНТОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Один из самых острых внешнеполитических вопросов в начале 50-х годов — послевоенное устройство Германии. Искусственное разделение некогда единого и сильного государства, создание Германской Демократической Республики, провозгласившей курс на ускоренное, форсированное строительство социализма, создало серьезные политические и экономические трудности. Широкие слои населения Восточной Германии были недовольны своим положением — это проявлялось в массовом бегстве в Западную Германию. Так, с января 1951-го по апрель 1953 года из ГДР в Западную Германию перебежало 450 тысяч человек, среди них несколько тысяч членов СЕПГ и Союза свободной немецкой молодежи. Об этом сообщалось в специальных сводках, подготовленных заграничными резидентурами МВД и МИД СССР[8].

После смерти И. В. Сталина министром иностранных дел вновь стал В. М. Молотов. Как член Президиума ЦК КПСС он курировал ГДР. 27 мая 1953 года он вынес вопрос о положении в Германии на заседание Президиума Совета Министров СССР. Трезвая оценка сложившейся внутриполитической и экономической ситуации признавала, что без наличия советских войск существующий в ГДР режим непрочен.

В мидовском проекте содержалось предложение: *«Не проводить форсированную политику строительства социализма в ГДР»*. При обсуждении этого проекта Берия предложил выбросить одно лишь слово — «форсированную». На вопрос: *«Почему он так считает?»* — Берия ответил: *«Потому что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или не будет, нам все равно»*.

В это время в Москве уже находились уполномоченный МВД СССР по Германии и его заместители. Рассматривался вопрос о сокращении штатов уполномоченного МВД в ГДР. Для многих бывших партийных и советских работников такая работа была попросту синекурой. Берия волевым решением сократил эту службу в семь раз. По его предложению Коллегия МВД решила также упразднить инструкторский аппарат в Германии[9].

На заседании 27 мая Берия предложил считать курс на строительство социализма в ГДР ошибочным. Он заявил, что для Советского Союза будет достаточно, если Германия воссоединится — пусть даже на буржуазных началах. Свое предложение он мотивировал еще и тем, что единая Германия станет серьезным противовесом американскому влиянию в Западной Европе.

С контрзаявлением выступил Молотов, считавший, что вопрос, по какому пути пойдет страна в самом центре Европы, очень важен. Хоть это и неполная Германия, убеждал он, но от нее многое зависит. Следовательно, надо взять твердую линию на построение социализма, но не торопиться с этим. Молотов был убежден, что отказ от создания социалистического государства в Германии означает дезориентацию партийных сил не только Восточной Германии, но и в целом Восточной Европы. А это, в свою очередь, открывает перспективу капитуляции восточноевропейских государств перед американцами.

Молотова поддержали Хрущев, Первухин, Сабуров, Каганович и Булганин. Предложения Берии — Маленкова провалились. В протоколах не зафиксировано результатов голосования. Все мемуаристы вспоминают, что после заседания Хрущев, Берия и Маленков долго прогуливались по территории Кремля. Как утверждал потом Хрущев, именно в ходе этой прогулки он убедил Берию *«окончательно отказаться от своих предложений»*[10].

Так или иначе, но 2 июня 1953 года было издано распоряжение Совета Министров СССР *«О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР»*. Однако, как показало время, прав оказался все-таки «лубянский маршал». Уже в июле 1953 года в ГДР начались выступления рабочих, студентов, интеллигенции. Их подавили силой. Прошло более 30 лет, прежде чем Германия воссоединилась.

Другое не менее «страшное преступление» Берии — попытка нормализировать отношения с Югославией. 25 июня 1953 года он пришел к Хрущеву обсудить эту проблему.

Возникает вопрос: почему такие важные дипломатические шаги осуществлялись по линии МВД, а не МИД? Практика использования спецслужб для достижения соглашений существовала в СССР с 30-х годов. Еще в 1936—1937 годах представители личной сталинской дипломатии, прикрываемые резидентурой НКВД, вели переговоры с гитлеровской Германией, завершившиеся выработкой проекта предварительного соглашения Сталин — Гитлер (февраль 1937 г.). В период тягчайших испытаний весны—лета 1942 года сотрудники 1-го отдела Второго управления НКВД СССР договаривались с соответствующими спецслужбами гитлеровской Германии о возможности встречи Риббентропа и Молотова с целью заключения «Второго Бреста», то есть мирного соглашения с Германией.

Вот и теперь нормализацию советско-югославских отношений предполагалось осуществить, используя все те же нелегальные каналы советской разведки. При обыске в кабинете Берии среди других материалов, приобщенных затем к следственному делу, есть такая записка: *«Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия, который хорошо помнит Вас. Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам, строго конфиденциально, что он и его друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран. В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на это уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если Вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде. Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно»*.

А. Ранкович в это время занимал пост заместителя председателя Союзного исполнительного веча ФНРЮ.

Однако Президиум ЦК и МИД в лице Молотова продолжали придерживаться старой линии в отношениях с Югославией. По его предложению *«было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Североатлантическим агрессивным блоком, послы, официальные телеграммы, деловые встречи и прочее»*. Л. П. Берия явно поторопился с предложением обменяться послами, направленным югославскому правительству 6 июня 1953 года.

Не менее острый участок работы в это время — деятельность закордонной службы СССР. В апреле—мае 1953 года Берия вызвал в Москву около половины руководящих работников нелегальных резидентур Министерства внутренних дел. Две тысячи человек находились в Москве в течение 2—3 месяцев. Эффективность советской разведывательной службы в начале 50-х годов резко снизилась. Сказывался низкий уровень профессиональной подготовки разведчиков. Нуждался в серьезном обновлении дипломатический корпус. В беседах с руководством советских разведывательных служб в апреле—мае Берия постоянно подчеркивал, что *«разведки нет, что нет никакой агентуры, никакой ценной информации,*

нет никаких кадров и все надо начинать на голом месте».

Немного позже именно эти факты послужили основанием в обвинении Берии во вредительской деятельности. Так, Каганович, выступая на пленуме ЦК КПСС 3 июля 1953 года, заявил: *«Берия безусловно был связан с международной империалистической разведкой как крупный их агент и шпион. Факты, приводившегося здесь его письма и братание с Ранковичем и Тито, после того как Тито приехал из Англии и побывал в Америке, не случайно его предложение отказа от строительства социализма в ГДР и ориентация на фактическую ликвидацию ГДР. Это линия агента империализма, выполнявшего заказ международных держав — предать нашу Родину в руки империалистов»*[11].

«ГОРДИЕВ УЗЕЛ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Речь пойдет о проблемах, связанных прежде всего с территориями, вошедшими в состав СССР накануне Великой Отечественной войны, — Эстонии, Латвии, Литвы, западных областей Украины. После окончания войны положение в этих регионах продолжало оставаться напряженным. Попытка осуществить социалистическое строительство по образу и подобию СССР столкнулось с сильнейшим сопротивлением со стороны населения. Так, по материалам именной картотеки жертв националистического террора на территории Литвы, в 1944—1956 годах было убито 25 108 человек и ранено 2965[12]*.

Пытаясь лишить националистическое подполье поддержки, правительство пошло на очередной произвол — выселение родственников активных националистов. По материалам МВД СССР, за период 22—23 мая 1948 года было депортировано 11 345 семей участников националистического подполья и 39 766 кулаков. Все это осуществлялось в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года[13].

Хотя с организованным сопротивлением в 1953 году было в основном покончено, Берия понимал, что рано или поздно боль и обиды этих людей дадут себя знать. Ситуация обострялась и из-за того, что со стороны центра проводилась совершенно определенная русификаторская политика. Руководящие партийные и советские посты в этих регионах занимали русские. По существующему положению на ответственную работу нельзя было выдвигать лиц, имевших родственников за границей и находившихся в годы войны на временно оккупированной территории. В Литве же практически все население было на оккупированной немцами территории. 800 тысяч литовцев проживало за границей. Во многих семьях имелись репрессированные. Аналогичная ситуация складывалась в Латвии, Эстонии, на Западной Украине. Поэтому, несмотря на энергичные мероприятия со стороны МВД, националистическое подполье в этих регионах продолжало действовать[14].

Разрубить этот «гордиев узел» Берия решил весьма оригинально. Во-первых, он потребовал смелее выдвигать на руководящую работу национальные кадры. И начал с органов МВД союзных республик. Сотрудники его секретариата, опираясь на агентурные данные, подготовили записки о положении в западных областях Украинской ССР, Литве и Латвии. Особое внимание в них уделялось привлечению на сторону советской власти интеллигенции. Берия предлагал даже ввести специальные ордена союзных республик для награждения выдающихся деятелей культуры. Кроме того, он попытался наладить контакты с представителями западноукраинской интеллигенции, находящимися в эмиграции.

26 мая 1953 года было принято специальное постановление ЦК КПСС *«Вопросы западных областей Украинской ССР в докладной записке тов. Л. П. Берия в Президиум ЦК КПСС»*. А 2—4 июня 1953 года проходил пленум ЦК Компартии Украины с повесткой дня *«О постановлении ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. «Вопросы западных областей Украинской ССР в докладной записке тов. Берия Л. П. в Президиум ЦК КПСС»*. В обсуждении этого вопроса принимал участие и министр внутренних дел Украины Мешик. Главный лейтмотив его выступления сводился к тому, чтобы партийные органы не вмешивались в оперативную чекистскую работу, а занимались своими сугубо политическими вопросами. Он обратил внимание на серьезные недостатки в работе партийных и советских органов по устройству переселенцев из западных областей Украины[15].

В докладной записке по Литовской ССР указывалось на особое положение католической церкви и усиление влияния эмиграции. Называлось число репрессированных — 270 тысяч, указывалось, что коллективизация в Литве проводится насильственными методами, разрушается налаженное хуторское хозяйство. Основу докладной записки подготовил начальник 4-го (секретно-политического) управления генерал-лейтенант Н. С. Сазыкин. С этой целью он дважды выезжал в Литву. Для составления записки он привлек руководящих работников МВД Литвы. Позднее, после ареста Берии, они писали: *«Докладная записка, составленная нами (Кондаковым, Мартавичюсом, Гайлявичюсом), была весьма самокритичная докладная записка, но Берия она не удовлетворила. Он обвинил нас в сокрытии действительного положения в Литве. Берия обругал нас самой низкопробной бранью, пригрозил и заставил переделать в угодном ему духе, то есть раздуть состояние действующего националистического подполья и руководящих центров, католического духовенства, показать их массовыми, стройно организованными и централизованными, находящимися вне поля нашего зрения. Что касается националистического подполья, такого положения у нас в республике нет, но мы вынуждены были так это подполье описать, как хотелось Берия. На мои возражения Берия против этой необъективной оценки положения он на меня обрушился руганью и угрозами»*[16].

Время показало, насколько верно оценивал положение Л. П. Берия. Ведь последний схорон оуновцев в Западной Украине был ликвидирован только в 1962 году. Националистическое движение в Латвии, Литве и Эстонии продолжало действовать нелегально.

Позднее, после ареста, на июльском пленуме ЦК КПСС, все предложения Берии, касающиеся национального вопроса, будут названы вредительскими. В своем выступлении первый секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Ю. Снечкус приписал заслугу в постановке проблемы о выдвижении национальных кадров Г. М. Маленкову, а еще через год — Н. С. Хрущеву. В постановлении пленума и в обвинительном заключении Берию обвинят *«в разжигании национальной розни и подрыве дружбы народов»*.

ПРОТИВ ПРАКТИКИ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

Одним из серьезнейших обвинений, выдвинутых против Л. П. Берии, было *«умаление авторитета И. В. Сталина и попытка поставить органы МВД над партией»*. Насколько же все эти обвинения соответствовали истине?

Действительно, Берия одним из первых заговорил *«о культе личности Сталина»*. Долгое время именно он выступал в роли личного информатора Сталина. Несомненно, он, как никто другой, знал его характер. «Лубянский маршал» осознал, что культ личности Сталина принял болезненные формы и размеры, принципы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в высшем звене руководства вовсе отсутствовала. Годами не созывались пленумы ЦК партии, в течение 13 лет — съезды партии. Политбюро как коллективный орган тоже не существовал. Его подменили тройками, пятерками, работавшими над отдельными вопросами по личному поручению Сталина.

Какие же мысли о роли партии в социалистическом строительстве высказывал Л. П. Берия? По свидетельству Хрущева, в 1953 году во время беседы с М. Ракоши (в то время первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся, Председатель Совета Министров ВНР. — *Б. С.*) встал вопрос о разграничении компетенции ЦК и Совета Министров. Когда Берию спросили: *«Какие вопросы следует рассматривать в ЦК, а какие в Совете Министров»*?» — он пренебрежительно ответил: *«Что ЦК. Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»*[17]. Аналогичные мысли (партия должна заниматься только кадрами) он высказывал и в разговорах с Кагановичем.

Партийный аппарат на местах заорганизовывал работу не только Советов, но и хозяйственных органов. Известно, что партийные комитеты принимали соответствующие постановления о начале посевной или уборочной кампаний, регламентировали работу промышленных предприятий и колхозов. Такое вмешательство приносило только вред. По указанию Л. П. Берии органы Министерства внутренних дел на местах занялись сбором материала, подтверждающего некомпетентность партийных органов в хозяйственных вопросах. Это расценили как попытку поставить МВД над партией.

Министр внутренних дел Украины Мешик приказал начальнику управления МВД по Львовской области генералу Т. А. Строкачу «сфотографировать» два самых отсталых колхоза. Об этом Строкач, бывший до этого министром внутренних дел Украины, проинформировал первого секретаря Львовского обкома партии З. Т. Сердюка, что возмутило последнего: *«...но у нас есть же хорошие колхозы, на примере которых можно показать жизнь крестьян»*[18].

Еще более насторожило партаппаратчиков указание Берии собрать сводный материал о национальном и образовательном уровне работников обкомов, горкомов и райкомов партии.

Особенно же возмутило принятое 9 мая 1953 года по инициативе Л. П. Берии постановление Президиума ЦК КПСС *«Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников»*. В нем, в частности, предлагалось *«отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников»*. После его ареста, 2 июля 1953 года, это постановление решением того же самого Президиума ЦК КПСС было отменено, как ошибочное[19].

По указанию Берии в апреле 1953 года периодическая печать прекратила славословия в адрес Сталина. Критические нотки в оценке «вождя и учителя всех времен и народов» все чаще и чаще стали проскальзывать в беседах с партийными и советскими работниками. Можно предположить, что Берия планировал начать крупномасштабную кампанию по осуждению культа личности Сталина. Позднее эти идеи частично реализовал Н. С. Хрущев. Но в 1953 году это расценили как попытку Берии создать собственный культ.

Все предложения Берии расценивались как попытки поставить органы МВД вне партийного контроля, вывести их из-под партийного руководства. Лучше других по этому вопросу высказался Каганович. Выступая на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, он сказал: *«Мы должны поднять свою идейно-политическую работу среди рабочих и коммунистов и должны укрепить партийные органы. Партия для нас превыше всего. Подлец Берия не раз говорил: ЦК должен заниматься только пропагандой и частично кадрами — к этому он сводил роль ЦК. А для нас, старых большевиков, ЦК — это партийное, политическое и экономическое руководство всей жизнью партии, страны и государства. Оргвопрос подчинен политике. Оргвопрос и политика тесно связаны между собой. Вот почему мы должны хранить силу ЦК, беречь его, укреплять его и чтобы ЦК был бы действительно не тем, каким хотел этот подлец, а чтобы оставался, как он был всегда, крепким центральным органом нашей партии, который руководит всей жизнью нашей страны... Мы должны сказать, что многое из того, что сказано в 1937 году, необходимо учитывать и сегодня»*[20].

* Подробнее об этом см. «Родина». 1991. № 6—7.

ПОСЛЕДНИЕ ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Сто дней, отведенные судьбой «лубянскому маршалу», заканчивались. Мастера политической интриги уже активно плели нити заговора. Для него же продолжались обычные дни, заполненные повседневной работой: совещания, заседания коллегии, подготовка новых предложений Совету Министров СССР и Президиуму ЦК КПСС. Одно из них, датированное 16 июня, предполагало решить судьбу Архипелага Гулаг. Берия предлагал *«ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности»*. Напомним, что к этому времени Гулаг уже был выведен из подчинения МВД и передан в ведение Министерства юстиции СССР.

Кроме того, Берия предлагал приступить к коренному пересмотру всех дел, связанных с так называемыми контрреволюционными преступлениями, и поднимал вопрос не об амнистии, а о реабилитации осужденных. Прокуратуре СССР, Верховному суду СССР, Министерству внутренних дел, Министерству юстиции СССР предлагалось вернуться к определению понятия «контрреволюционное преступление», а Прокуратуре СССР — пересмотреть дела осужденных в 30—40-е годы прежде всего несудебными органами. Всем реабилитированным предусматривалась моральная и материальная компенсация.

Другое предложение касалось спецпереселенцев. Берия считал необходимым создать специальную комиссию из представителей партийных, советских и административных органов для изучения условий их труда, быта и отдыха.

Во времена «хрущевской оттепели» в общественное сознание настойчиво внедрялась мифологема, что в годы «большого террора» органы государственной безопасности встали над партией, Берия якобы попытался сделать то же самое после смерти Сталина. Документы свидетельствуют об обратном. Все оперативные приказы о проведении массовых операций, все организационные перестройки в органах государственной безопасности находились в сфере внимания ЦК партии и санкционировались либо Оргбюро, либо Политбюро ЦК. Л. П. Берия не нарушал установленного порядка.

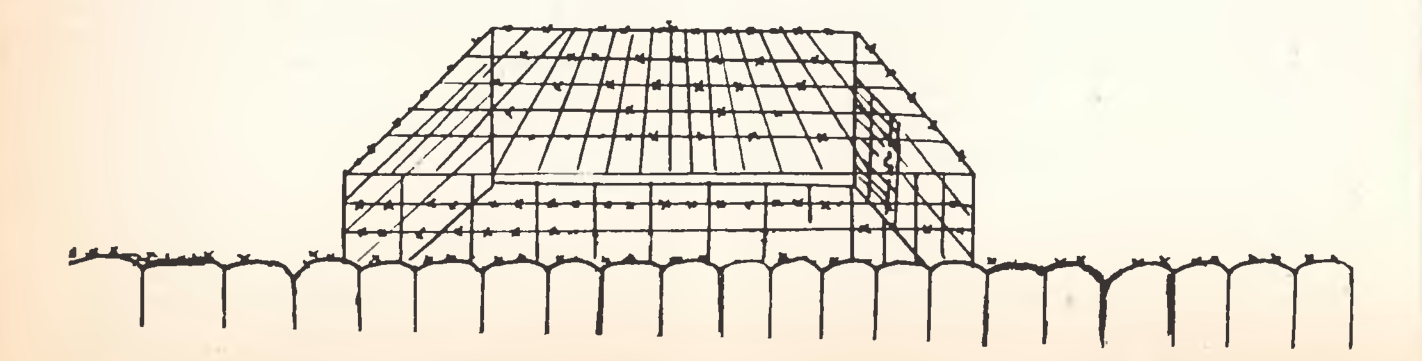
Объективно Берия был буфером между советской государственностью в лице Г. М. Маленкова и партийным аппаратом в лице Н. С. Хрущева. С самого начала своей реформаторской деятельности он был обречен — все его предложения и начинания истолковывались не иначе как стремление к захвату власти.

В архивах сохранился еще один интересный документ, подготовленный секретариатом Берии. Это список решений ЦК партии и Совнаркома или Совета Министров, подлежащих отмене или пересмотру, как устаревшие или ошибочные. Так что можно предполагать, что реформаторские намерения у «лубянского маршала» были, и весьма серьезные. Но реализовали их другие.

И потому Берия был обречен.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. См.: Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. М., 1992.
2. Численность дана по состоянию на 1 октября 1952 г.
3. См.: Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 93.
4. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление А. И. Микояна//Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—2.
5. Там же. Выступление Н. Н. Шаталина.
6. Там же. Выступление Н. С. Хрущева.
7. ГА РФ. Коллекция документов МВД СССР.
8. ГА РФ. Материалы секретариата МВД СССР.
9. ГА РФ. Материалы МВД СССР по германскому вопросу.
10. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 94.
11. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление Л. М. Кагановича// Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—2.
12. ГА РФ. Коллекция документов МГБ—МВД СССР.
13. ГА РФ. Подготовительные материалы МВД СССР к заседанию Совета Министров СССР.
14. ГА РФ. Справка секретариата МВД СССР о национальном составе оперчекистских кадров МВД Литвы, Латвии и Эстонии. Данные секретариата МВД СССР о национальном и образовательном уровне кадров партийных, советских работников Эстонии, Латвии, Литвы и областей Западной Украины. Сравнительная характеристика.
15. ГА РФ. Материалы секретариата МВД СССР.
16. Там же.
17. Стенографический отчет июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление Н. С. Хрущева.
18. Там же. Выступление З. Т. Сердюка.
19. ГА РФ. Коллекция документов секретариата МВД СССР.
20. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление Л. М. Кагановича.

АНДРЕЙ СЕРКОВ,
кандидат исторических наук

ПРИДЕТ ЛИ К НАМ «ВЕЛИКИЙ ВОСТОК»?

«Вечные загадки истории», будоражащие умы на протяжении столетий, весьма своеобразно откладываются в массовом историческом сознании. Причудливое соединение фактов, пристрастных суждений и откровенных домыслов с течением времени приобретает немалую прочность и превращается в устойчивые стереотипы, поколебать которые очень непросто. К сожалению, легенды и мифы составляют большую часть наших знаний о разного рода тайных мистических организациях, и в частности о масонах. Для постижения этого чрезвычайно сложного явления необходимо элементарное, но квалифицированное знакомство с масонским ритуалом и обычаями, с основными вехами истории Ордена вольных каменщиков. Начнем с самого простого — известных обывательских разговоров о том, что чуть ли не каждый член бывшего Политбюро состоял в масонской ложе.

Противники масонства часто упоминают о мнимом масонском заговоре, который привел к утверждению большевизма и убийству царской семьи. В действительности между большевизмом и масонством не существовало практически никаких связей. В 1922 году III Интернационал на своем IV конгрессе в Москве заявил о несовместимости одновременной принадлежности к коммунистической партии и Ордену вольных каменщиков. Однако отдельные большевики недолгое время все же принимали участие в масонских работах, например нарком земледелия в 1918—1921 годах Семен Пафнутьевич Середа (1871—1933) или нарком финансов и идеолог партии Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870—1928). Впрочем, все без исключения большевики прекратили свое членство в масонских ложах до февраля 1917 года. Резолюция Коминтерна была направлена в первую очередь против французских коммунистов, немалое число которых состояло в ложах. Главным идеологом осуждения масонства на IV конгрессе выступил Л. Д. Троцкий. Он знал французское масонство, соприкасался с ним в Париже, читал масонскую литературу, но сам никогда не входил в ряды вольных каменщиков. Еще в 1898 году восемнадцатилетний Троцкий внимательно изучал в одесской тюрьме историю масонства и написал обширную работу по этому вопросу (впоследствии утерянную). По мнению Льва Давидовича, масонство «является по существу мелкобуржуазной подделкой феодального по своим историческим корням католицизма... становится незаменимым орудием классовой борьбы в руках государственного класса против обездоленных», а поэтому «эту язву нужно выжечь каленым железом» («Известия». 1922. 28.XI).

Специального решения о запрещении членства в ложах большевиков не требовалось: «контрреволюционность» масонства была очевидна, подавляющее большинство вольных каменщиков открыто выступило против коммунизма. «Братья», занятые политической борьбой, уже не могли собираться регулярно, и масонство в России перестало существовать. Однако в стране сохранились два мистических ордена, ряд членов которых тяготел к масонству, — Рыцарей-Филалетов (Петроград) и мартинистов (Москва и Киев).

Рыцари-Филалеты работали в первые послереволюционные годы под руководством Александра Порфирьевича Веретенникова (1870—1936), бывшего дипломата, а впоследствии служащего кредитного общества. После заключения Брестского мира Юлиус Германн, секретарь германского генерального консульства в Петрограде, стал собирать масонский кружок в гостинице «Англетер», к которому вскоре присоединились и Рыцари-Филалеты. Предполагалось со временем составить русскую ложу из членов этого кружка, но после отъезда основателя общества в Берлин осенью 1918 года заседания «друзей масонства» прекратились. Веретенников попытался создать чисто русское масонское объединение, но из-за боязни преследований оно вскоре прекратило свои собрания, а члены его оказались за пределами советской России.

Орден мартинистов существовал в России с 1905 года. Через восемь лет в этой организации произошел раскол: часть «братьев» (преимущественно в Петербурге) увлеклась оккультными науками, все больше вырождаясь в сектантскую организацию. Идейным завершением эволюции «мартинезистов» (ничего общего с масонством не имевших) стало письмо их руководителя Бориса Викторовича Кириченко-Астромова И. В. Сталину с предложением создать из Коминтерна большую масонскую ложу (см. публикацию В. С. Брачева. Русское прошлое. Л., 1991. С.

252—279). Ответом Иосифа Виссарионовича стали три года концлагерей по приговору Особого совещания при коллегии ОГПУ. Другая часть бывших мартинистов постепенно перешла к чисто масонским работам. Первым из них был принят в масонство в Италии Сергей Константинович Маркотун, а через него получили высшие степени масонства Петр Михайлович Казначеев, его сын Дмитрий, Леон Гольторп, Юрий Константинович Терапиано и другие.

К октябрю 1917 года в Киеве и Москве были созданы две масонские ложи из бывших мартинистов. Через Маркотуна к работам масонов был вновь привлечен М. А. Волошин (он стал вольным каменщиком до революции в Париже). Однако в 1918 году последний масонский центр в Москве также «замер». Начинался период русского зарубежного масонства.

По мере восстановления масонской иерархии стал насущным вопрос о контактах с «братьями», оставшимися в России. Ответственными за подобные связи стали Маркотун, председатель украинского национального комитета в Париже, и Николай Васильевич Чайковский (1850—1926), известный народник, а в это время председатель «Центра действия» в эмиграции. Все без исключения русские масоны в Париже выступили против большевизма, так как, по выражению Н. В. Чайковского, «такой порядок неизбежно ведет к рабству и застою, как это и было в Европе в худшую эпоху средневековья» (ГА РФ. Ф. 5805. Оп.1. Д. 607. Л.13).

В период 1919—1923 годов масонские связи «эмиграция—Россия» шли по двум направлениям. Первое заключалось в посылке продовольственных и вещевых посылок «братьям» в России. Ответственным за это был лично руководитель русских масонов Леонтий Дмитриевич Кандауров (1880—1936), до февраля 1917 года первый секретарь русского генерального консульства во Франции. 21 февраля 1923 года он писал Чайковскому:

«Глубокоуважаемый Николай Васильевич.

Не откажите сообщить мне адрес писателя И. С. Шмелева, или, если Вам придется его видеть, узнать у него и сообщить мне точный адрес в России бр[ата] Максимилиана Волошина, которому желал бы отправлять продовольственные посылки» (ГА РФ. Ф. 5805. Оп.1. Д.604. Л.15).

Второе направление состояло в непосредственной борьбе с большевиками. Члены русской парижской ложи Астреи Б. В. Савинков, Д. М. Одинец, Н. П. Вакар в своих рейдах на территорию советской России особое внимание уделяли Киеву, что, вероятно, было связано и с контактами с местными масонами.

Проблема восстановления связей с оставшимися на родине масонами вновь поднимается эмигрантами только в 1932 году. В мае этого года ложа Северной звезды выступила с предложением объединить все русские ложи, отбросив все различия в политических взглядах и символике ритуалов. Потребовалось разобраться в истории различных масонских систем и союзов. За написание «итоговой» работы по истории российского масонства XX века взялся Кандауров, ему помогали В. А. Нагродский и уже упоминавшийся Ю. К. Терапиано (1892—1980), ставший к тому времени известным литератором.

Особое внимание во «вспомогательных записках» Нагродского и Терапиано уделялось украинскому масонству, так как в это время в Лондон на «утверждение» был направлен мнимый диплом на основание Великой украинской ложи. В своей записке Нагродский поместил рассказ о проавстрийской Великой ложе Украины 1900—1912 годов, однако повествование по непонятным причинам было отнесено (с искажением фамилий) уже к советскому времени. Так возник миф об украинском масонстве 30-х годов, одним из звеньев которого явилось воззвание «великой ложи Украины» к Международной масонской организации и датированное якобы сентябрем 1933 года (см. «Родина». 1992. № 3. С. 33). Я. Котляревский (правильно Котляровский) и В. Морэ (Ф. Море), чьи подписи стояли под обращением, были вождями украинского масонства начала века. Скорее всего, Кандауров и Нагродский осуществили эту мистификацию в надежде выкачать побольше средств из казны европейских «братьев». Им поверили...

В процессе составления исторических записок о различных масонских системах выяснилось, что к середине 30-х годов группа бывших мартинистов, а затем масонов, в Москве еще не разгромлена. Нагродский, руководитель ряда русских парижских лож, выступает с идеей восстановления тайной организации в СССР. 2 ноября 1936 года Александр Васильевич Давыдов (1881—1955), второе после Кандаурова лицо в русском зарубежном масонстве, составил памятную записку, в которой доказывал инспирацию ОГПУ ленинградских масонских дел (имеется в виду процесс Кириченко-Астромова) и обосновывал необходимость воссоздания масонства на советской территории. В соответствии с планом Нагродского—Давыдова основная тяжесть восстановительной работы должна была лечь на плечи Терапиано. Его должны были посвятить в высшую, 33-ю степень шотландского устава и направить в СССР для организации масонских дел.

Однако ситуация потребовала оперативно пересмотреть тактику масонской работы по отношению к Советам. В конце января 1938 года масоны различных союзов: Н. Д. Авксентьев (избранный председателем), А. С. Альперин, П. А. Бобринский. П. А. Бурышкин (секретарь группы), И. А. Кривошеин, М. А. Кроль, Д. М. Одинец, В. Л. Вяземский, П. Н. Переверзев, В. Е. Татаринов, Н. В. Тесленко, И. И. Фондаминский-Бунаков, П. Я. Рысс и другие создали в Париже группу «Лицом к России». Ее участники видели главную опасность в фашизме и впоследствии активно участвовали во французском Сопротивлении. Они считали, что в России народ уже начал отходить от сталинского режима, и поэтому ставку надо делать на внутреннюю эволюцию режима, а не на вмешательство извне. Подобные идеи (при всем многообразии оттенков) стали впоследствии доминирующими в русском зарубежном масонстве.

После войны в русской эмиграции остро встал вопрос о возвращении на родину. Сложившуюся ситуацию ярко раскрывает письмо Я. Б. Полонского И. А. Бунину от 6 марта 1945 года:

«Дорогой Иван Алексеич

Начинаю с самого главного,— с «русских патриотов» и с возвращения домой. Знаю, что у вас нет вкуса к политике, но сейчас без этого никак не обойтись.

Все мы теперь (за исключением таких, как Берберова*) патриоты России, больше того — все мы патриоты Советской России, Советского Союза. Последнее понимается всеми в смысле Империи. И, конечно, все мы от борьбы (воображаемой) с режимом отказались. Но сейчас же после установления этого общего пункта начинается разветвление <...> Старые привычные понятия утеряли смысл. Как определить теперь правых и левых? Самыми «левыми» оказались нынче самые правые. Ведь не случайно в «Русском патриоте» на первых ролях оказались сначала Любимов, а теперь младороссы, стоявшие еще недавно за царя Владимира Кирилловича. И не случайно никто из тех, кому нужен свободный воздух, не пошел в эту газету, несмотря на все продолжающиеся зазывания, а ведь наше газетное ремесло такое, что не способствует очень высокой принципиальной настроенности. Мы не с «Русским патриотом» и его безоговорочным признанием за благо всего, что происходит в России. Нам нужен самый минимум: демократические свободы в самой элементарной форме. По-видимому, Россия к этому идет <...>, но в данный момент этого еще нет <...> Вот почему нам сейчас очень трудно было бы вернуться, правильнее сказать — невозможно. Но Любимову и младороссам не только не нужны были свободы, они были против всяческих демократических «штук». И поэтому их ничего не задерживает на пути в посольство с поклоном.

Приблизительно то же можно сказать и о Маклакове. Он организовывает эмигрантское объединение <...> Вот на прошлой неделе, испросив предварительно аудиенцию, он отправился в посольство в сопровождении двух адмиралов, Кедрова и Вердеревского, за благословением и инструкциями. Приняли милостиво, поставили, как полагается, водку двух сортов, икры в меру и еще чего-то. Пожурили благодушно за прошлое и посоветовали не ссориться с «Русским патриотом». Тут надо для справедливости сказать, что Маклаков — по его собственным заявлениям — целых девять месяцев вырабатывал свою политическую декларацию, весьма путанную и не совсем грамотную, но посольским нет никакого желания входить в рассмотрение каких-то политических нюансов эмиграции<...>»

Часть масонов, несмотря на осуждение «братьев», все-таки возвратилась в Россию, но, как правило, перед отъездом следовало исключение из Ордена вольных каменщиков. Восстанавливать масонские ложи после войны в России никто уже не собирался; русские масоны сами оказались перед проблемой сохранения парижских лож, так как число новых членов значительно сократилось.

Лишь когда масонство в среде русской эмиграции почти уже стало историей, а в России наступила эпоха «перестройки», ростки масонского дерева были перенесены в Москву.

Инициатива исходила от французских «братьев». В начале 1990 года первый секретарь советского посольства во Франции Юрий Рубинский был приглашен на «ознакомительную беседу» в Великий Восток Франции. Среди прочих встал вопрос и о том, не является ли масоном М. С. Горбачев и не желает ли он пополнить ряды вольных каменщиков. В ответ прозвучало, что Михаил Сергеевич (как и все предшествующие генсеки и члены Политбюро) масоном никогда не был, твердо привержен общечеловеческим ценностям и не склонен к участию в ложах (см. «Le Figaro», май 1990). Как бы там ни было, но именно после этой беседы вольные каменщики самым активным образом стали проникать в Россию (вскоре в одну из парижских лож был принят один из секретарей советского посольства во Франции).

28 апреля 1991 года в Подмосковье состоялось первое заседание ложи Северной звезды (союз Великого Востока Франции); 30 августа 1991 года в Москве была открыта ложа Новиков (союз Великой ложи Франции), а 14 января 1992 года начала свои московские дела ложа Гармония (союз Великой Национальной ложи Франции) (см. L'Express. 1992. 9.II.) С тех пор в Москве начала складываться разветвленная сеть лож, представляющих все основные масонские объединения.

*Имеются в виду прогитлеровские симпатии Н. Н. Берберовой, сделавшие ее изгоем в среде парижской литературной эмиграции.

ПАВЕЛ БУРЫШКИН

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ МАСОНСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

П. А. Бурышкин.

Имя финансиста и промышленника Павла Афанасьевича Бурышкина (1887—1955) хорошо знакомо отечественному читателю по его знаменитой книге «Москва купеческая». Однако его масонская жизнь практически неизвестна. Бурышкин не являлся идеологом масонского движения, он был его историком. Когда после второй мировой войны число членов русских лож в Париже стало стремительно уменьшаться и стало ясно, что рано или поздно уйдут из жизни последние русские масоны, Павел Афанасьевич начинает кропотливую работу по написанию истории образования и деятельности русских масонских лож в Париже. С начала 30-х годов Бурышкин работал в библиотеке Великой ложи Франции, занимаясь в основном историей масонства XVIII—XIX столетий. По этой теме Бурышкиным было прочитано более 50 докладов. Однако интереснее и значительнее оказались работы Павла Афанасьевича по истории российского масонства XX века.

Параллельно с написанием «Историй» отдельных лож Бурышкин работал над большим трудом, который получил название «Зарубежное масонство и его противники». Последняя глава этой неизданной работы и предлагается вниманию читателей.

Публикация труда Бурышкина требует ряда уточнений. Во-первых, автор был хранителем «живых» воспоминаний, но не был знаком с материалами заседаний русского масонского руководства, где обсуждались вопросы о советских агентах в парижских ложах и о русских масонах в Советской России. Во-вторых, довоенный архив самого Павла Афанасьевича и часть его библиотеки были захвачены фашистами во время оккупации Парижа (в настоящее время все эти документы находятся в Центре хранения историко-документальных коллекций в Москве). В-третьих, «советская» тема в большинстве случаев обсуждалась не на заседаниях масонских лож, а в организациях, где вольные каменщики общались без «символических» условностей.

Редакция и публикатор выражают глубокую благодарность польскому профессору Людвику Хассу за помощь в подготовке публикации. Людвик Бернардович Хасс, уроженец Галиции, получил историческое образование во Львовском университете. В начале 1938 года вместе с друзьями он основал кружок «преподавателей-марксистов», входивший в состав троцкистской организации «большевиков-ленинцев», в 1939 году был арестован советскими властями. Затем наступили годы лагеря (до конца 1947) и ссылки в Коми АССР. Лишь в 1957 году Хасс смог уехать в Варшаву и продолжить занятия историей. С 1967 года, несмотря на преследования польских коммунистических властей, Хасс опубликовал более 120 работ по истории масонства в Центральной и Восточной Европе. Во время одной из поездок в Париж Хасс получил материалы из архива П. А. Бурышкина от одного из последних русских масонов — Сергея Павловича Тикстона (ныне уже покойного).

В своих наблюдениях за жизнью русской эмиграции за рубежом советское правительство, конечно, не оставило без внимания и русские масонские ложи. Нет сомнения, что в среду русских масонов проникли советские агенты, которые доносили по начальству обо всем, что происходит в масонском доме на улице Ивет[1]. Русские братья это знали, подозревали, что имярек и является советским наблюдателем, называли время от времени разные имена, высказывали всевозможные предположения, но сколько-нибудь точных данных ни у кого не было и по-настоящему так и не удалось никого разоблачить.

Подозрения, что некоторые русские масоны состоят на службе советской тайной полиции и не только «освещают» жизнь русского масонства, но и ведут так называемую «подрывную работу», возникли уже давно, еще до формального создания русских лож в период деятельности масонского комитета, занимавшегося их организацией[2]. В своей записке об истории русского масонства за рубежом покойный Л. Д. Кандауров пишет по этому поводу следующее: «Учреждение в Париже лож встретилось с большими затруднениями ввиду того, что Чека этому всячески через своих агентов противилась, как в распускании всяких вздорных слухов (о черносотенстве русских братьев, о том, что многие из них, вследствие их деятельности в профанском мире, находятся накануне привлечения к уголовной ответственности), так и в прямой обструкции со стороны членов Комитета, находившихся на службе у чеки... Кроме того, применялся и испытанный метод ссор русских братьев, как между собою, так и с французскими братьями. Однако, несмотря на все эти препятствия, выдвигаемые врагами, русские ложи были созданы».

Как известно, покойный основатель русского масонства в Париже Л. Д. Кандауров, наряду с его огромными положительными качествами, отличался властным характером и нетерпимостью к чужому мнению, а потому его суждение о некоторых членах организационного масонского комитета, якобы «находившихся на службе у чеки», никак во внимание принято быть не может. В среде Комитета действительно происходили серьезные разногласия, но они не имели ни малейшего политического характера, а касались исключительно техники организации лож: Л. Д. Кандауров настаивал на том, что первоначально должны быть созданы ложи высших градусов, видя в этом утверждение принципов иерархии и дисциплины, тогда как другие члены Комитета, оказавшиеся в меньшинстве, рекомендовали более «демократические» методы образования вначале так наз[ываемых] «синих» лож (первых трех градусов), совершенно независимых от высших степеней. Точка зрения Л. Д. Кандаурова очень быстро одержала верх, что побудило 2—3 членов Комитета отказаться от какого-либо участия в масонской работе.

Возвращение в Советскую Россию в 1940 году журналиста К. К. Парчевского, видного сотрудника редактируемых П. Н. Милюковым «Последних Новостей» и бывшего одно время членом ложи «Свободная Россия» (послушания Великого Востока Франции), произвело на парижскую эмиграцию сильное впечатление — «возвращенцы» были тогда редкостью — и заставило некоторых заподозрить, что именно он был «оком Москвы» в русском масонстве. Но доказать этого не удалось. Надо заметить, что Парчевский никакой роли в русском масонстве не играл и даже редко бывал на заседаниях лож.

Несколько иначе обстоит дело с другим русским масоном — Бренстедом.<...> Бренстед — обрусевший датчанин, журналист по профессии, был человеком весьма фантастическим и путаным. На собраниях лож он часто выступал с долгими докладами, проповедуя спасение мира через распространение христианства с одной стороны, социализма — с другой. Говорил он крайне несвязно, и его выступления не только оставались непонятными, но вызывали и прямые насмешки, и братья относились к нему, как к юродивому. Во время оккупации Бренстед, несмотря на свою хромоту, принял деятельное участие в «резистансте»[3], стоял во главе особой русской группы, действовал мужественно, но неосторожно, пренебрегая самыми элементарными правилами конспирации в такой степени, что другие группировки отказывались иметь с ним дело. Группа Бренстеда находилась, однако, в довольно тесном контакте с резистантскими группами коммунистической партии. Было это уже после того, как немцы напали на Россию, и Сталин, изменив свое первоначальное мнение об «империалистической войне капиталистов-плутократов» против Германии, стал союзником западных демократий. Связь Бренстеда с коммунистами предосудительной считаться никак не могла — дело было общее, и сам генерал де Голль и все его организации такую же связь поддерживали.

После освобождения Франции и особенно после того, как советское правительство предложило всем русским эмигрантам во Франции получить советские паспорта, из прежней чисто резистантской группы Бренстеда возникла уже более обширная и чисто политическая организация, именовавшая себя «русскими патриотами», а затем сменившая это название на «советских патриотов». Бренстед и начал тогда своего рода пропаганду среди русских масонов, доказывая, что и Орден Вольных Каменщиков должен признать кремлевскую власть за «русское национальное правительство» и стать таким образом на «советскую платформу», тогда как существование масонства в эмиграции является по его глубокому убеждению лишенным смысла. Проповедь Бренстеда никакого успеха не имела — как мы уже говорили, авторитетом он не пользовался, но она вызвала известное раздражение среди братьев, и председатель одной ложи высших градусов пригласил «агитатора» для объяснений. В присутствии другого брата Бренстед заявил, что отнюдь не скрывает своих точек зрения и намерен их отстаивать, но что вместе с тем он не является ни коммунистом, ни даже марксистом, а именует себя «христианским социалистом». Тут же — и без всякого побуждения, а исключительно по собственной инициативе — Бренстед сообщил своим несколько ошарашенным собеседникам, что он является парижским корреспондентом секретного советского журнала «Внешняя Политика», который нигде в продаже не имеется, а предназначен только для внешних чинов советского министерства иностранных дел и для верхов коммунистической партии. По словам Бренстеда, журнал этот никакой пропаганды не ведет, а сообщает только «объективные факты». В порядке освеще-

ния вот этих «объективных фактов» ему, Бренстеду, поручено писать о следующих группах и организациях, действующих во Франции: евреях, католиках и ...масонах. О масонстве, в частности, он никогда ничего плохого не писал и писать не будет, так как продолжает считать себя масоном, и сообщает только «объективные сведения», причем будто бы советуется предварительно с «одним из старших братьев». Оба брата, участвовавших в этом разговоре, порекомендовали Бренстеду, во избежание открытого скандала и неизбежного исключения, самому подать в отставку из всех лож, где он состоял. Совет этот Бренстед и выполнил, после чего вскоре уехал в СССР.

Если все «дело Бренстеда» никакого значения и не имело и прошло даже почти незамеченным (вышеприведенный разговор остался в полной тайне), то тем не менее «советская проблема» встала перед русским масонством в Париже и внесла в него немалую, хотя кратковременную смуту.

Участие Советского Союза во второй мировой войне на стороне западных демократий, героическая оборона родины против фашистского «агрессора», блестящие победы русской армии и, наконец, весьма распространенные тогда надежды, как среди самого русского народа, так и среди почти без исключения кругов западного общественного мнения, на то, что советский строй может и должен эволюционировать в сторону демократии, заставили весьма широкие группы эмиграции пересмотреть свое непримиримое отношение к советской власти. Эти новые настроения особенно усилились после объявленной советским правительством «амнистии», перед русскими эмигрантами во Франции открылась возможность, взяв советский паспорт, не только превратиться из «апатрида» в «полноправного гражданина великой державы», но и безбоязненно вернуться на родину, раз навсегда покончив с тяжелой жизнью на чужбине. Нет ничего удивительного в том, что это движение «советского патриотизма» и «возвращенства» захватило в известной, хотя и весьма слабой степени, русское масонство[4].

Первым проявлением «нового курса» надо считать посещение группою эмигрантских политических и общественных деятелей советского посла в Париже Богомолова[5]. Из 9 участников этой делегации 6 были членами русских лож, как Шотландского Устава, так и Великого Востока. Формально, русское масонство, как таковое, к этой акции никакого отношения не имело, в ложах как «синих», так и высших градусов никаких предварительных совещаний, как и последующих докладов с отчетами о результатах беседы, не было и все братья узнали о ней только из газет, причем появившиеся заметки были весьма краткими, а протоколы беседы, довольно подробные и одобренные всеми участниками, в том числе и советским послом, опубликованы тоже не были, что и повлекло за собой возникновение самых разнообразных и по большей части неверных слухов. Но фактически «масонское засилье» в данном вопросе было далеко не случайным. Все масонские участники нашумевшего тогда «визита» были, с одной стороны, тесно связаны между собой работой в ложах, а с другой, были в какой-то степени и по самым главным вопросам политическими единомышленниками (несмотря на разную партийную принадлежность в прошлом), организовали еще до войны всевозможные совещания, где всегда так или иначе обсуждалась «русская проблема», а во время войны создали специальную «резистантскую» группу. Вот эта предыдущая их масонская и совместная политическая деятельность и дала им возможность быстро сговориться между собой и принять решение, подсказанное тогдашней обстановкой, сделать «визит» советскому послу. Действовали они на собственный страх и риск, не будучи уполномочены никакими эмигрантскими организациями и не получив какого-либо «благословения» со стороны масонства. Однако само посольство, которому принадлежала инициатива этой встречи, видело в них наиболее авторитетных представителей парижской демократической эмиграции и именно с ними хотело разговаривать. Масонская принадлежность посетителей не была секретом для советского посла. Можно думать, что участники беседы действовали не только по чисто политическим соображениям, но и по масонским, так как одним из главных идеалов масонства является примирение враждующих между собой народов, партий и социальных групп.

Однако, придя к советскому послу и заявив о «прекращении борьбы с советской властью», русские масоны сделали не оставляющее никаких сомнений заявление о том, что они от своих демократических убеждений отнюдь не отказываются, и дали понять, что ожидают эволюции советского режима в сторону демократии и свободы. В частности, они отклонили просьбу Богомолова о совместной работе с «советскими патриотами» и даже руководство последними, хотя посол и не скрыл своего скептического отношения к «патриотам» и жаловался на их «неопытность». Вот эта твердая позиция, занятая русскими масонами (военные участники беседы были настроены более «патриотически»), и предрешила неуспех всего начинания. «Протянутая рука» повисла в воздухе. Очень быстро выяснилось, что рассчитывать на демократическую эволюцию советского строя и на какие-либо реальные уступки власти чаяниям и требованиям народа не приходится. Созданное этой же группой «Объединение русской эмиграции для сближения с Советской Россией», привлекшее большое количество членов (в том числе и многих масонов), имело только одно учредительное собрание и этим и ограничило свою деятельность. Его президиум, составленный почти из всех этих же самых лиц, выпустил заявление, в котором отказывался в какой-либо степени содействовать возвращению эмигрантов в Советскую Россию после объявленной «амнистии», а в последующих резолюциях признал, что в СССР все остается по-старому, из чего следовало, что демократические круги эмиграции должны вновь продолжать борьбу за освобождение народа.

Второе проявление «нового курса», также исходившее из масонской среды, носило уже совершенно другой характер и могло в случае успеха иметь для русского зарубежного масонства весьма серьезные последствия. Для группы весьма влиятельных братьев Шотландского Устава, занимавших самые высокие места в масонской иерархии, встал вопрос: не наступило ли время осуществить то, ради чего и было создано за границей все русское масонство, а именно — перенести его деятельность на родную землю. Если в СССР возродилась русская православная цер-

ковь, которая стала занимать довольно видное место в тамошней жизни, отвечая религиозному чувству, далеко не исчезнувшему в русском народе, то почему бы не быть и русскому ордену вольных каменщиков, эзотерическая сущность которого всегда была близка русской душе? Конечно, эти масоны, по крайней мере некоторые из них, отдавали себе отчет в том, что православную церковь в Советской России никак нельзя признать ни свободной, ни самостоятельной, что благосклонное отношение к ней правительства объясняется только тем, что последнее стремится использовать ее, как орудие пропаганды и против Ватикана и против англо-саксонского протестантства. Понимали они и то, что если то же правительство наряду с «церковным действием» создаст и «действие масонское», то только в целях пропаганды или проникновения в масонские организации Запада, что таким образом русское масонство окажется действительно «советским» и, как таковое, послушным орудием в руках Кремля. Но они полагали, что если русская церковь на это сознательно пошла ради самого факта ее существования, доминирующего над всеми прочими соображениями, то то же самое возможно и для масонства. Важно, чтобы последнее существовало бы официально и «регулярно» и вело бы свою чисто «посвятительную» работу — все остальное имеет лишь второстепенное значение или никакого. При этом ложи, открывшиеся в России, должны были заниматься исключительно «ритуалом» и «эзотерикой», избегая вообще каких-либо докладов, речей и прений, особенно на политические, социальные или философские темы. Такая позиция вполне соответствовала бы, например, позиции английского масонства.

Исходя из этих соображений, некоторые братья «высокого посвящения» и вступили в переговоры все с тем же советским посольством в Париже и представили в последнее докладные записки, доказывающие, что масонство в таком виде никакой опасности для советской власти представить не может. Если последняя действительно дала бы свое разрешение, то эта группа братьев, перебравшись, скажем, в Москву и обладая всеми необходимыми градусами и дипломами, могла с соблюдением всех масонских законов и обычаев образовать там высшую масонскую инстанцию — так наз[ываемый] «Верховный Совет генеральных инспекторов 33-го и последнего градуса». Это учреждение в свою очередь обладало бы всеми правами для открытия любого количества лож всех степеней, ему подчиненных, для посвящения, притом и ускоренного, во все градусы любого количества «профанов» и для столь же ускоренного продвижения их по лестнице масонской иерархии. Созданная таким образом организация, вполне «регулярная» с точки зрения формального масонского права, могла бы затем добиваться официального признания со стороны прочих масонских «держав». Было ли бы такое признание получено — другой вопрос, но строго юридически новорожденное советское масонство имело все основания его получить. Нет сомнения, что московские ложи работали бы также «во славу Великого Строителя Вселенной», что на их «престолах» лежали бы Библии, что братья заявили бы, что они верят в Бога и в бессмертие души — все те требования, которые английское масонство ставит для признания регулярности масонской «державы», были бы таким образом соблюдены. А получение признания давало бы право советским масонам беспрепятственно посещать и все ложи (соответствующего, конечно, градуса) западных масонских послушаний. В Москве наряду с советскими митрополитами появились бы и советские «генеральные инспектора» и так же, как и московский патриарх приветствовал советскую власть за ту свободу, которую она предоставила церкви, советский «Великий Командор»[6] объявил бы современную Россию обетованной землей для масонства.

Переговоры эти велись якобы в глубочайшей тайне и строго неофициально и ни в одной ложе обсуждения этого вопроса не происходило, но конспирация была соблюдена плохо, и вскоре все и всем стало известно. Подавляющее большинство русских масонов, можно сказать все, кроме самих авторов докладных записок, отнеслись крайне враждебно к этой затее. Начались разговоры о «предательстве», о «торговле нашими душами», и в ложах уже назревал своего рода бунт против «верхов», грозивший настоящим расколом. Масонство принимает в свою среду людей всех политических, религиозных и философских убеждений, допускает любые верования, но именно на основании этого принципа и для его ограждения оно требует от каждого терпимости и уважения к чужому мнению, полной свободы исканий истины и таковой же свободы критики и не признает какой-либо единой и общеобязательной для всех идеологии. Вот эти принципы и требования были абсолютно несовместимы не только с принадлежностью к коммунистической партии, — что в свое время понял Троцкий, а за ним и конгресс Коминтерна, — но и вообще с какой-либо деятельностью в Советском Союзе. При советском строе масонство, несмотря на самое тщательное соблюдение всех ритуалов и обрядов, было бы только формой, лишенной какого-либо содержания, превратилось бы в маскарад, соединенный с отрицанием всей многовековой сущности Ордена. Если «верхи» этого не понимали или не хотели понимать, то масонские «низы» (а в их числе и весь «актив» как синих лож[7], так и высших градусов) совершенно справедливо усматривали в «докладных записках» настоящую измену масонским клятвам.

Такое мнение подкреплялось и другим соображением. Хотя авторы идеи о возвращении масонства на родину и утверждали, что они стоят вне всякой политики и действуют только во имя чисто масонских и чисто посвятительных идеалов, но их просоветские симпатии и их деятельность в союзе «советских патриотов» секрета не представляли. Вместе с тем, почти все они были известны как люди весьма правых убеждений, как монархисты и даже не конституционные монархисты. Один из них, правда задолго до вступления в масонство, участвовал в монархическом съезде в Рейхенгалле, собравшем немалое число русских черносотенцев, другие — опять-таки задолго до войны — симпатизировали «авторитарным» режимам Гитлера и Муссолини и, во всяком случае, пытались проповедовать «объективное отношение» к окнам. Демократические принципы для этих людей значения не имели, что и позволяло им с большой легкостью отказаться и от масонской сущности.

К счастью для целостности русского масонства, правительство Сталина в этом вопросе оказалось верным заветам покойного Троцкого. Насколько известно, авторы докладных записок никогда не получали официального ответа из Москвы, но частным образом им

было дано понять, что их проекты относятся к категории «бессмысленных мечтаний». Вопрос был таким образом ликвидирован, но авторитету «верхов» вся эта история отнюдь не способствовала.

Однако злополучная идея о перенесении масонских светильников на советскую землю чрезвычайно обострила вопрос о «советских паспортах», по существу не столь уже важный. Число русских масонов, взявших советские паспорта, никогда не доходило и до десятка, а держали они себя в ложах весьма скромно и лишь в редких случаях взывали об «объективном отношении к обоим враждующим блокам» или пытались весьма неумело доказывать, что в СССР не все уже обстоит так плохо, как это изображает «буржуазная печать». Но обострение «холодной войны», агрессивная политика Москвы, «сталинский зажим», крушение всех надежд на какую-либо эволюцию советского строя, появление новой солдатской эмиграции — все это делало трудным даже молчаливое соседство братьев, взявших паспорта, и других, которые остались эмигрантами. К тому же было известно, что некоторые из взявших советские паспорта не только активно работают в Союзе Советских Патриотов, пропагандируя всякие культурные достижения, но и часто посещают советское консульство и выполняют какие-то таинственные поручения. Немудрено, что в масонской среде снова заговорили о наблюдателях. В результате некоторые братья официально заявили, что, оставаясь в Ордене, они временно лишены возможности посещать ложи, не желая встречаться с «советскими агентами». Были случаи, когда один брат отказался подать руку другому. Наконец, одна ложа объявила, что отныне все ее собрания с докладами (посвященными главным образом «русской проблеме») являются «семейными», иначе говоря на ее заседание не может прийти без особого приглашения член другой ложи*. Постановление это было принято именно ввиду недопущения братьев — обладателей советских паспортов.

Естественно, возник вопрос об исключении из Ордена всех тех, кто эти паспорта взял и тем самым вполне добровольно сделался лояльным советским гражданином со всеми обязательствами, которые налагает всякий тоталитарный режим, а особенно коммунистический, на своих подданных. Но исключить масона из ложи можно только по масонскому суду с довольно сложной процедурой, предусматривающей пересмотры дела, апелляции к высшим судебным инстанциям и т. д. Главное же затруднение состояло в том, что исключить можно только за нарушение масонских же конституций и «регламентов», а последние проблемы «советских паспортов» не предусмотрели и из буквы и духа никак не вытекало, что масон, принявший то или иное подданство, перестает быть масоном. Наоборот, все конституции и регламенты единодушно говорят, что Орден принимает в свою среду людей всех национальностей и всех верований. Если при приеме кандидату и задаются вопросы: «какова ваша национальность» и «какова ваша религия», то они имеют лишь формальный характер и тот или иной ответ на них на прием или на отказ в таковом влияния не оказывают. Поэтому Великая Ложа Франции, хотя и обеспокоенная возможным проникновением коммунистов в ложи, разъяснила русским масонам, что она ни в коем случае не может допустить исключения какого-либо брата только потому, что он взял советский паспорт.

Казалось, безвыходное положение было разрешено несколько неожиданным образом. Французское правительство приступило к высылкам тех новоявленных советских граждан, которые были так или иначе уличены во «вмешательстве в политическую жизнь» Франции, иначе говоря, в какой-то уже чисто коммунистической деятельности. В числе высланных оказались и четыре русских масона, имевших «высокие степени» и бывших как раз инициаторами переговоров с советским посольством о разрешении масонства в СССР. Высланы они были, конечно, не за свою масонскую деятельность, а за политическую. Насколько серьезны были эти обвинения — сказать трудно. Политическая полиция во Франции своих «досье» не открывает, и высылки состоялись в чисто административном порядке, но Великая Ложа Франции, имеющая хорошие связи и обычно хорошо осведомленная, сообщила русским братьям, пытавшимся заступиться за высылаемых, что она в данном случае ничего не может и не хочет. Скандал в масонской среде был крупный, и среди русских, и среди французских братьев. Многие русские масоны справедливо указывали, что все это можно было заранее предвидеть и заставить советофильствующих братьев покинуть Орден, дабы избавить его от совершенно незаслуженных нареканий. Но в результате сразу произошло оздоровление неприятной атмосферы. Кое-кто из обладателей советских паспортов после этого сами подали в отставку, другие перестали показываться в ложах. Проблема «советского масонства» перестала существовать.

* На «торжественное собрание» ложи может прийти любой член другой ложи и принять участие в прениях, но не в голосованиях. На «семейных» собраниях присутствуют только члены данной ложи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дом на улице Ивет был арендован русскими масонами в феврале 1926 года. Одно из помещений его было приспособлено для обрядовых заседаний, другие — под клубные комнаты. Особо было украшено помещение для «столовых» заседаний. На стенах висели пастельные портреты основателей русских лож работы А. А. Гефтера и знамя, сделанное М. В. Добужинским. Вилла была занята немецкими властями в 1940 году; русские масоны больше в это здание не вернулись.
2. Среди подозреваемых в связях с «чекой» (иногда ошибочно) были такие масоны, как В. Е. Татаринов, С. Н. Третьяков, С. К. Маркотун, Л. Д. Любимов, А. П. Марков, С. Я. Эфрон, Б. В. Савинков, Д. С. Навашин и другие.
3. Резистантство — сопротивление (от фр. resistance).
4. В начале 1945 года в Париже возникло Объединение русской эмиграции для сближения с Советским Союзом, одним из основателей которого был масон Абрам Самойлович Альперин (1881—1968), бывший адвокат, директор фармацевтического учреждения в Париже, основатель Лиги борьбы против антисемитизма в России и глава еврейской организации сопротивления во Франции. В том же году возник и Союз русских патриотов (затем советских патриотов), видную роль в котором играли масоны Д. М. Одинец, Л. Д. Любимов, А. Ф. Ступницкий и В. Л. Андреев.
5. 12 февраля 1945 года визит советскому послу Александру Ефремовичу Богомолову нанесли В. А. Маклаков, А. С. Альперин, А. Ф. Ступницкий, М. М. Тер-Погосьян, Д. Н. Вердеревский, В. Е. Татаринов, Е. Ф. Роговский, М. А. Кедров и А. А. Титов. Стенограмма речей на этой встрече опубликована (Новый журнал. 1970. № 100. С. 269—279). В своей книге «Люди и ложи» Н. Н. Берберова умышленно искажает факты, чтобы опорочить как своих литературных противников (Г. В. Адамовича и С. К. Маковского), так и масонов в целом. Из членов делегации М. А. Кедров и А. А. Титов масонами не были.
6. «Великий Командор» — наименование руководителя лож шотландского устава в отдельной стране (председателя Верховного Совета генеральных инспекторов 33-го и последнего градуса).
7. «Синие» ложи (иоанновские) работали в трех первых степенях.

Публикация **АНДРЕЯ СЕРКОВА**

БОРИС РАЙСКИЙ

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

БРАТЬЯ НАРЫШКИНЫ ЗНАКОМЯТ ДЕНИ ДИДРО С РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ

Райский Борис Григорьевич (1909—1981) родился в Витебске, окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Более десяти лет работал в журнале «Новое время», где освещал проблемы западноевропейского рабочего движения. Свободно владел несколькими европейскими языками. Борис Григорьевич внимательно изучал историю и культуру народов России и Франции, взаимоотношения выдающихся людей двух стран. Предметом его пристального интереса явились жизнь и творчество знаменитого французского просветителя Дени Дидро. Предлагаемая статья, а также оставшийся неоконченным роман посвящены неизвестным подробностям путешествия Дидро в Россию летом 1773 года.

Три ярких события освещают в русской истории лето 1773 года. На Яике открылся казакам спасшийся от смерти император Петр Федорович. На турецкой войне русские войска перешли Дунай. Из Гааги в Петербург направилась карета, в которой находился ведущий деятель европейского Просвещения Дени Дидро. О последнем событии вспоминают все реже, поэтому о нем и пойдет речь.

«Некий господин Нарышкин, — писал Дидро в Париж, — камергер ее императорского величества, дал мне место у себя в хорошей карете и везет меня в Петербург. Мы поедем втихомолку, удобно, с остановками там, где нам подскажет любопытство или необходимость отдохнуть».

Этот «некий Нарышкин» долгое время смущал историков и биографов. Дело в том, что В. Бильбасов, автор авторитетнейшего труда «Дидро в Петербурге» (1884), написал, что спутником Дидро и его гостеприимным хозяином в Северной Пальмире был «представитель роскошного барства», «известный щеголь» своего времени, шестидесятитрехлетний Семен Кириллович Нарышкин (1710—1774), бывший при Екатерине генерал-аншефом и обер-егермейстером. Это утверждение пошло с тех пор кочевать по справочникам и биографиям: от десятитомного собрания сочинений, вышедшего в Москве в 40-е годы нашего века, до юбилейной книги А. Акимовой из серии «Жизнь замечательных людей». Знатоки екатерининской эпохи находились в некотором смущении: во-первых, такая дружба (а Дидро жил в доме Нарышкина, общался с хозяином и читал подобранные им российские издания в течение пяти месяцев) не очень вязалась со взглядами знаменитого просветителя; во-вторых, странным казалось утверждение Дидро о том, что его спутнику по путешествию и хозяину дома «не больше тридцати лет». Поэтому в ряде работ имя Нарышкина называлось осторожно, без инициалов.

«Славный Нарышкин, — сообщал Дидро своему другу, знаменитому скульптору Фальконе, — ...убедил меня, что ему и мне доставит большое удовольствие ехать вместе, беседуя в пути, несколько сот лье в одной карете». Нам и теперь небезразлично, кому из россиян довелось вести столь продолжительные диалоги с французским философом, а значит, по большому историческому счету, воспринимать и сохранять идеи Просвещения на востоке Европы.

Внимательное изучение переписки Дидро того периода, сопоставление мелких деталей жизни «некоего Нарышкина» с биографиями довольно многочисленных представителей этого рода дает ответ, опровергающий мнение Бильбасова и книги из серии «ЖЗЛ». Это Алексей Васильевич Нарышкин, тридцати одного года, побывавший депутатом знаменитой екатерининской Уложенной комиссии и адъютантом графа Г. Г. Орлова во время не менее знаменитого пу-

тешествия императрицы в Крым, один из переводчиков «Велизария» Мамонтелли. А впоследствии — камергер, сенатор и с 1787 года член Российской академии. Дидро сообщал, что его спутник «уже четыре года объезжает весь свет» и что он «успел перебраться через Альпы, а потом через Апеннины». Именно Алексей Нарышкин с 4 мая 1770 года осуществлял специальную посольскую миссию в Турине — столице Сардинского королевства: в годы русско-турецкой войны он обеспечивал содействие Туринского двора русской средиземноморской эскадре, заходившей в сардинские порты. Успех миссии подтверждают дипломатические документы. Четырехлетнее пребывание за границей Алексей Нарышкин завершил поездкой в Париж и на воды в Ахен. Тогда он получил «повышение» из камер-юнкеров в камергеры и познакомился с Дидро, который не без удовольствия отмечал в письме к мадемуазель Воллан, что «г-н Нарышкин весьма любезный человек и очень любил меня и проникся ко мне большим уважением в Париже».

Итак, к моменту отъезда вместе с Дидро из Гааги Алексей Нарышкин был уже не камер-юнкером, а камергером (так его именует Дидро и в дальнейшем). В упомянутом письме Дидро, написанном сразу после прибытия в Петербург, содержатся и другие сведения о Нарышкине и об обстоятельствах, при которых Дидро поселился у него в доме. Первоначально Дидро намеревался остановиться у своего друга Фальконе, но, приехав к нему, узнал, что приготовленную для него комнату занял сын Фальконе, неожиданно прибывший из Лондона. Столкнувшись с этим непредвиденным затруднением, Дидро написал Нарышкину записку, тот прислал за ним карету, и Дидро немедленно был устроен в очень удобном помещении. На следующий день, когда Нарышкин пришел его проведать, Дидро сказал ему приблизительно следующее: «Сударь, вы проявили ко мне столько доброты, что было бы очень скверно с моей стороны злоупотреблять ею... Если я вас ни в малейшей мере не стесняю, если мое пребывание в вашем доме столь же приятно вашему брату и вашей невестке, как вам, я здесь останусь... Но если это связано хоть с малейшим затруднением, у меня здесь есть друг, с которым я не замедлю повидаться и поговорить о том, как мне устроиться... Тотчас же его брат и невестка пришли заверить меня, что я могу располагать их домом и всем, что в нем находится, пока это будет мне приятно».

Таким образом мы узнаем, что у спутника Дидро были брат и невестка, вместе с которыми он жил; в доме братьев Нарышкиных французский философ и провел почти пять месяцев.

Перед отъездом Дидро из России Екатерина обещала ему, что возместит Нарышкиным затраты на содержание французского гостя. Деликатный Дидро тем не менее очень беспокоился о том, чтобы обещание это было выполнено. Накануне отъезда из Петербурга философ написал Екатерине письмо, напоминая ей, в частности, о долге, который она «так положительно» обещала выплатить Нарышкину. Позднее, в письме из Гааги, он снова напомнил об оставленном в Петербурге долге, а в письме, отправленном оттуда же жене, с исключительной теплотой вспоминал о Нарышкиных, которые, как он писал, «проявили ко мне столько доброты, относились ко мне, как к брату, приютили и кормили меня, освобождали меня в течение пяти месяцев от каких-либо расходов».

Как видим, Дидро считал себя обязанным не только А. В. Нарышкину, но и его брату, который жил в том же доме и о котором также сохранились достаточно подробные сведения.

Оба брата Нарышкины являлись известными в свое время литераторами и фигурируют в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, вышедшем в 1772 году. А. В. Нарышкин участвовал в переводах из «Энциклопедии» Дидро (им переведены, например, статьи «Нравоучение» и «Посредственность»), был связан тесной дружбой со многими современными ему литераторами, и особенно с А. А. Ржевским, плодовитым поэтом и одним из образованнейших людей своего времени. И Ржевский, и Нарышкин сотрудничали в «Полезном увеселении» и других журналах Хераскова, публикуя там, в частности, стихотворные послания, обращенные друг к другу. Как указывал Н. И. Новиков в своем словаре, написанные Алексеем Нарышкиным элегии, оды, притчи и эпиграммы «весьма много похвалялись» современниками «за чистоту слога, нежность и хорошее изображение».

В числе произведений С. В. Нарышкина — стихи на победы при Ларге и Кагуле, стихотворные послания Екатерине, Г. Г. Орлову, его брату Федору, «как знающему прямо господина Гельвеция», и т. д. По свидетельству Н. И. Новикова, помимо этих стихотворных «эпистол, делающих честь его имени», С. В. Нарышкин опубликовал также много «весьма похваляемых» элегий и других стихотворений. Известно также, что и он участвовал в переводах из «Энциклопедии» — им переведены, в частности, статьи «Экономия» и «Право естественное».

Помимо участия в переводах из «Энциклопедии», братья Нарышкины еще задолго до приезда французского философа в Петербург проявляли интерес к творчеству Дидро-драматурга. Так, С. В. Нарышкин был автором комедии «Истинное дружество», написанной «во вкусе Дидеротовском». Кроме того, Нарышкины были причастны к распространению пьес Дидро в России. В 1765 году в Петербурге была издана в переводе приятеля А. В. Нарышкина Сергея Глебова пьеса Дидро «Чадолюбивый отец», а в 1766 году тот же Глебов перевел пьесу Дидро «Побочный сын», посвятив свой перевод «государю моему Алексею Васильевичу Нарышкину». «Государь мой! Следуя во всем мне возможном воле своих приятелей, — говорилось в этом посвящении, — перевел я по желанию вашему комедию г. Дидерота, называемую «Побочный сын», или «Опыт добродетели»...»

Причастность обоих братьев Нарышкиных к литературе, несомненно, сыграла большую роль в ознакомлении Дидро с культурной жизнью России. В своей статье «Дидро и русские писатели его времени» М. П. Алексеев отмечал, что изучение русских книг, вывезенных Дидро из Петербурга, может быть, свидетельствует о том, что русская библиотека подбиралась для него людьми, хорошо знавшими современную им русскую литературу, и скорее всего — самими братьями Нарышкиными.

Дидро, как известно, не только собирал русские книги, но и стремился ознакомиться с их содержанием, изучая для этого русский язык. В Петербурге он пользовался с этой целью обширной специальной литературой. При изучении русского языка Дидро не обходился без помощи приставленного к нему наставника и при его содействии сумел овладеть русским языком в границах, которые считал обязательными для путешествующих в чужой стране. Услугами такого наставника Дидро, несомненно, пользовался и при ознакомлении с произведениями наиболее выдающихся русских писателей. М. П. Алексеев, изучавший русские книги, принадлежавшие Дидро, указывал, что на входившей в эту библиотеку книге Хераскова «Пума, или Процветающий Рим» на обороте шмуцтитула «не рукою Дидро, но кого-либо из Нарышкиных» заглавие повторено по-французски. Такие же надписи сохранились и на других книгах, а на «Хореве» Сумарокова многие строки переведены на полях на французский. Тем самым подтверждается мнение М. П. Алексеева, что «Дидро читал эту трагедию с чьей-то помощью».

Тот факт, что Дидро жил в доме А. В. и С. В. Нарышкиных, не оставляет сомнений в том, кто именно оказывал ему эту помощь. Его помощниками были прежде всего сами братья Нарышкины; не исключено также, что они привлекли к этому делу и какое-то третье лицо, например учителя дочери С. В. Нарышкина.

Беседы с Нарышкиными, без сомнения, помогли Дидро познакомиться не только с культурной жизнью страны, но и с русской действительностью в целом. Исключительно важно указание Дидро на то, что составленный им для Екатерины «Исторический очерк о представительных учреждениях» был написан им «по настоянию г. Нарышкина». Нетрудно заметить, что главная цель Дидро при составлении этого очерка состояла в том, чтобы убедить Екатерину превратить известную комиссию для подготовки проекта нового уложения в постоянное законодательное учреждение, своего рода улучшенный вариант английского парламента. «Если Вы намерены,— писал Дидро, обращаясь к Екатерине,— дать долгую жизнь Вашим законам и воздвигнуть непреодолимую преграду против деспотизма... Вы превратите созванную комиссию в постоянное учреждение и предоставите провинциям право продлевать или отменять полномочия их представителей, отняв вместе с тем у своих преемников возможность обходить комиссию или упразднить ее».

Как и следовало ожидать, Екатерина пренебрегла советом Дидро. Задолго до приезда французского философа в Петербург она упразднила Уложенную комиссию, а ее Наказ этой комиссии давно считался запрещенной литературой. Еще 24 сентября 1767 года Сенат издал указ о строгом хранении русского текста Наказа единственно для сведения высоких должностных лиц. По замечанию А. Н. Пыпина, «это было сделано постольку, поскольку бросалось в глаза противоречие заявленных в нем правительственных и нравственных идеалов с наличной действительностью».

Лицемерный характер екатерининского Наказа не укрылся от проницательного Дидро. Неудивительно, что его замечания на этот Наказ, написанные после отъезда из Петербурга, вызвали крайнее недовольство Екатерины, уверявшей Гримма, что их автор не обнаружил «ни знания обстоятельств, ни благоразумия, ни предусмотрительности». В действительности гнев Екатерины как раз и объяснялся тем, что Дидро проявил великолепное «знание обстоятельств» ее правления. Заданные им Екатерине еще в Петербурге письменные вопросы, касавшиеся многих острых сторон русской жизни, свидетельствовали о том, что французский философ к тому времени неплохо ориентировался в русском законодательстве. Как известно, Екатерина не ответила на большинство этих вопросов, а на остальные, как правило, давала уклончивые, искажающие истину ответы. В 1770 году она самым серьезным образом уверяла в одном из своих писем Вольтера, что русские крестьяне живут в полном достатке и что «в России нет крестьянина, который бы не ел курицы, когда он захочет», а «с некоторого времени он предпочитает индеек курам». Эти утверждения она почти дословно повторила и в ответе на один из вопросов Дидро. Однако Екатерина не учла, что Дидро, в отличие от Вольтера, имел возможность проверить подобную «информацию» на месте. И главным источником его осведомленности, без сомнения, были его русские знакомые, лучше кого-либо другого разбиравшиеся в окружающей действительности, и прежде всего — братья Алексей и Семен Нарышкины и их ближайшее окружение.

Подведем итоги. Из всего сказанного выше видно, какие важные последствия имел тот факт, что спутником французского философа по путешествию в Россию и его хозяином в Петербурге был не обер-егермейстер Екатерины, который слыл «первым щеголем» своего времени и был представителем «роскошного барства», а молодой литератор, дипломат и политический деятель, хорошо знакомый с современной ему русской и западноевропейской действительностью. Гримм ошибался, когда писал русскому посланнику в Берлине графу Нессельроде, что Дидро не одержал в Петербурге «ни одной победы, кроме как над императрицей». Создатель «Энциклопедии» действительно не пользовался успехом у представителей петербургского «роскошного барства», расположения которых усиленно добивался Гримм; но зато Дидро посчастливилось близко сойтись с такими просвещенными русскими людьми, как братья Нарышкины, которые испытывали к нему огромное уважение и помогли ему познакомиться с различными сторонами русской жизни. Именно поэтому Дидро и считал такой своей удачей это путешествие в Россию, которое, как впоследствии шутливо замечал философ, он не согласился бы отдать и «за половину своего состояния».

Дальнейшее изучение источников, и в частности архивных данных, несомненно, позволит значительно полнее воссоздать подробности пребывания Дидро в Петербурге. Но прежде всего нужно исправить ошибку, которую повторяют уже более ста лет.

ВИКТОР БРЕЛЬ МОНО ЛОГИ

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

1 **БЕЗ НАЗВАНИЯ.**
Обстоятельства работы: 1987 год, весна, берег Байкала.

Ничего не хотелось «изображать», а только передать звук раскалывающегося льда. Льдинка и каменная морена в соединении дают чистую музыку. Аналитическое расслоение, синтез. Технически? Двойная фотоэкспозиция. Одно на другое. Как сделать, чтоб совпало? Так это же самое интересное: чтоб совпало не арифметически точно, а с элементом случайности. Надо, чтобы была мелодия. Мелодия все связывает.

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

«НЛО». **2**

Лет пять назад, когда в прессе много писали о неопознанных летающих объектах, отдал этому поветрию дань. Конкретно: сочинил летающий объект из проволоки, сфотографировал на черном бархате и — в загашник. Всегда с собой. Потом на Алтае — запустил объект в небо с помощью все той же двойной фотоэкспозиции. Риск ошибиться? Был, конечно. Всегда есть. На монтажном столе можно склеить точнее, но такой монтаж виден и зрителю, и самому художнику. Значит, надо стрелять влет, по интуиции. И тогда — либо чистый брак, либо истое попадание. Конечно, боезапас возишь с собой. Так что тут долгосрочная программа.

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

3 Когда разразилась Перестройка, подумал: что ж такое, такой тяжкий крест на нас, и все из-за одного человека. Надо на этого человека крест и навесить. Налепил на него крест, запечатал. Запечатлел. Понес в «Новое время», предложил на обложку. Там испугались, не взяли. Дело было в 1990 году. Потом уж, когда стало «можно», — сам не дал, не хотелось дудеть в общую дуду.
А обложки в «Новом времени» — памятник эпохи. Глобус, заваленный песком, — «Война в Заливе». Обелиск из консервных банок над Уральским хребтом — «Экология». Мишка на фоне плакатного Ильича — «После великой спячки». Большая политика!

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

4 «Life-story нашей прессы».

Задумал стаффаж для выставки — там мясорубка большая, деревянная. А это — фотовариант, проба материала и композиции. Всякий материал требует своей техники. В данном случае задействованы бумага, металл и вода. Откуда вода? А что такое наша пресса, как не вода? Бесконечное количество воды, множество бутылок. Что остается? Фарш из бутылочных пробок. Общее информационное пространство, заполненное этим фаршем. Музыка бульканья.

5 **«Автопортрет».**
Из серии «Теневые стороны моей жизни».

Тоска, безысходность. Чисто фантастический выход из положения. Тень — и реальные руки. Тень с натуральными руками. Реальные руки, придающие тени масштаб. Стаффаж. По точному смыслу слова, стаффаж — фигурка человека на пейзаже. Второстепенная деталь композиции для масштаба. Это в классическом варианте. А в современном, стало быть, это деталь, переволакивающая всю композицию из второстепенности в первостепенность. Весь мир — стаффаж. Раз так, то в любом элементе стаффажа можно передать весь мир. Общую музыку. Или общую хламность. Красоту рук. Невысказанность лиц.

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

6 Реплика художника в хлебном вопросе. Был момент, когда выстроились за хлебом очереди. Пошел слух, что несколько московских хлебозаводов разом встали на ремонт. Что может художник? Прежде чем съесть бублик, он разламывает его и из кусочков составляет очередь. Очередь — это и есть вопрос. «Ремонт хлебозаводов» — это, конечно, стаффаж. Он выдает мифологический масштаб проблемы. Хотя ремонт может быть и вполне реальным. Несколько лет назад в обществе развитого социализма пропал сыр. Заговорили о том, что сыроваренные фабрики разом остановлены на ремонт. Оказалось — «Перестройка». Новый пейзаж. А «фабрики и хлебозаводы» — новый стаффаж.

7 Эта работа имела в жизни художника особое значение. До Японии довела! О ней чуть не самому президенту Бушу было доложено, чуть не Тосико Кайфу, чуть не самому Горбачеву во время визита в Токио. Проект Всемирной Видео-Связи! Автор проекта — Иосиф Гольдин, великий фантазер, публицист, дипломат, комбинатор, шармер, любимый автор журнала «Знание — сила», друг художника. Дизайнер проекта — Виктор Брель.
К сожалению, соорудить соответствующий ретранслятор на японском небоскребе не удалось. Но удалось поехать и обосновать перед японцами идею. Эстетически. Для чего надо было изготовить пластическую модель. Срочно, «к утру».
Можно и к утру. Берешь глобус Бакминстера Фулера, развертываешь многогранник в плоскость, ставишь на край пустыни. С восходом солнца мир наполняется музыкой.

фото ВЫ ставка
фото ОН ставка
фото БРЕЛЬ ставка

Музыка Бреля

Похож — на тренера. Спортивная шапочка, маленький боксерский нос, цепкие смешливые глаза. По лестнице прыгает через ступеньку, что на шестом десятке есть показатель немалого душевного здоровья. Картину довершают дворовые дети, время от времени врывающиеся в подвал, где Брель устроил свою мастерскую. Иногда дети что-то притаскивают, иногда утаскивают. Притаскивают — тот самый «хлам», из которого мастер делает свои «стаффажи». Утаскивают — что понравится. Сперли, например, рог гигантской улитки, сделанный из наконечника знамени (сама улитка — из свернутого пожарного шланга).

Все, что нас окружает, включая то, что валяется под ногами, для Виктора Бреля — материал. И священные эмблемы тоже. И портреты вождей. И прочее неприкасаемое. Нет ничего «священного», ничего неприкасаемого. Все идет в ироническую переработку. Но, удивительное дело, нет и ничего «отброшенного» в этом мире, в этом царстве отходов, в этой свалке растоптанного, в какофонии железок, веревок, кусков кирпича, картона, дерева, пластмассы. Весь мир пронизан странной общей мелодией, но не «программной», а неожиданной, парадоксальной, вывернутой, как бы неведомой для самой себя.

Подвал Бреля — место непредсказуемое. Но очень удобное для такой работы. Выше — на втором этаже старинной боярской «палаты» — редакция журнала «Знание — сила» (где двадцать три года Брель работает художником). А здесь — каменоломня озорника. Летающие утюги. Брюки из кованого железа. Панцирь с бутылкой, торчащей из причинно-следственного места: «Бронежилет для Ельцина». Наверное, я не сумел скрыть от проницательного художника, что сугубое внимание к властным персонам меня слегка шокирует. Он охотно объяснил: «Но ведь президенту нужен такой жилет на случай покушений» — и посмотрел на меня старательно серьезными глазами.

Я заметил некоторую склонность мастера к «торсам». Одна из композиций, названная «СПИД-анти», представляет две пары чресл, вырезанных из раздвоенных стволов; на сей раз у «мужчины» бутылочное горлышко не торчит — это место забито ржавыми гвоздями; у «женщины» в соответствующей точке — пучок розовых шипов. «Чтобы не смели сближаться». Рядом с этим рахметовским дуэтом — еще один торс: нижняя часть дамского манекена. Певучие линии. Спереди чресла зашнурованы на манер корсажа. Называется: «Пляжный костюм-92». Автокомментарий: «Ответ Славе Зайцеву».

— В вас много политического темперамента, — сказал я, стараясь помягче.

— Теперь уже нет, — прищурился он. — Когда это стало можно, и даже модно, я для себя эту сферу закрыл. Вот ее завершение, — и развернул меня к бюсту Ленина, украшенному проволочной шевелюрой: — Последний панк.

Придя в себя, я заметил:

— Рискованно, однако...

Он подхватил:

— Да, я тоже думал об этом. Вот «Автопортрет»,— и показал мне тюремный глазок, заключенный в роскошную золоченую раму; оттуда смотрел на волю насмешливый глаз Виктора Тимофеевича Бреля, 1937 года рождения, украинского потомка немецких колонистов, проведшего детство в казахстанской ссылке, выучившего русский язык по переселении в Москву после войны.

— Чувствуете свои немецкие корни? — спросил я, нащупывая координаты.

— Нет, разумеется, — не удивился он.

Теперь следовало углубиться в сферу искусств. С именами художников, делающих шедевры из «вторсырья», я боялся запутаться; их в этом мире так много, что имена их ты, господи, веси. Я поискал аналогов по фотолинии и назвал Франциско Инфанте, который, подобно Брелю, сооружает в реальности некую модель, потом ее фотографирует и предъявляет фотоснимок как конечное произведение.

— Инфанте! — живо подхватил Брель. — Он меня восхищает. У него звонкая энергия. Но это не моя плоскость. Форма не может звучать сама по себе, она должна взаимодействовать с содержанием всерьез. То есть иронически.

Мы обошли лежащий на полу гигантский щит, в углу которого я успел прочесть полузасыпанную песком надпись «Литпромпроект», свидетельствующую о прежнем владельце.

— Это моя пустыня, — пояснил Брель. — А вот и солнышко, — показал вырезанный из бумаги диск, восходящий из-за края песчаной кучи. — Можно строить Всемирное Информационное пространство.

Я спросил:

— Кто из крупных художников на вас повлиял?

Он задумался.

— Моро. У него замечательные стаффажи.

— А из теперешних? Три имени можете назвать?

— Конечно. Юло Соостер. Юра Соболев. И Адольф Шнитке.

Последнее имя заставило меня вернуться к национальным раскопкам:

— Шнитке — немец...

— Да какой он немец! — был мгновенный ответ. — Просто он научил меня слышать музыку... во всем этом.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

РОСТИСЛАВ ЮРЕНЕВ

ТРАГЕДИЯ СЕРГЕЯ ЭЙЗЕНШТЕЙНА

В двадцать два года он слышал о себе: «крупнейший талант». В двадцать восемь, когда его фильм «Броненосец «Потемкин» пошел по экранам мира, Эйзенштейна назвали «великим». А сколько он вытерпел поношений: и интриган, и оскорбитель классиков, и формалист, и себялюбец, сидящий в башне и не знающий жизни. Да и теперь нет-нет да и послышится: начетчик, рационалист и даже... приспособленец! Но и написано на многих языках: «гений»...

В судьбах великих художников всегда есть отблески трагизма. Опережая свое время, они часто бывают непонятны, от них постоянно требуют того, что нужно не им, а кому-то, именуемому «народом». А народ бывает и неосведомлен, и равнодушен. И непонимание порождает одиночество, которое нередко оборачивается трагедией.

Начав с эпических революционных полотен, Эйзенштейн пробовал себя и в комедии, и в психологической драме, и в памфлете, и в исторической хронике. По разным причинам — не получилось.

А к высокому жанру трагедии он обращался дважды: снимая фильм по сценарию А. Ржешевского «Бежин луг» (1935—1937), который не был завершен, и по собственному сценарию — картину «Иван Грозный».

И оба раза это оборачивалось трагедией для него самого.

Успех фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» можно назвать триумфальным. Все газеты поместили восторженные отзывы. Вскоре началось шествие картины по зарубежным экранам. «Правда»[1] сообщала о множестве зрителей в Лондоне, Нью-Йорке, Франции, Бельгии, Швейцарии. «Вечерняя Москва»[2], ссылаясь на «Ивнинг пост», писала, что фильм понравился Рузвельту. В журналах появились списки восторженных рецензентов и цитаты из статей. 1 февраля 1939 года Эйзенштейн был награжден орденом Ленина; его поспешно восстановили в профессорстве, присвоили учеиую степень доктора искусствоведения, внесли в книгу почета профсоюза. Он аккуратно складывал вырезки в конверт, отдельно — редкие отрицательные отзывы и письменные просьбы германского и японского послов о билетах на просмотры[3].

Внезапно в конце 1939 года фильм был снят со всех экранов: в Москву приехал Риббентроп. Но поток похвал не прекратился. 15 марта 1941 года Эйзенштейну была присвоена Сталинская премия I степени.

Ко всей этой шумихе вокруг фильма Эйзенштейн относился равнодушно, порою — с юмором. Он был занят новыми замыслами. Вспомнил о своих прежних планах экранизировать «Первую Конную» или «Железный поток». Остановился на «Перекопе». Размышлял над сценарием с А. Фадеевым и Л. Никулиным. С П. Павленко увлеченно начал работу над «Ферганским каналом». Вместе с ним и Э. Тиссэ объездил Ташкент, Коканд, Самарканд, Бухару. Будущий фильм рисовался ему как эпопея борьбы народов Востока за воду — сначала при Тамерлане, затем при русском царизме и, наконец, в современности.

Тем временем в Комитете по делам кинематографии решили, что съемки исторических частей сценария потребуют слишком больших расходов, и рекомендовали ограничиться современным материалом. Значит, вместо монументальной эпопеи придется снять небольшой хроникальный очерк? Эйзенштейн боролся. Заручился поддержкой узбекских властей, просил о помощи Жданова. Узбеки не помогли, Жданов не ответил.

Конфликт закончился тем, что Эйзенштейну категорически предложили поставить оперу Вагнера «Валькирии» в Большом театре.

Понимал ли Эйзенштейн, что в этом решении есть нечто провокационное? Автора антифашистского фильма, буквально содранного с экранов в угоду Риббентропу, вынуждают ставить Вагнера, почитаемого фашистами, после русских подвигов и святынь воспевать германские легенды?

Но пришлось согласиться. Все же Вагнер есть Вагнер, его музыка гениальна, драматургия величественна...

Репетиции началась поспешно, через десять дней. Было задумано сложное синтетическое действо. Музыка, текст, пантомимы, разноцветный свет, радиофикация зала, небывалые декорации, задуманные режиссером и воплощенные художником П. Вильямсом. Зеркало сцены было обрамлено золотым обручем — кольцом Нибелунгов; на сцене возвышался огромный ясень — древо жизни, дупла и ветви которого служили мизансценами. Артистов главный дирижер Большого театра С. Самосуд подобрал первоклассных. Но режиссер требовал от них стремительных движений, фехтования, карабканья по сучьям и скалам, полетов над сценой. Театральная техника этого не выдерживала: фанерные скалы тряслись и скрипели, дебелые певцы задыхались от непривычных действий... Но все равно Эйзенштейн был увлечен и доволен. Помимо формальных экспериментов по созданию синтетического зрелища, его увлекла и найденная им идея: не воспевание древнегерманских богов, не трепет перед неодолимым божественным роком, а бунт валькирии Брунгильды, проникшейся сочувствием к любви Зиглинды и Зигмунда и осмелившейся пойти против воли отца — бога Вотана. Эйзенштейн писал: **«...этим Брунгильда как раз становится близкой той эпохе, которая впервые на протяженин многих веков приняла как высший критернй высшую степень человечности...»**[4]

Эту внутреннюю идею спектакля критика не отметила. Разгорелась острая дискуссия о возможности применения кинематографических приемов в опере и о соответствии их музыке Вагнера, были замечены поразительные новации в оформлении спектакля и одновременно ставилась под сомнение их органичность. Писательница Т. Тэсс, композитор Ю. Шапорин, с некоторыми оговорками, стояли за Эйзенштейна, музыковеды А. Шавердян и К. Кузнецов были решительно против. Наиболее полный и справедливый разбор спектакля сделал кинокритик Х. Херсонский

на страницах киевского журнала «Театр»[5].

Однако спектакль прошел лишь шесть раз с 21 ноября 1940 года до 27 февраля 1941-го. Трудно сказать, что повлияло на столь скупой показ сложной и дорогостоящей постановки: охлаждение в советско-германских отношениях или протесты певцов, изнывающих от полетов, фехтования, скакания по скалам...

А Эйзенштейн, как всегда, внимательно читал критику, иронизировал над своими оперными поползновениями и упорно искал новый материал для фильма. И снова его разнообразные и неожиданные предложения не находили отклика у кинематографического руководства.

Толстые папки в архиве РГАЛИ хранят материалы к фильмам о золотоискателях на Лене и Алдане, о борьбе с чумой в Африке, о деле Бейлиса...

Наибольший интерес вызвала у Эйзенштейна статья Ю. Тынянова «Безымянная любовь»[6] о влюбленности Пушкина в Н. М. Карамзину, жену великого историка. Обаяние поэта, своеобразие его эпохи, трепет безответной и безнадежной любви... Сколько возможностей для применения цвета, для монтажных и актерских изысков! Наброски либретто, раскадровка монолога Бориса Годунова, статья «Пушкин и кино» — разрозненные результаты предварительных работ Эйзенштейна. Но и здесь — отказ, неудача.

Вместе с Л. Шейниным режиссер посылает председателю Кинокомитета И. Большакову престранное письмо с заявкой сразу на два фильма: о разведчике Лоуренсе и империалистической политике Англии на Востоке и о деле Бейлиса (антисемитском процессе о якобы ритуальном убийстве русского мальчика[7]). Большаков, по-видимому, склонялся ко второму сюжету, но не решался одобрить его самостоятельно. Поэтому по его совету Эйзенштейн и Шейнин направили письмо Жданову с уговорами: **«...великий русский народ и героическое большевистское подполье, возглавившее огромную волну забастовок и протестов против этого процесса...»**[8].

Ответ Жданова был неожиданным. На копии своего письма Эйзенштейн поспешно написал карандашом: «11.1.41. Позвонил товарищ Жданов и сказал, что эта тематика сейчас не представляет интереса. На вопрос: «А что представляет?» сказал, что с удовольствием встретится поговорить. Для этого, чтобы я звонил 14.1.41». Вероятно, разговор состоялся, и Жданов предложил сделать фильм об Иване Грозном, о чем можно судить по неоднократным заявлениям Эйзенштейна, что тема Грозного была поручена ему правительством. Это подтверждается и тем, что Жданов собрал в Кинокомитете совещание по работе над фильмом о Грозном, усадил Эйзенштейна рядом с собой, обращался к нему как к автору, предлагал любые консультации (историков Виппера, Бахрушина, Грекова, Нечкиной), обещал неограниченную помощь в средствах, материалах, командировках, пропусках...

Такое внимание к образу Грозного было, разумеется, не случайным. Полное забвение и охаивание русской истории, диктуемое советской властью в двадцатых годах, сменилось в середине тридцатых подчеркнутым вниманием к некоторым историческим героям и событиям. Слова «Родина», «Россия», «патриотизм», совершенно выведенные из употребления, стали появляться в прессе и в официальных документах. В предчувствии приближающейся войны Сталин и его идеологические помощники поняли, что вдохновления светлыми перспективами социализма будет недостаточно для нравственного объединения народа. Нужно было вспомнить о былом могуществе России, возродить национальную гордость. Из огромного исторического наследия выхватывались победоносные войны, великие полководцы. Центральную роль в этой кампании сыграл роман А. Толстого «Петр I» и поставленный по нему фильм режиссера В. Петрова. «Александр Невский» наряду с «Мининым и Пожарским» и «Суворовым» В. Пудовкина тоже соответствовали этой политике, усердно приписываемой «лично товарищу Сталину». Среди интеллигенции витали мысли (конечно, нигде публично не высказанные и не опубликованные), что Сталин любит идентифицировать себя с Петром Первым, он-де и революционный преобразователь, и русский патриот, и великий полководец... К концу тридцатых годов в обстановке преследований, репрессий, шпиономании Сталину, по-видимому, больше приглянулась фигура Ивана Грозного. В Малом и Вахтанговском театрах ставились пьесы А. Толстого и В. Соловьева, стремительно перешедшие в многие провинциальные театры; художник П. Соколов-Скаля написал монументальное полотно; поэт И. Сельвинский — драматическую поэму «Ливонская война»; безудержное восхваление Грозного наполнило трехтомный роман В. Костылева. «Самое массовое из искусств» — кино — в этой гонке славословий несколько поотстало: был выпущен лишь скромный фильм режиссера Г. Левкоева «Первопечатник Иван Федоров», где Грозный предстал эдаким культуртрегером, что было маловато.

Эйзенштейн самозабвенно ушел в работу. Разноречивые оценки историков, писателей, живописцев, актеров, скульпторов, поэтов, поразительные свидетельства современников. А музейные сокровища... Он был допущен в запасники Оружейной палаты, Исторического музея, одиноко бродил по Кремлевским соборам. Архив сохранил множество рисунков, набросков, выписок, заметок.

26 января 1941 года сделан предварительный композиционный план, состоящий из пяти частей: «I. Детство. Отравление Глинской. Драка бояр. Андрей Шуйский. Дружба с Курбским. II. Брак (500 девиц). Иван-Царь. Казань. III. Мнимая смерть. Измена Курбского, 1564. Опричнина. Филипп (призыв), 1568. IV. Новгород. Духовник, 1570. Курбский. Ливония. V. Море, 1576»[9].

Уже в этом кратком плане намечены и основные события будущего фильма, и, главное, трактовка. Сделана попытка объяснить жестокость Грозного отравлением матери (Глинской), самоуправством бояр. В дальнейшей разработке этой темы большое место занимает убиение любимой жены — Анастасии, якобы отравленной царской теткой Старицкой. Сюда же приплетены ухаживания за Анастасией Курбского. Анекдот с пятьюстами девицами, из которых Иван выбирал невесту, отпадает, чтобы придать Анастасии ореол любимой, единственной. Нужно сказать, что даты ее смерти, конфликта с Курбским, Казанского похода и мнимой смерти Ивана — произвольно Эйзенштейном сдвинуты, как бы уплотнены, ухаживания Курбского — вымышлены, образы Старицкой и особенно ее сына Владимира, бывшего не идиотиком, а крупным полководцем, выписаны вопреки историческим источникам. Думаю, что все эти анахронизмы и предвзятости вполне допустимы в художественном произведении: Эйзенштейн формировал драматический конфликт, многолинейный и сильный, направленный на утверждение прогрессивной роли Ивана IV, как собирателя Руси, самодержца, борющегося за единое государство.

Фильм задумывался в двух частях (сериях). Первая была названа «Ради Русского царства великого».

Во второй серии, должной охватить деятельность опричнины, дипломатические труды Ивана, поход на Новгород и Ливонскую войну, модернизация исторических событий и персонажей еще усилилась. Завоевательный поход против свободолюбивых городов Новгорода и Пскова, беспримерный по своей жестокости, расценивался положительно, как борьба с оплотом реакционных бояр. Ливонская война, потребовавшая огромных усилий и крови, как известно, закончилась поражением московских войск, а Эйзенштейн обрывал фильм на победоносном выходе к морю. Расправа опричников не только с боярством, но и с купечеством и крестьянством были как-то обойдены, а образ Малюты Скуратова предельно облагорожен. Еще в первой серии Малюта показан сначала как предводитель бунта горожан против бояр, а затем как отважный пушкарь под стенами Казани, тогда как Скуратов принадлежал к богатому и родовитому боярству и пушкарем никогда не был. А во второй серии Малюта совсем героизируется: он водружает стяг на стенах штурмуемого им замка и долго, картинно гибнет в обрушившемся подкопе. Курбский трактуется как изменник родины, агент иностранных государств. Большинство своих исторических толкований Эйзенштейн подтвердил и постарался обосновать в ряде публицистических статей[10], полемизируя с трактовкой Грозного у Антокольского, Репина, Васнецова и опираясь на спор Белинского с Полевым, на лермонтовскую «Песнь про купца Калашникова».

Стараясь отделаться от всех своих обязанностей и забот, Эйзенштейн всецело отдается сценарию, и 8 апреля 1941 года тот отправляется уже в перепечатку. Но работа продолжается, появляются все новые детали, сцены. Объема двух серий начинает явно не хватать, но остановиться Эйзенштейн не может. Пишет, рисует, роется в книгах, запершись у себя на даче в Кратове. Там, за письменным столом, утром 22 июня он услышал речь Молотова.

Но, несмотря на начавшуюся войну, работа над «Грозным» продолжалась.

Мосфильм бомбили. Эйзенштейн ночевал в щелях, отрытых вокруг киностудии. В дневнике появляются записи о разрушениях: Книжная палата, театр Вахтангова, бомба на сцене МХАТа, выбитые стекла в доме «Известий». Факты перемежаются размышлениями о возможной смерти, о сделанном в жизни, о том, что война сближает людей. **«Неприлично крепко сплю в своей щели. Удивительно, как человеку крепко спится в земле... Нигде не спало и не спит столько народов и поколений, как именно в земле»**[11]. Наконец, среди заметок о «Грозном», а также о положении на фронтах красным карандашом записано: **«14.X.41. 6 часов уехали в Алма-Ату»**.

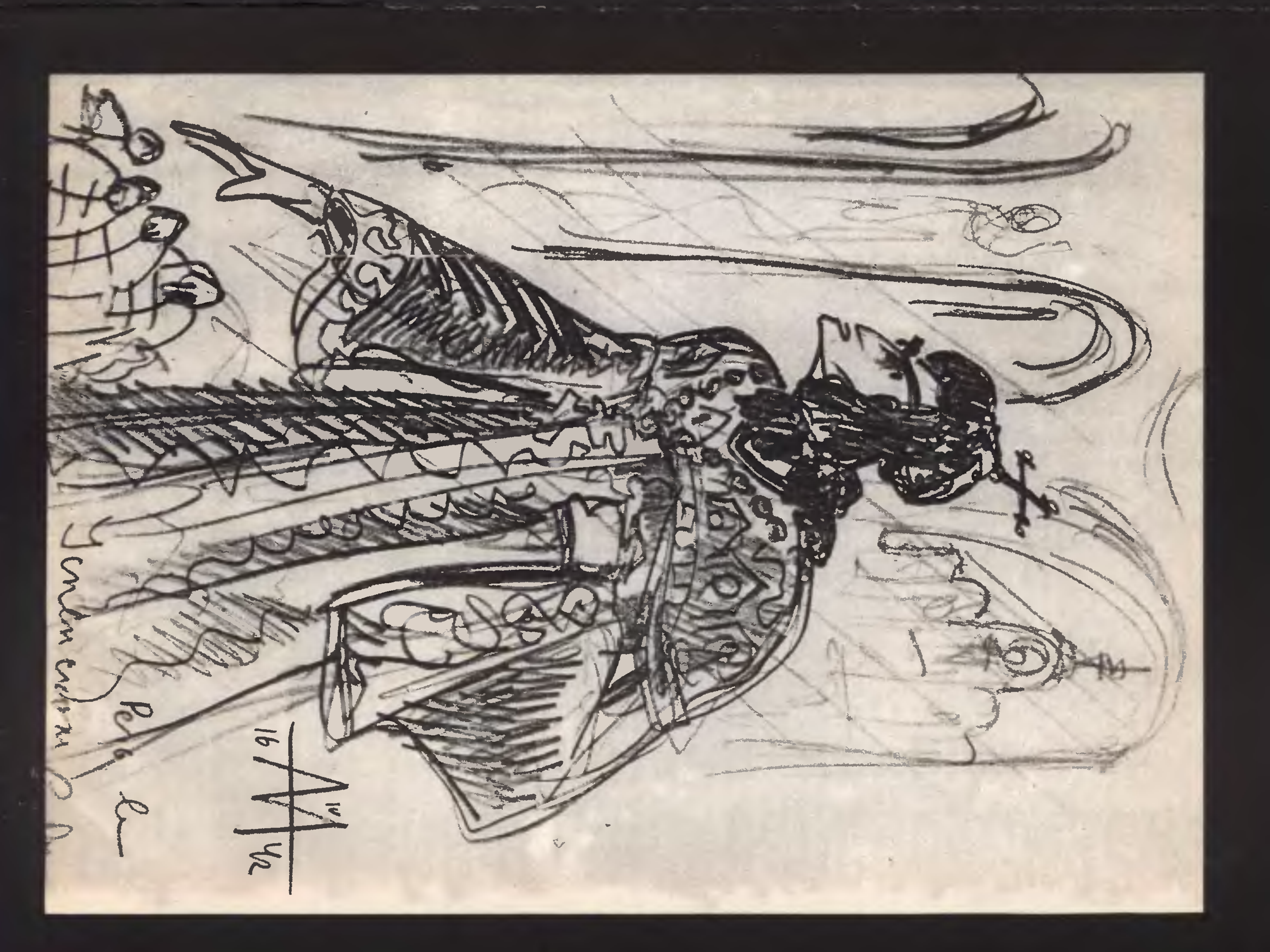
Мосфильм был эвакуирован в глубокий тыл, вслед за Ленфильмом. В Алма-Ате была организована ЦОКС — Центральная объединенная киностудия. Там, без специальных павильонов, а порою и в полуголодном состоянии, Эйзенштейн начал и через три года закончил свой фильм. Можно написать длинное повествование о собирании разъехавшихся по всей стране актеров, о шитье боярских одежд, о поисках досок, краски и гвоздей для декораций, о хлопотах по поводу армейских частей, необходимых для «взятия Казани», о поисках в казахских предгорьях натуры для зимних сцен в Москве и Александровской слободе. И, кроме постановочных забот, — о преподавании в эвакуированном ВГИКе, о помощи молодым режиссерам, работающим над актуальными военными новеллами для «Боевых киносборников». И о постоянных болях в сердце, для которого алма-атинский климат оказался губительным.

Во время съемок продолжалась работа над сценарием. На всех исторических героев были заведены специальные досье, куда вписывались и упоминания в литературных источниках, и основы режиссерской трактовки, и указания актерам, операторам, костюмерам и, главное, наброски психологических и политических характеристик[12]. В специальных папках собирались рисунки, эскизы, наброски, схемы мизансцен, детали костюмов. На клочке бумаги, датированном 4.II.42, Эйзенштейн записал: **«Интересно, что фильм получается синтетическим у меня. Он и пишется, и рисуется, и звучит со всех концов, да еще и** (неразборчиво. — *Р. Ю.*). **Рисунок родит реплику, мизансцена — ситуацию, фреска — сцену, сцена — кадр и т. д. Надо возвести это в принцип»**[13].

Своим безудержным творческим горением Эйзенштейн буквально опалял всех сотрудников: операторов Э. Тиссэ и А. Москвина, композитора С. Прокофьева, актеров Н. Черкасова, М. Названова, М. Жарова, С. Бирман, А. Бучму, П. Кадочникова, М. Кузнецова и других. Об этом свидетельствовали все, кто сталкивался с режиссером в Алма-Ате[14].

В декабре 1944 года первая серия фильма была закончена. Начались просмотры. Художественный

Рисунки С. Эйзенштейна

совет Мосфильма принял фильм благожелательно. Горячо хвалили Ромм, Пырьев, Петров и другие. Присутствовал Большаков. Казался довольным.

В фильме поражало в первую очередь изобразительное решение. Съемки на натуре оператора Тиссэ отличались ясностью и монументальностью. Сцены в павильонах снимал Москвин, прибегая к резким контрастам освещения, высвечивая глаза действующих лиц, грозные лики византийских икон, низкие своды, зловещие тени. По настоятельным советам руководства Эйзенштейн отказался от пролога, рисующего боярский произвол и объясняющего будущую жестокость Ивана, — сейчас тонкого иконописного отрока, неожиданно проявившего возмущение, волю, гнев. Сцены эти, полные драматизма, вызывали опасения своей мрачностью, оценивались как патологические. Теперь фильм начинался с ликующих торжеств восшествия на престол, венчания Шапкой Мономаха. И далее — сцены страшные и печальные искусно перемежались с массовыми победоносными, как, например, покорение Казани.

Через несколько дней после обсуждения на Мосфильме был собран так называемый Большой художественный совет, состоящий из высокочтимых кинорежиссеров, писателей, артистов, композиторов и генералов. И здесь мнения о фильме резко разошлись[15]. Признавая идейно-политическую направленность фильма, многие не приняли его художественное решение. Нападали, в основном, на работу актеров. Последователь системы Станиславского А. Д. Дикий, признавая «великолепие режиссерского мастерства», говорил о холодности, педалированности игры актеров, создающих «впечатление очень чужой Руси». Выскочило у Дикого и пресловутое обвинение в формализме. И уж совсем неожиданный призыв равняться по этому образцу... Явно запутавшегося Дикого поправили Б. А. Бабочкин и Б. П. Чирков, решительно фильм не принявшие. Писатели К. М. Симонов и Б. Л. Горбатов бродили вокруг да около, но кончали тем, что фильм им творчески чужд. Генерал М. Н. Галактионов не согласился с трактовкой государственной деятельности Грозного и опричнины. Защищали фильм кинорежиссеры, особенно В. И. Пудовкин и Г. В. Александров. В заключении художественного совета, подписанном Большаковым и Пырьевым, говорилось о «значительном художественном произведении:... по-новому раскрывающем сложную тему исторической роли царя Ивана IV в создании единого могучего русского государства»[16].

16 января 1945 года фильм вышел на экраны, был отпечатан массовым тиражом, незамедлительно послан за границу, где подоспел к нашей победе в Великой Отечественной войне и на фоне всеобщего признания величия этой победы стяжал восторженный прием.

Повторялся триумф «Александра Невского». Эйзенштейн вдохновенно работал над второй серией. Правда, Большаков не разрешил ему перенести съемки в Москву, куда уже вернулись из эвакуации многие театры и кинематографисты. Но зато, после споров и колебаний, разрешил делать фильм не в двух, а в трех сериях, что было необходимо, так как показ походов в Новгород и в Ливонию во вторую серию никак не умещался. Больное сердце мучило Эйзенштейна в высокогорной Алма-Ате, но он часто приезжал в Москву, где с увлечением преподавал во ВГИКе, хлопотал в Академии наук об организации научного сектора по киноискусству, включился в общественную жизнь кинематографа.

В декабре 1945 года вторая серия была закончена. В январе 1946 года Эйзенштейну и его сотрудникам была присвоена Сталинская премия I степени. 2 февраля на праздновании этой награды Эйзенштейн упал без чувств — от обширного инфаркта миокарда.

И снова, как и с «Бежиным лугом», просмотры и обсуждение фильма проходили без автора. Врачи запретили что-либо говорить Эйзенштейну о фильме, да он и не спрашивал...

7 февраля 1946 года собрался Большой художественный совет[17]. Несмотря на тяжелую болезнь автора, атаки на фильм ужесточились. Если обсуждавшие первую серию дискутировали по художественным проблемам, то сейчас, единодушно оценивая мастерство и творческую изобретательность, столь же единодушно осуждали содержание, политическую направленность, сущность центрального образа. «Кто же Иван? — спрашивал С. Герасимов. — Клинический самодур, больной человек, жаждущий крови? Или государственный деятель...»

И. Пырьев сказал, что положительные герои фильма не русские, лишены национальных и вообще человеческих черт. **«Это не русская картина!»** — отрубил писатель Л. Соболев. Его поддержал композитор В. Захаров. Посыпались конкретные упреки: излишне жесток Малюта; Грозный не царь, а великий инквизитор, опричники — фашисты XVI века. Генерал Н. Таленский резюмировал: **«...основная задача, основной замысел к этому фильму — раскрыть прогрессивный характер царя Ивана, его цели, реформы, раскрыть опричнину как прогрессивное явление — не выполнена»**. Никто не возражал. Отдельные похвалы (Т. Хренников назвал музыку Прокофьева гениальной, С. Герасимов предварил свои упреки признанием «великолепного, ошеломляющего впечатления») утонули в активном признании невыполненного задания, неудачи.

Лишь Г. Александров сделал неожиданный ход: он напомнил, что все упреки второй серии были предъявлены и к первой. «Однако я рад, что первая серия картины получила Сталинскую премию, несмотря на все наши замечания... Я горжусь тем, что в нашей стране существует такой порядок, что мы с вами на высоком художественном совете можем решать, что «картину выпускать не надо», а более высокий совет решает, что она нужна и пойдет на экране».

К несчастью для всего советского искусства, он был прав! Мнения художников, пусть даже облеченных высоким доверием, ничего не значили перед произволом правителей. Умные и опытные члены ху-

дожественного совета правильно понимали, что задача превознесения Грозного, опричнины, террора во имя единовластия Эйзенштейном не выполнена. Но никто из них не решился верно оценить не задачу работодателей, а работу самого художника. Реалистически представив Грозного и его эпоху, режиссер последовательно провел мысль о том, что жестокость, преследования, террор — бесплодны. Он не мог показать страдания всего народа, а только горделивое спокойствие казнимых бояр, страстную оппозицию Федора Колычева, а также дьявольские беснования палачей, обманные и провокационные поступки и, главное, психологическое поражение Грозного, добившегося победы над действительными и мнимыми противниками, но оставшегося в одиночестве, полном страха и сомнений. Об этом сказал и подзаголовок второй серии: «Един, но один». Сознавал ли Эйзенштейн, что идет на смертельный риск, утверждая не прогрессивность террора, а его греховность, не превознося могущество диктатора, а предупреждая его о нравственной расплате?

В искренности художника сомнений быть не может. Он всем своим существом принял революцию, уверовал в ее справедливость и в ее грядущее светлое будущее. Но он видел и трагизм, и жестокость революции. И «Стачка», и «Броненосец «Потемкин», и «Октябрь» содержат кровавые, страшные эпизоды. Русский, он любил Россию. В преддверии и во время войны он с истинным патриотизмом воспевал непобедимость русского народа — Ледовое побоище, покорение Казани. И вот война выиграна, должны настать времена добра, мира, милосердия!.. Надо напомнить об этом!

Никто при обсуждении фильма ни слова об этом не сказал. Но хитро-наивные слова Александрова имели воздействие. Многоопытный номенклатурщик Большаков не рисковал принимать решения до «более высокого совета». Он образовал комиссию, в которую включил Таленского, Герасимова, Дикого, Хренникова и Александрова. А больному Эйзенштейну послал в больницу утешительное письмо о том, что его режиссерское мастерство высоко оценено, но **«...были сделаны предложения, разработку которых поручили комиссии»**[18]. Вряд ли «пожелания скорейшего выздоровления» и приветы от художественного совета содействовали хорошему самочувствию больного. Между строк читалось: фильм не принят, необходима переработка.

А «более высокий совет» молчал. Смотрел ли он фильм? Лишь в августе, когда Эйзенштейн уже вышел из больницы и, по своему обыкновению, лечился работой (писал мемуары, преподавал, организовывал сектор киноискусства при Академии наук, продолжал исследования «Неравнодушная природа» и «Пафос», начинал работу о цветовом кино), «мнение» было высказано. И было оно крайне отрицательным.

Первым сообщил Эйзенштейну об этом В. В. Вишневский. Торопливо набросанное на листке карандашом, его письмо дышит сильным впечатлением и горячим желанием предупредить друга о надвигающейся беде:

«9 августа 1946 г. вечером в речи о кинематографии т. Сталин сказал... (далее следует один абзац об ошибках фильма Пудовкина «Адмирал Нахимов»)... «Возьмем другой тип постановщика — Эйзенштейна. Отвлекся от истории, вложил что-то «свое». Изобразил не прогрессивную опричнину, а нечто другое — дегенератов. Не понял... Не понял и репрессий Грозного, Россия была разграблена, хотела объединиться... Она вправе была карать врагов... Иван Грозный, как мы знаем, был человек с волей и характером... А дано не то... Гамлет или иное... Изучите факты. Изучение требует терпения, а его не хватает. Надо научить наших людей добросовестному отношению к своим обязанностям...»[19]

Точность изложения Вишневским сталинской речи подтвердилась. 4 сентября 1946 года было опубликовано «Постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь», где об Эйзенштейне говорилось следующее: **«Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным, — чем-то вроде Гамлета»**[20].

Суровых репрессий после постановления не последовало. У Эйзенштейна даже появилась надежда на спасение своего фильма. М. Ромм видел причину неуспеха второй серии в том, что она была замкнута в дворцовых интригах, не имела выхода к героическим баталиям против Новгорода и Ливонии. Значит, есть надежда на третью серию?

Хождения в Кинокомитет ничего не приносили. Тогда Эйзенштейн обратился с письмом к Жданову с просьбой разрешить продолжать работу над фильмом, ведь по его указанию затевалась работа.

Ответа Жданова в архиве Эйзенштейна нет, по-видимому, он не взял на себя ответственности и рекомендовал обратиться к Сталину. Было написано пространное письмо совместно с Н. Черкасовым. Ответа Сталина также нет в архиве Эйзенштейна. Хлопоты взял на себя любимец народа, депутат, баловень власть имущих, частый посетитель Кремля Черкасов. В его мемуарах довольно подробно описаны трудности работы с Эйзенштейном: деспотизм, замкнутость, неясная концепция. Тем не менее, **«принимая на себя ответственность наряду с режиссером»**, Черкасов просит **«помочь нам исправить ошибки дальнейшим творческим трудом»**. Далее Черкасов пишет: **«Товарищ Сталин счел возможным принять нас** (в феврале 1947 г. — *Р. Ю.*). **Беседа товарища И. В. Сталина, товарищей В. М. Молотова и А. А. Жданова с С. М. Эйзенштейном и мною касалась общих вопросов кинематографии и, в частности, нашей работы над второй серией «Ивана Грозного». Мы получили полную возможность переработать... мы не были связаны ни сроками, ни затратой средств. Эйзенштейн, по-настоящему окрыленный, не переставал думать о переработке»**[21].

Черкасов не дает подробностей беседы. Записи о ней оставил писатель и сценарист Б. Н. Агапов, посетивший Эйзенштейна через

несколько дней после встречи. Я позволю себе процитировать фрагмент этих воспоминаний:

«Я попросил Эйзенштейна рассказать мне о свидании со Сталиным. Он открыл один из ящиков и, не глядя, сразу вынул папку, лежащую сверху. Там была запись разговора.Они были вызваны в Кремль в 11 часов ночи. За 10 минут до срока они пришли в Приемную и через 10 минут Поскребышев ввел их в кабинет Сталина. В глубине они увидели Сталина, Молотова, Жданова. После приветствий все уселись за небольшой стол — Сталин во главе, справа от него Молотов, дальше, вполоборота к нему, Жданов, слева Эйзенштейн и потом Черкасов. Сталин начал с извинений, что задержал ответ на письмо Эйзенштейна, — он был очень занят, а потом решил, что лучше поговорить лично.

— Что вы думаете делать с картиной? — спросил Сталин.

Они высказали мнение, что основная ошибка в картине состояла в том, что они разрезали вторую серию на две части, отчего Ливонский поход не попал в эту картину, и получилась диспропорция между отдельными ее частями. Исправить картину нужно в том смысле, чтобы сократить часть заснятого материала и доснять в основном Ливонский поход.

— Вы историю изучали? — спросил Сталин.

— Более или менее.

— Более или менее? Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, образовалась регулярная армия. У вас же опричники показаны, как Ку-Клукс-Клан.

— У нас они не в белом, а в черном, — сказал Эйзенштейн.

— Это принципиальной разницы не составляет, — сказал Молотов.

Сталин продолжал:

— Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что нужно делать, а не сам принимает решения. Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI... (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. Петр I тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам... Петруха открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев. Еще больше допустила это Екатерина. И дальше: разве двор Александра I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы.

— Заключительным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Он — первый, Ленин — второй.

— Эйзенштейновский Иван Грозный получился неврастеником, — вставил Жданов.

Молотов добавил:

— Вообще сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний.

Сталин продолжал:

— Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии неверно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена так долго это не допускалось.

— Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если бы он эти пять боярских семей уничтожил, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал. Нужно было быть еще решительнее.

Сталин сказал и о Малюте. Малюта Скуратов был крупным военачальником и геройски погиб в войну с Ливонией.

Был момент, когда возник страх, что фильм вообще погиб. Черкасов попросил слова и стал уверять, что они после этой критики сделают фильм не хуже, чем сделал «Нахимова» Пудовкин, который тоже был сурово раскритикован. Он даже сказал, что над ролью Грозного он работает не только под руководством Эйзенштейна, но и в театре. Он полюбил этот образ, сжился с ним, он считает, что переделка сценария обязательно удастся. Она придаст фильму правильность и правдивость...

Он говорил взволнованно. Он боролся за фильм, он трепетал, что все может пойти прахом. Произошла, вероятно, пауза, и тогда Сталин, обращаясь к Молотову и Жданову, сказал:

— Ну, что же, попробуем?

Черкасов не мог сдержать себя и сказал:

— Я уверен в том, что переделка удастся!

Тогда Сталин рассмеялся и сказал:

— Давай Бог каждый день новый год!

Это было то, что греки называли катарсис. Потом уже пошел спад разговора.

Эйзенштейн спросил о том, не будет ли еще каких-либо специальных указаний в отношении картины.

Сталин ответил:

— Я даю вам не указания, а высказываю замечания зрителя.

И продолжая уже высказанную мысль:

— Нужно правильно и сильно показывать исторические фигуры. Вот, например, «Александра Невского» вы компоновали? — спросил он, обращаясь к Эйзенштейну. — Прекрасно получилось. Самое главное — соблюдать стиль исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории, неправильно, если он будет просто списывать детали из исторического материала: он должен работать своим воображением, но оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пределах стиля исторической эпохи.

Жданов высказал мнение, что Сергей Михайлович увлекается тенями (что отвлекает зрителя от действия) и бородой Грозного, что Грозный слишком часто поднимает голову, чтобы было видно его бороду.

Эйзенштейн обещал в будущем бороду Грозного укоротить...

...Я выписал только часть этой записи. Она составляла около сорока страниц и касалась разных вопросов. Черкасов говорил гораздо больше, чем Эйзенштейн, о чем

С. Эйзенштейн и В. Пудовкин. 1942.

Михаил Осипович и Юлия Ивановна Эйзенштейн с сыном Сергеем.

Плакат к кинофильму «Броненосец «Потемкин». 1925.

Эйзен мне и сказал: вел беседу Черкасов. Длился разговор час десять минут, закончился в десять минут первого ночи.

К концу Сталин спросил:

— Чем у вас будет кончаться фильм?

Черкасов ответил:

— Разгромом Ливонии, трагической смертью Малюты, походом к морю. Там, на берегу моря, Иван Грозный в окружении войска говорит заключительную фразу: «На морях стоим и стоять будем».

Эйзенштейн был доволен беседой...»

Возможно. Но надежды на переработку второй серии угасали с каждым днем. Большаков разрешил показывать фильм узкому кругу учеников и друзей. На одном из таких просмотров во ВГИКе автор этих строк был. По своей привычке Эйзенштейн посмеивался, шутил, извинялся, что показывает «порочный фильм», но внезапно перешел на серьезность и спросил: «Можно ли это переделать?». Ученики хором отвечали, что можно, нужно, необходимо, но, восторгаясь фильмом, мечтали, что, может быть, удастся не переделывать, а лишь слегка сократить, а затем все необходимое дать в третьей серии. Эйзенштейн ничего не ответил.

Мне посчастливилось довольно часто бывать зимой 1947/48 года у Эйзенштейна, чтобы помогать ему в работе о цветовом кино[22]. Работа не клеилась. Эйзенштейн чувствовал себя все хуже, преимущественно лежал на постели, поверх цветастого мексиканского покрывала. Отвлекался, просил рассказывать кинематографические новости, шутил. Зная, что за шутками он скрывает боль, я пытался чем-то ободрить его и сказал, что вгиковские режиссеры и операторы чуть не дерутся за право участвовать в будущих пересъемках второй серии.

«Какие пересъемки? — Почти вскрикнул он горько и злобно. — Неужели вы все не понимаете, что я умру на первой же съемке? Я и думать о «Грозном» без боли в сердце не могу!» Трагедия художника, тщательно и мучительно скрываемая, вдруг выплеснулась, возопила...

Он умер 11 февраля 1948 года от очередного инфаркта. Фильм пролежал в Особом отделе Кинокомитета десять лет. Лишь в 1958 году после многократных писем, просьб, уговоров его выпустили на экраны. Последовал огромный международный успех, неизмеримо больший, чем у «Александра Невского» и первой серии, равный разве что успеху «Броненосца «Потемкина».

С выпуска второй серии «Ивана Грозного» начался посмертный триумф Эйзенштейна. С. Юткевич по фотографиям восстановил «Бежин луг», Г. Александров, по купленным в Америке материалам,— «Да здравствует Мексика!». На всех языках стали выходить собрания сочинений. По миру прошли выставки рисунков. Нет в мировой кинолитературе сколько-нибудь серьезных работ без обращения к творчеству гениального художника...

Но нужно помнить о трагедиях на его творческом пути. Трагедиях, которые стоили ему жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Правда» от 25 апреля и 8 июня 1939 года.
2. «Вечерняя Москва» от 29 мая 1939 года.
3. РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. I. Ед. хр. 471.
4. С. М. Эйзенштейн. Избр. произведения. М., «Искусство», 1969. Т. 5. С. 339.
5. «Театр», журн., № 1, Киев, 1941 г.
6. «Литературный критик», журн., № 5—6, 1939 г. С. 159—180.
7. РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 527.
8. Там же. Ед. хр. 529.
9. Там же. Ед. хр. 530. Л. 1.
10 «Известия» от 30 апреля, «Огонек», журн. от 15 мая, «Веч. Москва», газ. от 14 июня 1941 г. и др.
11. РГАЛИ. Оп. 2. Ед. хр. 1166. Л. 6, 8, 10, 11, 14.
12. РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 567, 570, 583, 584, 586 и др.
13. РГАЛИ. Оп. 2. Ед. хр. 124. Л. 107.
14. См. Сборник «РГАЛИ. Опись в воспоминаниях современников». М.: «Искусство», 1973.
15. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 956, Л. 1—49.
16. Там же. Л. 50—51.
17. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 652. Л. 34.
18. РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 652. Л. 34.
19. Там же. Ед. хр. 1712. Л. 38.
20. Цит. по брошюре, изд. «Московский рабочий», 1946 г.
21. Н. Черкасов. Записки советского актера. М.: «Искусство», 1953. С. 138.
22. Подробнее см. об этом в сборнике «Эйзенштейн в воспоминаниях современников». С. 275—824.

ТЕЛЕГРАММА
Чарльза Чаплина
Сергею Эйзенштейну

«Иван Грозный»— величайший исторический фильм, когда-либо созданный. Его атмосфера великолепна, а красота превосходит все до сих пор виденное в кино. Новогодний привет.

Ч. Чаплин. 4/1-46 г.

Всякий порядочный ребенок делает три вещи: ломает предметы, вспарывает животы кукол или животики часов, чтобы узнать, что там внутри, мучает животных. Например, из мух делают если не слонов, то собачек, во всяком случае. Для этого удаляется средняя пара ног (остается — четыре). Вырываются крылья: муха не может улететь и бегает на четырех ногах.

Так поступают порядочные дети. Хорошие.

Я был ребенком скверным. Я в детстве не делал ни первого, ни второго, ни третьего. На моей совести нет ни одних развинченных часов, ни одной замученной мухи и ни одной злонамеренно разбитой вазы... И это, конечно, очень плохо.

Ибо, вероятно, именно потому я и был вынужден стать кинорежиссером.

Действительно, хорошие дети, о которых я пишу вначале, удовлетворяют зуд любознательности, примитивную жестокость и агрессивное самоутверждение сравнительно безобидными времяпрепровождениями, перечисленными выше.

Зуд проходит с детством. И никому из них не приходит в голову в зрелом возрасте производить нечто аналогичное. Совсем иное дело с «хорошим» мальчиком, в отличие от общепринятого «сорванца».

Он в детстве не уродует кукол, не бьет посуды и не мучает зверей. Но стоит ему вырасти, как его безудержно тянет именно к этого рода развлечениям.

Он лихорадочно ищет сферу приложения, где [смог бы] максимально безопасно проявлять свои аппетиты.

И не может не стать в конце концов режиссером, где так особенно легко реализовать все эти в детстве упущенные возможности.

Своевременно не разобранные часы — стали во мне страстью копаться в тайниках и пружинах «творческого механизма».

В свое время не разбитые сервизы выродились в неуважение к авторитетам и традициям.

Жестокость, не нашедшая своего приложения к мухам, стрекозам и лягушкам, резко окрасила подбор тематики, методики и кредо моей режиссерской работы.

Действительно, в моих фильмах расстреливают толпы людей, дробят копытами черепа батраков, закопанных по горло в землю, после того как их изловили в лассо («Мексика»), давят детей на Одесской лестнице, бросают с крыши («Стачка»), дают их убивать своим же родителям («Бежин луг»), бросают в пылающие костры («Александр Невский»); на экране истекают настоящей кровью быки («Стачка») или кровяным суррогатом артисты («Потемкин»); в одних фильмах отравляют быков («Старое и новое»), в других — цариц («Иван Грозный»); пристреленная лошадь повисает на разведенном мосту («Октябрь»), и стрелы вонзаются в людей, распластанных вдоль тына под осажденной Казанью. И совершенно не случайным кажется, что на целый ряд лет властителем дум и любимым героем моим становится не кто иной, как сам царь Иван Васильевич Грозный.

Прямо надо сказать — неуютный автор! Но интересно, что как раз в сценарии о Грозном имеется как бы скрытая авторская самоапология. Именно в сценарии, так как из [некоторых] соображений сцены детства Грозного в фильм не вошли.

В сценарии показано, как сумма детских впечатлений способствует формированию социально (или исторически) полезного дела тогда, когда эмоциональный комплекс, созданный этими впечатлениями, совпадает по *чувствам* с тем, что в порядке *разумных* и *волевых* поступков надлежит совершать взрослому. Другими словами, — ряд острых детских впечатлений и сопутствующих им чувств: «Берегись яду, берегись бояр» из уст умирающей отравленной матери, тоска по полоненным истинно русским прибалтийским городам (в песне няньки), продажность бояр около престола московского князя — определяют собою ту страстную эмоциональную окрашенность поступков, которые в порядке прогрессивных государственных мероприятий приходится в дальнейшем проводить взрослому Ивану. (Ликвидация феодализма и завоевание Балтийского побережья.)

Когда ряд детских травм *совпадает* по эмоциональному признаку с задачами, стоящими перед взрослым, — тогда «добро зело».

Таков случай Ивана.

Я считаю, что в этом смысле и мне в моей биографии повезло.

С. Эйзенштейн в Риге. 1910 г.

Не могу похвастать происхождением.
Отец не рабочий.
Мать не из рабочей семьи.
Отец архитектор и инженер. Интеллигент. Своим, правда, трудом пробился в люди, добрался до чинов.
Дед со стороны матери хоть и пришел босой в Питер, но не трудом пошел дальше, а предпочел предприятием — баржи гонял и сколотил дело. Помер. Бабка — «Васса Железнова».
И рос я безбедно и в достатке. Это имело и свою положительную сторону: изучение в совершенстве языков, гуманитарные впечатления от юности. Как это оказалось все нужным и полезным не только для себя, но — сейчас очень остро чувствуешь — и для других! (Нужны для юношества средние худ[ожественные] учеб[ные] заведения! [Это] мол мечта.)
Но вернусь к себе.
Итак, к семнадцатому году я представляю собой молодого человека интеллиг[ентной] семьи, студента Инст[итута] гражд[анских] инженеров, вполне обеспеченного, судьбой не обездоленного, не обиженного.
И я не могу сказать, как любой рабочий и колхозник, что только Окт[ябрьская] революция дала [мне] все возможности к жизни.
В семнадцатом г[оду] я был призван в школу прапорщиков инженерных войск. [Она скоро] расформирована, а в феврале восемнадцатого г[ода] я уже вступаю в военное строительство, — [путь] от телефониста до техника и поммладпрораба.
Любопытно, что [моя] худож[ественная] деятельность начинается с РККА. Культработа в строительстве. (Комиссар пишет. Инженеры играют.)
Переход в Политупр[авление] Запфронта.
Декоратор фронтов[ой] трупп[ы]. Елисеев. Агитпоезда. 1920-й [год]. Пузатый пан-паук, прокалываемый красноарм[ейским] штыком.
(Докололи сейчас!)
Выбор: в институт, в искусство?!
Попадаю в Москву. В Акад[емию] Генштаба, по восточн[ым] языкам.
Первый Рабочий театр Пролеткульта.
Приезжаю в театр «вообще». Но то, что театр был р а б о ч и м, оказалось не случайно. Из театра «вообще» — это становится р е в о л [ю ц и о н н ы м] театром.

СЕРГЕЙ ЭЙЗЕНШТЕЙН
Из «Автобиографии»

Фольклорист Евгений Захарович Баранов прожил довольно пеструю жизнь. Сын коломенского крестьянина, очутившегося в поисках лучшей жизни на Кавказе, он родился и вырос в Нальчике, здесь же окончил городское училище, а затем уехал в Москву. Поступил в знаменитую Строгановку, но поучиться здесь не удалось: сошелся с народовольческим кружком и за хранение нелегальной литературы был арестован и выслан на родину. Несколько лет прошли в скитаниях по Осетии, Кабарде, Дону. Он бродяжничал, нанимался на поденную сельскую работу, служил то дворником, то писарем, временами оседал в какой-либо местной газете секретарем или редактором. До 1911 года Баранов успел поработать чуть ли не во всех северокавказских изданиях, а затем переехал в Москву и поступил в «Русские ведомости».*

*Сбором легенд и народных сказаний он занимался всюду, куда ни заносила его судьба. Его обширное кавказское собрание было в основном опубликовано еще в предреволюционные годы, а вот московскому не повезло: вышла лишь маленькая книжечка**. До сих пор интереснейший и во многом уникальный материал покоится в безвестности.*

Фольклорная запись во времена Баранова была делом не простым. Ни о какой звукозаписывающей аппаратуре, кроме громоздкого фонографа, и речи еще не было. Записывать нужно было в естественных для рассказчика условиях — в академичной обстановке он робел, пугался, путался. Людей, пытающихся почему-либо записать разговор, в народе не без оснований боялись, считали либо шпионами, либо «газетчиками», которые «так пропечатают, что только держись». Поэтому фольклористу непременно требовались крепкие кулаки и умение постоять за себя, в противном же случае лучше было не искушать судьбу и дословно запоминать услышанное. Именно так приходилось работать Баранову. Он прекрасно умел и войти в доверие к «информанту», и искусно навести его на нужную тему. После революции, постоянно нуждаясь, он жил случайными заработками, часто впроголодь, и был завсегдатаем дешевых трактиров, чайных и харчевен, коими изобиловали в 20-е годы Арбатская площадь и Смоленский рынок. Главным образом отсюда, из долгих застольных бесед за чайком и водочкой, приходило пополнение в его коллекцию.

Собеседниками Баранова были выходцы из самых низов Москвы. Почти все — вчерашние крестьяне, но обжившиеся и обтершиеся в городе, хватившие лиха, бывалые люди. Мастеровые, дворники, уличные торговцы, извозчики, поденщики, домашняя и трактирная прислуга, бродячие певцы, нищие — все они были плоть от плоти той, старой, давно ушедшей Москвы и сохранили в почти полной неприкосновенности традиционную речь, психологию, этику — «социалистическая новь» только начинала корежить мозги и души...

Публикуемые сюжеты о московских предпринимателях и благотворителях располагаются на порубежье легенды и устного рассказа. Реальные факты переплетаются в них с деталями чисто баснословными, сохраняющими блеск и красочность народной фантазии. Вряд ли стоит снабжать эти тексты подробными комментариями: предание есть предание и возражать ему — дело бесперспективное, ибо главное в нем — не точное следование фактам, а их фольклорное переосмысление.

Записи печатаются по авторским рукописям из фондов ОПИ ГИМ (Ф. 134. Ед.хр. 196) и РГАЛИ (Ф. 1418. Оп. 1. Ед.хр. 2, 3). Все примечания, подстрочные и в конце сюжетов, принадлежат Е. З. Баранову.

* Отрывки из его записей московских легенд о графе Брюсе мы опубликовали в № 11—12, 1992.

** Баранов Е. З. Московские легенды. Вып. I. М., 1928.

ЕВГЕНИЙ БАРАНОВ

Хозяева жизни

(ИЗ МОСКОВСКИХ ПРЕДАНИЙ)

Солодовников

Познакомился я с Сергеем Ефимовичем Мосоловым в 1923 г. в Москве. В то время я продавал на улице книги, он нередко приносил на продажу старые иллюстрированные журналы и романы (бесплатное приложение к журналу «Родина»). Было ему лет шестьдесят с лишком, лицо у него было очень некрасивое, особенно длинный, тонкий и крючковатый нос. Это лицо да еще довольно толстая железная палка, его постоянная спутница, на одном конце изогнутая наподобие кочерги, послужили поводом для других торговцев, моих соседей, дать ему кличку «дьявола с железной палкой».

Мы скоро сошлись с ним, потому что я платил ему за журналы и романы дороже остальных торговцев, делился с ним табаком, который тогда нелегко было достать.

По вечерам мы встречались в харчевне «Низок» за чаем. Он оказался человеком разговорчивым и веселого нрава, особенно когда ему удавалось «хватить» самогону.

По его рассказам, отец его был штукатур из Владимирской губернии, сам он родился в Москве, в ней же прожил всю жизнь, никуда не выезжая. Отец был пьяница и от пьянства умер, когда ему было девять лет. Мать, торговавшая на рынке печенкой и требухой и тоже любившая выпить, отдала его в учение к сапожнику, от которого он сбежал. Потом он был в учении у столяра и слесаря, но ни у кого ничему не выучился — убегал от хозяев, скитался по улице, занимался попрошайничеством и мелким воровством. Восемнадцати лет он в первый раз попал в тюрьму за кражу. Тюрьма совсем развратила его. По выходе из нее он занялся торговлей, продавал на улице яблоки. Остепенился он двадцати трех лет и с тех пор до старости жил в дворниках.

За чаем он просиживал часа по два и всегда находил о чем поговорить. Рассказчик он был хороший; от него я записал легенду о Гавриле Гавриловиче Солодовникове, московском купце-миллионере.

С чего взялось богатство Солодовникова, точно не знаю, а слыхал, будто он попервоначалу солодом занимался — солод где-то под Костромой варил. И будто от этого солода и фамилия ему пошла, Солодовников. А сам был мужик деревенский.

Ну, варил солод, продавал, деньги прикапливал, а как накопил — пришел в Москву, и пришел мужиком, в лаптишках.

Вот он понюхал, чем в Москве пахнет, осмотрелся. Видит — работать можно. Торговлишку какую-то открыл. Дальше — больше, стал деньги иа проценты отдавать. И, сказывают, давал так: даст рупь, а возьмет три, а иной раз и все пять. Словом, обдирал человека донага.

Тут вот ему и пофартило, тут и повезло, поплыли денежки в карман. Понастроил домов, а всего больше за долги брал. На Лубянке свой пассаж выстроил, в наем отдавал, — вот денежки и поплыли к нему. Сначала в тысячах считался, а потом до мильёнов дошел. Вот и вошел в силу, тут ему почет и уважение: Гаврила Гаврилович господин Солодовников, купец первой гильдии. Вот так рассказывали, а как оно было в настоящем деле, не знаю. Может, по первому разу пришил* кого-нибудь богатенького и начал свою коммерцию...

А жил скупо и даже вполне можно так сказать, что жизнь его была свиная. Ходил не важно, одежда старенькая, обтрепанная. Нищие и не просили у него, знали — что у камня попросить, что у Солодовникова, все едино. А жрал все больше вчерашнюю гречневую кашу. Раньше насчет пищи в Москве была благодать: на пятак щей, на три копейки хлеба, на три каши — так на целый день. А ежели возьмешь вчерашней каши, так тебе иа три копейки дадут столько, что и не осилишь. Вот Солодовников и ходил по трактирам есть эту кашу. В ином трактире столько останется, что и девать некуда. А посуду опростать надо. Вот повар велит выбросить ее на помойку, а буфетчик говорит:

— Не надо, придет Солодовников, всю полопает.

А Солодовникову сколько ни дай, все под метелку уберет и ложку оближет. И завсегда он больше трех копеек не платил. Да уж и знали по всем трактирам, какая его плата. И больше ради потехи берегли для него кашу. Наложат миску гора-горой и подают:

— Смотрите, — говорят, — как Солодовников трескает кашу.

Ну, народ, который в трактире, и смотрит. А ему что? Смотри — не смотри, а он себе чавкает, как свинья. Нажрался и пошел. И все пешком ходил, хоть десять верст, хоть дождь, а он идет себе пешком. Раз

* На воровском жаргоне «пришить» — убить кого-нибудь.

только по какому-то случаю взял извозчика, гривенник заплатил, так разговору было по всей Москве.

— Солодовников на извозчике ехал, — говорят.

А другие не верят:

— Этого, — говорят, — быть не может! Он, — говорят, — скорее с Ивана Великого торчмя головой вниз бросится, чем извозчику заплатит.

Вот какой он был раб Божий, обшитый кожей. Ну, словом, человек кремневого состава. И приди ты к нему, попроси выручить из нужды — и, если у тебя нету дома под залог, одной копейки не даст. Ползай перед ним на коленях — и не посмотрит. А то сам вызовется помочь. Ну, не всякому, а кто по сердцу придется.

Примерно, начнет какой-нибудь человек торговлишку, деньжата последние ухлопает, а товаришку мало. Вот он и бьется, за каждую копейку трясется. А тут сам господин Солодовников к нему жалует:

— Возьми, — говорит, — у меня триста целковых под вексель, без процентов. Расторгуешься, отдашь.

Тот и рад. Возьмет, вексель даст на год. И прикупит товару. «Ну, думает, теперь дело веселее пойдет».

Только глядит — идет к нему Солодовников. Придет и начнет учить, как надо торговать, какой товар ходовой, какой нет. И как заведет свой органчик, так и нескоро кончит. И все разъяснит, все растолкует. И пойдет домой, а на другой день опять идет. И опять примется разъяснять: ду-ду-ду-у... Как дятел сухое дерево долбит, так и он словами. И дня не пропустит, чтобы не прийти. Это ничего, что дождь ливмя льет или мороз такой, что воробей замерзает. Ему это нипочем, а ему требуется указание сделать этому купчишке. Молния сверкает, гром, как из орудии, гремит — тра-да-ах!.. А Гаврила Гаврилыч идет по этому важному делу.

И вот он доведет этого лыком шитого коммерсанта до тоски.

— А дай, — думает, — хвачу шкалик-другой. — И выпьет.

Ну, хмель, действительно, ударит в голову, а только тоска еще пуще хватает. Вот он и давай на Бога жаловаться:

— Я, — говорит, — никого не убил, никого не ограбил и не обмошенничал, — за что же ты меня обижаешь, зачем ты на меня Солодовникова напустил? Или, — говорит, — может, такая моя планида, что в проклятый час меня мать родила?!

Ну, и закутит, закрутит дня на три, на четыре.

— Все равно, — говорит, — не пей — толку не будет, пей — то же самое. Так уж лучше, — говорит, — я выпью, горе размыкаю.

Ну, а как проспится, и думает, как ему от Солодовникова избавиться и по векселю не платить. И поскорее своим же купчишкам сбудет товаришко за полцены, а сам сидит в пустой лавке, ждет Солодовникова.

Вот приходит Солодовников, глянет, видит — пустые полки.

— А где же товар? — спрашивает.

— Да что, Гаврила Гаврилыч, — говорит купец, — не повезло мне. Видно, не в добрый час я начал торговать. Тоска, — говорит, — меня одолела, я и пропил товар. Теперь, — говорит, — хоть повесьте меня, а платить по векселям мне нечем.

Вот Солодовников и говорит:

— Запирай лавку, пойдем в трактир, обсудим.

Ну, запрет, идут... Приходят. Солодовников и говорит:

— Требуй на три копейки вчерашней каши.

— Помилуйте, — говорит купец, — да я лучше обед потребую, на обед еще есть у меня.

— Делай, что тебе велят, — говорит Солодовников.

Ну, потребует купец каши. Принесут целую миску. Солодовников и накинется на нее, словно бы три дня голодал. Всю, как есть, пожрет, достанет из кармана вексель и подает купцу:

— На, — говорит, — получай. Да когда, — говорит, — придется у кого занимать, вспомни, как Солодовникова кашей кормил.

Подымется и пойдет, и после на того купца и не глянет, словно бы и не знает его.

Вот он какой был! Иному должнику копейки не простит, крест с него снимет, а тут за вчерашнюю кашу вексель на три сотни херит. Такой уж, видно, нрав был у него.

Мильонов сколько у него было? Раньше богаче его ни одного человека в Москве не нашлось бы, а вот возьми его, при таком богатстве ходил апельсины воровать.

Торгуют на улице лотошники яблоками, апельсинами, вот у них он и воровал. Около его пассажа на Лубянке они всегда стояли. Публика тут почище, побогаче — вот они тут и устраивались со своими лотками. А он каждый вечер ходил на воровство. Яблоки ему не надо, а вот апельсины подай.

Ну, они стоят, поджидают покупателя. Вот он подкрадется, цап апельсин, да скорее в пассаж, там и слопает. А лотошники уже знают его повадку. Черт, мол, с тобой, жри! А то ведь, ежели они заскандалят с Солодовниковым, так тот позовет городового и прикажет всех их прогнать. Ну, они и молчали. Только ежели который издали заметит его, то подаст сигнал товарищам:

— Смотри, ребята, в оба — Солодовников идет!

Вот тут ему никак нельзя украсть, потому что они следят за ним. И станет он скучный такой:

— Нынче, — говорит, — мне не пришлось попробовать апельсинчика.

А что такое этот апельсинчик самый? Десять копеек цена ему была, а какой похуже, так и за восемь можно было взять. Ну, и взял бы, купил по-честному, не велик расход, разору от этого не было бы. Так вот нет! Ему украсть беспременно надо! Ворованный вкуснее...

А еще вот... Уж и не знаю, правда ли это? Да ведь, если народ говорит, так что-то было... Это будто вечером приходили к нему два человека — один на гармоньи играл, а другой — матерщинник, ну, который матом ругается.

И будто каждому человеку за час рупь от него шел. А ихняя «работа» такая была: станет Солодовников на колени перед образами и давай молиться, а они — один на гармонии играет и поет, а другой матерно ругается. А ругается по-настоящему. Приказ такой от Солодовникова был, чтобы ругаться забористее. Ну, они и стараются: один на гармоньке наяривает, другой материт. А сам Солодовников поклоны бьет.

А это для соблазна надо было: дескать, вот вы безобразничаете в моем доме и вас следовало бы по шее выгнать, а я терплю, молюсь, и грех не на мне, а на вас, мне же через мое терпение сколько-нибудь греха скостится. Вот, видишь, на что бил человек: через чужой грех себе спасенье хотел получить! И вот, как час окончится, этих «соблазнителей» из дому вон, а Гаврила Гаврилыч почитай что святым в постельку ложился. Хе-хе-хе!.. Вроде бы какого отшельника, который в пещере 20 лет спасался. Ну, конечно, капитал дозволял, чего же смотреть? При капитале все можно.

Ну и жил он, над копейкой дрожал, а как помер, наследнички живо распределили его денежки — нашли им место. Пошли эти пиры, театры. Циркачке букет цветов, а кругом сотельными бумажками обернут. Или возьмет бумажку в 25 рублей, зажжет на свечке и папиросу закурит: «У нас, мол, хватит капиталу!» Только не надолго хватило, скоро дымом в трубу пролетел этот капиталец. И эти наследнички самые обтрепаями стали. То шипанское не по вкусу, а то, как сиволдаю стаканчик попадется, так аж весь задрожит. Хватит, да корочкой ржаной и закусит. А раньше-то от котлетов нос воротил.

***Примечания:** Солодовников Гаврила Гаврилович — богатый купец-миллионер, своими скупостью и причудами был известен всей Москве. Умер в конце семидесятых или начале восьмидесятых годов прошлого столетия, оставив огромное состояние. Дома он завещал в пользу города Москвы; наследники судебным порядком оспаривали правильность завещания; это судебное дело тянулось до февральской революции и осталось неоконченным.*

Корзинчиха и Коншиха

Неизвестный, лет пятидесяти, по виду похож на рабочего-сезонника. Встретился я с ним в чайной на улице Герцена (бывшая Никитская), за общим столом. Во время нашего чаепития в чайную вошел пьяный нищий и, обходя столы, просил «поддержать его существование на земле». На его просьбу никто не отозвался. Он принялся ругать посетителей «свиньями», «скотами» и «подлецами». Хозяин чайной стал его выпроваживать, но тот упирался и буянил. Был вызван милиционер, который и убрал его.

Этот случай дал повод к разговору за нашим столом о нищих. Один из собеседников рассказал о том, что после смерти одного нищего в его тряпье было найдено две тысячи рублей. Затем разговор перешел на благотворителей прежнего, дореволюционного времени, которые своими подачками «расплодили нищих». Упомянутый выше неизвестный рассказал о двух благотворительницах, вдовах чаеторговца Корзинкина и фабриканта Коншина.

Корзинкин, который чаем торговал, как помер, жене три мильёна чистоганом оставил да еще магазины, дома. А сама Корзинчиха уж старая была. И разохалась:

— Ох, ох... Какая уж тут торговля? — говорит. — Дай Бог и без торговли мильёны прожить.

И не стала больше торговать, а все по церквам да монастырям ездила молиться. И был ей от духовенства почет: по одну сторону игумен стоит, по другую — архимандрит, а сама она в кресле сидит: ногами болела, вот и подавали ей кресло. Посидит, встанет, помолится и опять сядет.

Вот какое ее было житье на старости лет: все молилась да вздыхала. И жила бы она себе без хлопот, да тут искушение нашло на нее. Приезжают раз к ней важные особы.

— Мы, — говорят, — приют для бедных старушек строим и все у нас готово и план есть, только для начатия десяти тысяч не хватает.

— Ну что ж, — говорит она, — возьмите десять тыщ, только в дело произведите.

Они взяли и произвели себе в карман.

А управляющий, который за ее домами смотрел, сумневается насчет приюта.

— Дай, — говорит, — пойду посмотрю, что там за приют.

Пошел, искал, расспрашивал и никакого приюта не нашел. Пришел и докладывает Корзинчихе:

— Это, — говорит, — не приют, а лишь одна аферистика. — И разъяснил про это мошенство.

Она и разохалась:

— Ох, ох... Какие, — говорит, — бессовестные люди есть на свете. Лучше, — говорит, — заключенным в тюрьмах помогать, потому что не все за вину сидят, есть и без вины страдают.

А управляющий говорит:

— Много не надо посылать, а сперва, — говорит, — сделайте испытание — пошлите сотельную.

Она и послала сто рублей.

— Хоть, — говорит, — по пятаку на человека, лишь бы без обиды разделить.

Ну, начальство «разделило». «Катеньку»* в портамонет положило, а портамонет — в карман.

— По две, — говорит, — с половиной копейки на человека пришлось.

А управляющий не верит, пошел, все разнюхал, разузнал. И опять докладывает Корзинчихе. Она в огорчение пришла и опять разохалась:

— И где, — говорит, — только стыд у людей? Арестантов, — говорит, — и тех обижают.

И приказала хлебное подаяние делать арестантам: кусок булки с фунт — порция на человека. Ну, хлеб начальство не трогало. Только арестанты под конец стали недовольны.

— Что это, — говорят, — Корзинчиха, так-растак,

* На кредитном государственном сторублевом билете царского времени имелось два изображения (одно из них водяное) императрицы Екатерины Второй, отсюда название этого билета «катенька», «катюша», «катеринка».

зарядила все хлеб да хлеб, а нет, чтобы пирожка с капусткой прислать!

Ну, понятно, шпана*, что с нее возьмешь? Ни стыда, ни совести у людей.

Управляющий и говорит:

— Одна неблагодарность: матерно ругаются, требуют пирогов с капустой.

Она опять:

— Ох, ох... С этими, — говорит, — мильёнами только нагрешишь.

Понятно, нагрешишь. Сынков у нее не было, вот и нагрешишь, а были бы, так от мильёнов и звания не осталось бы — нашлось бы для них местечко тепленькое. Вон, еще до войны, шатался по Москве Солодовникова племянник — обтрепанный, ошарпанный, одним словом, хитрованец.

— Угости, — говорит, — брат, рюмочкой. Я Солодовникова племянник.

— А мне-то, — говоришь, — какая редкость, что ты Солодовникова племянник?

— Да я, — говорит, — за шесть месяцев по трактирам, по кабакам восемьдесят тыщ наследства пробуксирил! — А сам в опорках и весь дрожит с похмелюги.

Ну, что с ним станешь делать? Возьмешь и поднесешь:

— На, на, мол, пей, ежели ты такой артист.

Вот кому бы корзинчихины мильёны! Он не стал бы охать да вздыхать, а живо бы к делу «определил» их.

А Корзинчиха что? При муже до старости прожила, свету настоящего не видела, как обращаться с народом, не знала. Вот и охала с мильёнами своими, как квочка с цыплятами.

А то еще была Коншиха. Тоже муж оставил сколько-то мильёнов — пять или больше, фабрику и дом на Пречистенке — мильён стоит. С виду суровая такая была старуха, а звали Варвара Сергевна. Ну, тоже помогала бедным, нищей братии — обмывала, обряжала, кормила. Только заведено было у нее не как у людей, а на особый лад. Придет, бывало, какая-нибудь бабенка-пьянчужка... И-и... расплачется, расхнычется — косушку сорвать метит. Глянет на нее Коншиха раз, другой, нахмурится.

— Ты это, — говорит, — что же, раба Божия, неумывкой ко мне пришла? Анисья! — кричит.

А эта Анисья кухаркой была, лет десять у Коншихи жила и с ней в одну дудку играла. Вот и явится, а Коншиха приказывает:

— Возьми, — говорит, — эту рабу Божию на кухню, и мыла не жалей, а то на ней грязи наросло на вершок. Рубаху дашь чистую, а ее рубаху под плиту — нечего, — говорит, — вшей разводить.

Ну, Анисье это не впервые, вцепится в «рабу Божию», как кобчик, потащит на кухню. Как примется башку ногтями скрести, так той в пору кричать. И вымоет, принарядит, поведет на показ. Оглядит Коншиха.

— Ну вот, — говорит, — мало-мало на человека стала похожа. Ты, — говорит, — раба Божия, водку пьешь?

А та и заклянется:

— Дай, — говорит, — Бог скрозь землю провалиться, ежели пью. Не потребляю, — говорит, — Варвара Сергевна, я такого напитка.

Ну, Коншиху не обманешь, она видит сову по полету.

— Врешь, врешь! — говорит. — Тебя по бельмам видно, что трескаешь. Анисья, — говорит, — дай ей водки, накорми, да полтину в зубы — пусть идет на все четыре стороны света белого.

И опять поведет Анисья бабу на кухню. Закатит ей чайный стакан водки, щей нальет, мяса наложит не жалеючи. Та с голодухи и накинется... Жрет, жрет и отвалится.

— Не могу, — говорит, — больше.

— Нет, — говорит Анисья, — жри все до конца, не то за пазуху вылью, а чашку об твою башку разобью.

Ну, что поделаешь? Хочешь не хочешь, а надо доедать. Вот через силу докончит все и разопрет ее, как свинью. Тут Анисья и выдает ей полтину:

— Ступай, — говорит, — и вот тогда-то приходи, да смотри, не умывайся, а чем грязнее будешь, тем лучше.

Вот видишь, чего требовалось Коншихе и Анисье — человека мыть. Это самое главное ихнее дело было. А придет какой чисто вымытый, так это для Коншихи вроде как бы обида.

— Ты это, — говорит, — раб Божий, куда пришел? На бал или в тиатер? Вон! Сию минуту вон! Чтобы твоего духу не воняло!

Ну, тут поскорее беги без оглядки, не то дворник кулаками на улицу вышибет.

Вот как обходились с чистыми людьми, а какой-нибудь рванине, что ни на есть последнему хитрованцу — почет, только чтобы обязательно голову мыть. Такой уж закон был у нее. Кто ни приди — баба или мужчина, а не минует Анисьиных рук. Ну, понятно, кто от такого добра откажется? Тебя задарма вымоют, рубаху дадут, водкой напоят, накормят да еще полтинником наградят, а ты на дыбы станешь? Так это — одно остолопство.

А все же нашелся и супротивник. Тоже хитрованец, Федором Семенычем звали. Здоровенный старичище был, пьяница из пьяниц и матершинник, одним словом, последняя сволочь. А ему почет от Коншихи шел. Ну, почет не почет, а кормили хорошо и водки тоже неплохо давали. Вот он и хаживал раза три в неделю. Только все же под конец поругался из-за этого мытья.

Приперся раз здорово под шахве*. Анисья потащила было его мыть, а он уперся и давай матюкаться.

— Что это, — говорит, — так-растак, вы такую акробацыю взяли — беспременно человека мыть? — И пошел разрумянивать и Коншиху, и Анисью. А те ничего: стоят да посмеиваются.

Его еще пуще зло взяло от этого смеха:

— Ноги моей у вас больше не будет! — кричит, и ушел.

Ушел и с месяц не показывался. Так что же скажешь? Ведь посылала Коншиха дворника за ним! Пошел дворник, разыскал на Хитровке этот «драгоценный алмаз», привел.

Коншиха и напустилась:

— Совесть, — говорит, — есть у тебя? Почему столько времени не приходил?

А он и говорит:

— Да что, Варвара Сергевна! Когда не придешь, все мыть да мыть.

Она и давай его пробирать:

— Да как же, — говорит, — вас, чертей, не мыть? Ведь обовшивели все с головы до пят!

А тому и сказать на это нечего, потому что — правда. Да и на самом деле, какое уж хитрованское житье? Постоянно в грязи, в навозе, как тут не быть вшам?

Ну, и потащила его Анисья на кухню и обработала за мое почтение. Принарядила, водочки поднесла, а на счет этого кушанья, так жри на выбор что хочешь: тут и жаркое, и курятина, индюшатина, котлеты и разная премудрость под соусом. Он и пошел трескать. Сам потом рассказывал про это угощение:

— Моя, — говорит, — братцы, канплекцыя того не дозволяла, сколь много я тогда этого великолепного кушанья поел.

А тут еще Анисья рупь ему сунула — он и сам размяк, стал опять ходить, да только скоро спекся, опился водки. Ну, подох и подох — тужить о нем некому было, собаке — собачья честь. А Коншихе не до него было, другим делом занялась: собор в Серпухове начала строить. Сама она серпуховская была, вот и хотела, чтобы память о ней осталась, да через одного монаха вся ее затея распалась.

Шут знает, откуда он явился, прислонился к Коншихе и все проповедовал, как надо на свете жить поправедному. Только эта его проповедь мошенническая была: хотел голову человеку затуманить, а сам целил Коншихин капитал царапнуть. Он такое мнение в своем уме положил, что, дескать, Коншиха старуха дурашливая и обмануть ее ничего не стоит. А Коншиха еще не потеряла ума и хорошо понимала, каким духом дышит человек. Слушать она слушала его рацеи, а кошелек подальше держала. Вот он молол-молол, да раз и говорит:

— Что это, Варвара Сергевна, такое? Вокруг вашей головы сияние.

Она и спрашивает:

— А какое же это сияние, отец?

А он возьми и брякни:

— Да я, — говорит, — так разумею, что вы вполне просвятились, а святым, — говорит, — деньги один только соблазн. Лучше, — говорит, — давайте, я их на монастырь потреблю.

Тут она хлоп, хлоп! его ладонью по щеке.

— Ах ты, — говорит, — сукин сын! Да как, — говорит, — ты осмелился грешного человека к святому приравнять?! — И еще его хлопнула.

А было в самом Серпухове, при народе... Ну там, свой народишко, который при ней находился. И как она отхлопала его по щекам, он озлился и с кулаками налетел было на нее, да сам попал в переплет. Как сгребли, как пошли мять... Уж они мяли, мяли... еле жива оставили. Проскрипел он два дня и ноги протянул. Ну, сейчас эти доктора натомировать, уж без этого у них никак невозможно. Вот разрезали, распотрошили, смотрят — печенки отшиблены, два ребра перебиты.

— Да тут, — говорят, — убийство!

И задымилось было дельце немалое, да сейчас же затушили: три тысячи роздали нужным людям, и дело насмарку. Еще монаха и виноватым сделали:

— Так, — говорят, — ему и надо, не распускал бы зря длинный язык!

Ну и сволокли раба Божия на кладбище, похоронили, и как не жил на свете.

А Коншихе дело это не прошло даром: растревожилась она, совсем расхворалась. Лежит в постели, охает и все монаха клянет:

— Этот, — говорит, — окаянный дух, монашек непутевый, все дело испортил: не дал собор достроить, да и самое в гроб уложил: чую, — говорит, — смерть моя идет.

Ну, поохала, да той же дорогой вслед за монахом пошла. А собор так и остался недостроенным: фундамент заложили, стены начали было выводить, да на том и дело стало.

Примечание: *В. С. Коншина (Коншиха) — жена известного в свое время московского фабриканта-мануфактуриста, в низах Москвы помнится только людьми старого поколения. По словам одного из них, она действительно принимала у себя во дворе нищих, оделяя каждого двадцатью копейками, нередко давала им белье, которое, по обыкновению, пропивалось. Приказывала ли она мыть голову нищим и гнала ли со двора чисто одетых просителей, рассказчик не знает, но ему известно, что женщин-нищенок, приходивших к ней с кучей детей, взятых «на прокат», она не жаловала, как обманщиц.*

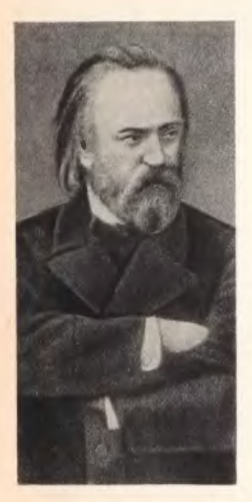
* Шпана — презрительное название арестантов и босяков. Слово тюремного происхождения: арестанты шпаной называют вшей, уподобляя последних по обилию их на каждом из них тонкорунным овцам шпанской породы, известным на юге России под названием шпанки.

* Шахве — испорченное французское слово chouxxe — подогретый; в переносном значении — находящийся в легком опьянении, навеселе.

НАТАЛЬЯ ПИРУМОВА,
доктор исторических наук

ДВА АЛЕКСАНДРА

ВЗГЛЯД НА РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II ИЗ ЛОНДОНА

В числе выдающихся реформаторов на престоле Российской империи Александр II занимал одно из первых мест. Освобождение крестьян от крепостного права и последующие крупнейшие преобразования государственного строя России по справедливости считались эпохой Великих реформ. Общество с глубоким волнением ждало результатов.

Александр Иванович Герцен в «Полярной звезде» и «Колоколе» поместил три письма, обращенные к царю. Первое написано 10 марта 1855 года (1 книга «Полярной звезды») под непосредственным впечатлением начала нового царствования. По существу, это письмо еще продолжение декабризма, но в другой форме, в другое время.

Все мысли и дела Герцена проникнуты крестьянским вопросом. «*Ждем всеми нервами*», — сообщает он друзьям в Россию. После первых реальных шагов, предпринятых Александром II к освобождению крестьян западных губерний[1], 14 декабря 1857 года он снова пишет: «*Итак — освобождение крестьян начадось... Назад отступать невозможно. Это величайшее русское событие после 14 декабря*».

15 февраля 1858 года в «Колоколе» появляется статья «Через три года». «*Ты победил, Галилеянин!* — пишет Герцен. — *С того дня, как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он со стороны освобождения крестьян, что он его хочет, с тех пор наше положение к нему изменилось.*

Мы имеем дело уже не со случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России».

Дальнейшие сообщения Александра Ивановича друзьям вновь полны сомнений: «*Реакция в России сильна — дворянство образует упорнейшую оппозицию. Александр в ярости, но слаб и всецело в руках негодяев*»... «*Несчастный человек этот царь Александр! Какое положение случай ему предоставил, и он все погубит*».

И вот в июне 1858 года Герцен сообщает: «*Александр II не оправдал надежд, которые Россия имела при его воцарении... он повернул: слева да направо... его мчат дворцовые кучера, пользуясь тем, что он дороги не знает. И наш «Колокол» напрасно звонит ему, что он сбился с дороги*».

15 августа того же года в «Колоколе» совместно с Н. П. Огаревым Александр Иванович публикует новое открытое письмо царю. Поводом для него послужил проект Главного комитета по крестьянскому делу.

«*Государь,*

Мы с ужасом прочли проекты центрального комитета. Остановитесь! Не утверждайте! Вы подпишете свой стыд и гибель России. Как честные люди от искренней скорби и от искреннего желания добра, ради всего святого, умоляем Вас: не утверждайте! Одумайтесь».

В двух разделах, озаглавленных «Нет больше освобождения крестьян!» и «Нет более спасения от чиновничества!», представлена блестящая, уничтожающая критика Главного комитета.

По поводу предполагаемого назначения начальником волости помещика, владеющего наибольшим количеством земли — «*Каким бы злодеем он ни был... и это называется улучшение быта крестьян! Что за тупоумие и что за варварство! Это писали олигархи! Берегитесь, государь! Помните дедушку*[2]*!*»

По поводу предполагаемого утверждения помещиком решений мирского схода — «*Лучше уж было сказать, что все делается по воле помещика, как теперь, потому что... очевидно, что Мирскому сходу и собираться не для чего...*

После этого мы вправе спросить: что же вопрос улучшения быта крестьян был поставлен или это была только жалкая фарса ради европейских рукоплесканий?»

По поводу запрещения крестьянину переселяться в другую общину, даже тогда, когда мир на это согласен — «*Рабство, рабство и всесовершеннейшее рабство*».

О наказаниях для крестьян (порка, тюремное заключение), совершаемых по воле помещика — «*Нечего сказать — хорош успех! И вы думаете, что это освобождение от крепостного состояния или улучшение крестьянского быта?.. Что ж изменилось? Ничего! Зачем же весь гвалт?.. Государю честнее было бы сказать, что он не хочет освобождения*».

По поводу волостной администрации, в состав которой должны войти: начальник, волостной старшина и его помощник, сборщик податей, писарь. И все это на 20 или 25 дворов — «*И что за страсть все управлять да управлять, все заводить новых экстраординарных начальников, как будто обыкновенных недостаточно! Разве не довольно губернаторов, исправников, чтобы заводить еще волостных начальников?*

...Если государь утвердит такой проект, то это будет стыд для него и гибель для России».

Обострение общественной обстановки в стране, частично и под влиянием выступлений Герцена, привело к новым действиям Главного комитета. Этому событию способствовало выступление Александра II 18 октября 1858 года и его требования:

«*а) чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшен;*

б) чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены;

в) чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась, отчего ни на минуту же и общественный порядок не нарушался»[3].

В итоге была создана новая программа реформы. Но энергичная работа губернских комитетов, а затем Редакционных комиссий по всем проблемам реформы продолжалась еще два года.

Наступил 1861 год. После объявления Манифеста об освобождении крестьян 1 апреля 1861 года в «Колоколе» появилась статья «Манифест».

«*Первый шаг сделан!*

...Александр II сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников. Он боролся во имя человеческих прав, во имя сострадания, против хищной толпы закоснелых негодяев и сломил их! Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудут... Мы приветствуем его именем освободителя!»

Не только советские историки упрекали Герцена за письма царю, за похвалы в его адрес. Уже в те далекие шестидесятые годы XIX века в демократических кругах подобные обращения к царю не были приняты.

Отвечая своим критикам, Александр Иванович писал: «*Да вообще следует ли, дозволено ли, можно ли писать к «деспотам и тиранам», или, если можно, то не должно ли сначала поставить кое-какое крепкое словцо и заключить бранью... проклиная бабку и прабабку.*

Что касается до дозволения, я его имею, он мне дано моей совестью; насчет тона — это мой естественный тон, я думаю, сверх того, что свободные люди, уважающие себя, никогда не ругаются, и ни с кем, особенно, когда это безопасно... Я в императоре Александре вижу сильного представителя противуположного нам начала, враждебного нам стана, я уважаю в нем нашу борьбу».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о рескриптах царя на имя виленского и санкт-петербургского генерал-губернатора от 29 ноября и 5 декабря 1857 года.
2. Намек на судьбу Павла I.
3. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 109.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ПОСЛЕ РОССИИ

Евгений Александрович Ляцкий

К. Д. Бальмонт

А. М. Ремизов

Песок времеии, казалось бы, окончательно заиес и скрыл от нас иавсегда следы прошлого русской культурной жизни. Особенно это касается судеб представителей творческой интеллигенции России, вольно или невольно оказавшихся за ее пределами после 1917 года. Современников, которые могли бы что-то рассказать о них, уже почти не осталось. Мы же немиого знаем об этих людях, об их жизни, привычках, характерах, о том, как они выглядели, живя вдали от Родины. Поэтому особеиио интересио то немногое, что вопреки всему сохранилось. Это целиком относится к публикуемым фоторепродукциям портретов видных деятелей русской культуры из коллекции профессора Евгения Алексаидровича Ляцкого (1862—1942), долгие годы жившего в Чехословакии.

Несколько слов о нем. Ои родился в дворянской семье в Минске, там же окоичил гимназию. После завершения учебы иа историко-филологическом факультете Московского университета (1893), читал там лекции по русской литературе, занимался этнографией. С 1901 по 1908 год был хранителем отделения этнографии Русского музея в Петербурге. В это же время и позже часто печатался в журналах «Вестник Европы», «Современиик», «Русская мысль». После смерти А. Н. Пыпина (1904) заведовал литературным отделом «Вестника Европы», а в 1912—1914 годах редактировал «Современиик». Был знаком со многими писателями, в частиости с А. Н. Толстым, А. М. Горьким и другими.

В 1900—1910-е годы Ляцкий сосредоточивается на литературно-публикаторской деятельности, издает переписку Екатерины II (готовилась совместно с А. Н. Пыпиным), эпистолярное наследие Н. Г. Чер-

И. С. Шмелев

нышевского, В. Г. Белинского. До революции вышли его статьи о Н. В. Гоголе, В. М. Гаршине, А. М. Горьком, А. П. Чехове, В. В. Вересаеве, Л. Н. Андрееве и других писателях, в 1904 году напечатана монография об И. А. Гончарове.

В 1917 году Ляцкий выехал в Финляндию, где издавал газету «Северная жизнь», потом перебрался в Стокгольм, основав там журнал «Около России» и издательство «Северные огни». В 1922 году он навсегда переезжает в Прагу и становится профессором русской литературы в Карловом университете. В 1920—1930-е годы его научная и культурная деятельность была отмечена рядом почетных званий чешских и европейских организаций и учреждений. В эти годы Е. А. Ляцкий опубликовал значительное число книг по истории русской литературы. Тесные контакты со многими рассеянными по Европе известными русскими эмигрантами в значительной мере были обусловлены тем, что в 20-е годы он заведовал редакцией исторической и художественной литературы в крупном пражском русском издательстве «Пламя». Именно поэтому его архив содержит множество писем русских писателей (И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, А. И. Куприна, А. М. Ремизова, Д. С. Мережковского, В. И. Немировича-Данченко, Н. А. Тэффи, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, М. И. Цветаевой, Е. Н. Чирикова и др.). Активное участие в культурной жизни русской колонии в Праге связывало Ляцкого едва ли не со всеми ее видными представителями.

Кроме уже упомянутых имен в его гостевой книге встречаются записи приезжавших в Прагу Богданова-Бельского, И. Я. Билибина, а также оказавшихся в чешской столице известного московского

Б. К. Зайцев

Н. П. Кондаков

ученого историка А. А. Кизеветтера, профессора Петроградского университета философа и эстетика И. И. Лапшина и др. Часто знакомые дарили Ляцкому свои фотографии. Так и возникла его фотоколлекция.

Еще несколько лет назад на стенах комнаты вдовы Евгения Александровича Виды Павловны, внучатой племянницы выдающегося чешского и словацкого ученого-слависта П. Й. Шафарика, посетитель мог увидеть фотографии И. А. Бунина, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Л. Н. Толстого. Под стеклом в рамке с портретом Толстого внизу была вырезка из письма писателя к Ляцкому: «Будем любить друг друга, любящий каждый от Бога и знает Бога, не любящие не знают Бога, потому что Бог есть любовь».

На многих из фотографий имеются дарственные надписи:

«Дорогому другу Евгению Александровичу Ляцкому, истинному ценителю художественного слова, с сердечной преданностью К. Бальмонт. Париж 1925, 25 февраля»;

«Дорогому Е. А. Ляцкому с лучшими чувствами Бор. Зайцев, 5 янв. 1926»;

«Дорогому другу Евгению Александровичу Ляцкому от сердечно любящего его старого литературного инвалида на добрую память. Вас. Немирович-Данченко. Прага 10.X.1934»;

«Дорогому Е. А. Ляцкому на добрую память о Евгении Чирикове. Спасибо за хорошую речь, сказанную Вами от Славянского института 18-го января 1932 года (в январе 1932 г. писатель умер. — *Л. К.*), с лучшими чувствами Валентина Чирикова»;

«Милому радетелю за нас — собратьев Евгению

Е. И. Чириков

Н. А. Тэффи

Александровичу Ляцкому с признательностью и лаской Ив. Шмелев. Осень, 1927».

Некоторые портреты хранят на себе лишь именные автографы.

Представлять изображенных на фотографиях, думается, не нужно, разве что М. Н. Германову и Н. П. Кондакова. Первая — видная представительница первого поколения МХАТа, часть труппы которого, как известно, в начале 20-х годов оказалась в Праге, где выступала с большим успехом. Этому немало способствовала и игра Германовой, очень популярной актрисы (одно время она была даже режиссером зарубежной труппы МХАТа). Второй — один из известных историков искусства (античной Греции, ранних христиан, Византии, кочевых народов и древней Руси). Покинув Россию в 1917 году, он в начале 20-х годов поселился в Праге, где стал, как и Ляцкий, профессором Карлова университета. Кондаков собрал богатейшую коллекцию русских икон.

Итак, всмотритесь в лица наших выдающихся соотечественников, чья судьба оказалась столь трагична. Это о них, еще будучи в Чехии, в 1925 году писала Марина Цветаева: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью». Россия всегда была в них и с ними, до конца.

ЛЕВ КИШКИН,
доктор исторических наук

Сдано в набор 23.08.93. Подписано к печати 25.10.93. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000. экз. Заказ № 923. Цена в розницу — договорная, 40 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.

ПРОМСТРОЙБАНК РОССИИ

Более 70 лет насчитывает история Промстройбанка — старейшего акционерного банка России. Образованный в 1922 году как акционерное общество, в которое входило менее 50 акционеров, Промышленный банк (первое наименование) с первых дней своего существования производил долгосрочное кредитование государственной промышленности. И все годы, прошедшие с тех пор, главным в деятельности банка было финансирование долгосрочных программ, кредитование базовых отраслей промышленности, строительства, транспорта и связи.

Создание в ноябре 1991 года Акционерного инвестиционно-коммерческого промышленно-строительного банка ознаменовало начало принципиально нового этапа в деятельности Промстройбанка. Главной задачей стало осуществление широкомасштабной инвестиционной деятельности в базовых отраслях экономики, кредитование и финансирование ее важнейших экономических и социальных программ, в том числе с привлечением иностранного капитала и иностранного технического содействия. Серьезное внимание уделяется вопросам промышленной конверсии оборонного сектора, а также специального кредитования в области приватизации.

Сегодня акционерами Российского акционерного инвестиционно-коммерческого промышленно-строительного банка (Промстройбанка России), на который возложены функции агента правительства по финансированию и кредитованию важнейших государственных программ, являются более 800 предприятий и организаций различных форм собственности, расположенных во многих регионах страны. Среди них корпорация «РОСНЕФТЕГАЗ», АО «Магнитогорский металлургический комбинат», АО «ЗАБАЙКАЛЗОЛОТО», совместное российско-германское предприятие «ДЕЛЬФИН» и другие.

Промстройбанк России, руководствуясь постановлениями Совета Министров Российской Федерации «Об акционерном инвестиционно-коммерческом промышленно-строительном банке (Промстройбанке)» и «О мерах по повышению роли банков в обеспечении государственных инвестиционных программ», принимает меры по ускоренному развитию сети своих учреждений на всей территории России. Сегодня система Промстройбанка России, которая охватывает около трети территории страны, включает 47 филиалов, в том числе 7 региональных, 12 дочерних банков со 111 филиалами. Прорабатываются вопросы создания дополнительно более 20 новых филиалов, в том числе в Москве, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Дзержинске, Республике Саха, Приморском крае и других регионах страны.

Кредитная политика Промстройбанка России базируется на сочетании государственных и коммерческих интересов, направлена на эффективное использование средств акционеров, удовлетворение их потребностей в заемных средствах. Общий размер кредитов, предоставленных в 1992 году, возрос по сравнению с 1991 годом в семь раз и составил почти 93 миллиарда рублей.

Промстройбанк — один из немногих в России, кто способен выдавать миллиардные кредиты, чтобы поддержать крупномасштабные проекты, связанные с наукой и техникой, модернизацией производства, перестройкой экономики. Только в 1991—1992 годах предоставлено свыше двух миллиардов рублей кредитов на модернизацию Магнитогорского и ряда других металлургических комбинатов, концерн «Росавтодор» получил миллиард рублей на строительство и реконструкцию дорог, крупный кредит получил «ЗИЛ» на организацию выпуска новых дизельных автомобилей.

Однако при этом надо отметить, что, сохраняя верность своим традиционным сферам деятельности, Промстройбанк, следуя требованиям времени, значительное внимание уделяет новым направлениям современного предпринимательства, малому бизнесу. Он обслуживает около 400 малых предприятий, фирм, товариществ, кооперативов.

Развивая сферу предоставляемых услуг, Промстройбанк осваивает нетрадиционное для себя направление деятельности — работу с населением.

Проводимые в стране политические и экономические реформы в увязке с положением на кредитном рынке России и ростом инфляции не могли не сказаться на этих направлениях международного сотрудничества. Но и в этих условиях, являясь агентом правительства России и работая в тесном сотрудничестве с МВЭС России и Минфином РФ, банк продолжает кредитование строительства объектов за рубежом по межправительственным соглашениям в счет госкредитов России. Так, осуществляется льготное кредитование строительства гидротехнических и энергетических объектов в Алжире, Пакистане, Индии, Марокко, Китае.

Промстройбанк одним из первых банков России приступил к проведению международных расчетов и валютно-финансовому обслуживанию клиентов. В 1992 году показатели баланса в иностранной валюте увеличились в 1,7 раза. В настоящее время банк ведет операции по 11 корреспондентским счетам своих филиалов и 57 корреспондентским счетам других коммерческих банков.

Промстройбанк России имеет корреспондентские отношения и договоры о сотрудничестве с десятками иностранных банков, в том числе с «Бэнк оф Америка Интернэшнл», «Бэнк оф Нью-Йорк», «Дрезднер Банк», «Барклайз Банк» и другими.

Эффективность работы Промстройбанка России в сфере внешнеэкономической деятельности высоко оценена международной организацией «Трейд Лидерс Клаб» (Мадрид), трижды (в 1990—1992 годах) наградившей банк призом за активность в области финансовой политики и бизнеса.

Я. ДУБЕНЕЦКИЙ,
председатель правления Промстройбанка